

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

ВЫПУСК 28

Саратов
Издательство «Саратовский источник»
2021

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1(0)
И90

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук *М.С. Бобкова*, проф. *А.Н. Галямичев*,
проф. *В.Н. Данилов*, проф. *В.И. Кащеев*, канд. ист. наук *М.В. Ковалев*,
канд. ист. наук *О.В. Кочукова* (отв. секретарь), проф. *С.А. Мезин* (отв. редактор),
канд. ист. наук *В.А. Соломонов*

Рецензент:

Докт. ист. наук, проф. кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского *В.А. Китаев*

И90 **Историографический сборник** : Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во «Саратовский источник», 2021. – Вып. 28. – 200 с.

Очередной выпуск «Историографического сборника» посвящен памяти Н.А. Троицкого (1931–2014). Жизнь и труды российских историков конца XX – начала XXI века нашли отражение в статьях коллег и учеников выдающегося саратовского историка. Следующий раздел включает статьи, посвященные историографии освободительного движения в России. Традиционно в сборнике представлены статьи по актуальным проблемам отечественной и региональной историографии.

Сборник адресован научным работникам, студентам и аспирантам гуманитарных вузов и всем, интересующимся прошлым и настоящим исторической науки.

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1(0)

ISSN 0130-6839

@ Саратовский государственный университет, 2021
@ Коллектив авторов, 2021
@ «Саратовский источник», 2021

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА: Н.А. ТРОИЦКИЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

УДК [930+656.881.11](47+57+470.44–
25)|1972/1980|+929[Гефтер+Троицкий]

М.В. Ковалев, В.С. Груздинская

«ВЫ ДЕЛАЕТЕ БЕССМЕРТНО НУЖНОЕ ДЕЛО – И В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СМЫСЛЕ, И В ГРАЖДАНСКОМ»: ПИСЬМА М.Я. ГЕФТЕРА К Н.А. ТРОИЦКОМУ (1972–1980)¹

В статье представлен аналитический обзор писем известного историка М.Я. Гефтера к его саратовскому коллеге Н.А. Троицкому, охватывающих период 1972–1980 гг. Делается вывод о том, что диалогу двух ученых способствовал как общий интерес к истории народничества, так и ситуация 1972 г., когда оба стали мишенью оголтелой критики со страниц журнала «Коммунист», издаваемого ЦК КПСС. Обрисовываются стратегии поведения двух именитых ученых, а также метаморфозы их жизненных и творческих траекторий на излете «позднего социализма».

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, М.Я. Гефтер, Саратовский государственный университет, советская историография, народники.

M.V. Kovalev, V.A. Gruzdinskaya

«YOU ARE DOING AN IMMORTALLY NEEDFULWORK IN THE PROFESSIONAL SENSE AND IN THE CIVIL SENSE»: LETTERS OF M.Ya. GEFTER TO N.A. TROITSKY (1972–1980)

This article is devoted to the analytical review of the letters of the famous historian M.Ya. Gefter to N.A. Troitsky, his Saratov colleague, covering the period of the 1972–1980.

¹ Авторы благодарят Ю.Г. Степанова за неоценимую помощь в подготовке статьи. Без любезно предоставленных им материалов эта работа не могла бы состояться.

It is concluded that the dialogue between the two scientists was facilitated by both the common interest in the history of narodnik movement and the situation in 1972, when both became the target of frenzied criticism from the pages of the journal «Communist», published by the Central Committee of the CPSU. The strategies of behavior of two eminent scientists are outlined, as well as the metamorphosis of their life and creative trajectories at the end of «late socialism».

Key words: N.A. Troitsky, M.Ya. Gefter, Saratov State University, Soviet historiography, Narodnik movement.

Имена Николая Алексеевича Троицкого (1931–2014) и Михаила Яковлевича Гефтера (1918–1995) относятся к числу знаковых в отечественной исторической науке второй половины XX в. Жизненные и профессиональные траектории двух ученых изначально во многом различались. Гефтер – воспитанник Московского университета, фронтовик, после войны ставший сотрудником Института истории АН СССР. В 1950-е гг. он занимался вопросами экономической истории Российской империи рубежа XIX–XX вв., проявил себя прекрасным организатором в процессе работы над многотомной «Всемирной историей». В 1960-х гг. от конкретных исторических исследований он перешел к вопросам историографии и методологии истории. Эта работа привела его к переосмыслению советского догматического марксизма. Из пламенного комсомольца в юности Гефтер превратится в диссидента, «мучительно искавшего ответы на проклятые вопросы российской действительности» [13, с. 7]. Троицкий принадлежал к более молодому поколению советских историков, чье детство сначала выпало на трагические 1930-е гг., а затем было опалено Великой Отечественной войной – отец будущего историка погиб на фронте в сентябре 1942 г. Вся творческая жизнь Троицкого была связана с Саратовским университетом, а не с академической наукой. Он всегда оставался верен своему любимому историческому периоду – XIX в. В отличие от Гефтера, постепенно превращавшегося в историка-теоретика, Троицкий на протяжении всей жизни оставался скрупулезным фактографом, для которого самоценность исторического факта всегда перевешивала концептуальные построения. Он не ставил под сомнение методологию марксизма, хотя воспринимал ее не догматически. Одновременно он был блестящим стилистом, и это обстоятельство ставит его научные произведения в ряд классики научной словесности. Троицкий никогда не был диссидентом, хотя критически воспринимал многие советские реалии и с глубоким уважением относился к некоторым из видных советских правозащитников, например к академику

А.Д. Сахарову². Тем не менее, у довольно разных по стилю жизни и воззрениям ученых, коими были Троицкий и Гефтер, находилось немало поводов для доверительного и взаимноинтересного общения³.

Среди обширного документального наследия Н.А. Троицкого, хранящегося ныне в фондах Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского в Саратове, имеется 9 писем от М.Я. Гефтера. Обстоятельства знакомства историков пока не удалось прояснить. Первое известное письмо Гефтера к Троицкому датировано 18 ноября 1972 г. При этом текст его косвенно свидетельствует, что ученые могли контактировать и ранее. Из писем следует, что ученые вплоть до конца 1975 г. лично не встречались и неясно, виделись ли они впоследствии. Увы, недоступность личного архива М.Я. Гефтера, а равно незавершенность разбора и систематизации документального наследия Н.А. Троицкого пока затрудняют написание полноценной картины их интеллектуальных контактов.

Нельзя сказать, что это были очень близкие и уж тем более дружеские отношения. Интенсивность эпистолярного диалога ученых трудно назвать высокой, особенно на фоне, к примеру, обширнейшей и многолетней переписки Троицкого с Василием Федоровичем Антоновым (1919–2014), Валентиной Александровной Твардовской (род. 1931), Борисом Самуиловичем Итенбергом (1921–2016) и другими. Тем не менее, саратовский историк в своих воспоминаниях называл М.Я. Гефтера в числе тех московских коллег, которые были ему наиболее близки⁴. Интеллектуальному сближению явно способствовали общие сферы научных интересов. В 1970-х гг., к которым относятся почти все указанные письма, Гефтер как раз заинтересовался историей русского революционного народничества и Троицкий, как один из ведущих специалистов в этой области, оказался для него важным и интересным собеседником. Не случайно в письмах к саратовскому коллеге М.Я. Гефтер задавался вопросом о том, чем же является современное народничество, и почему оно должно быть предметом интеллектуальных рефлексий в наши дни.

² Так, 20 декабря 1989 г. Н.А. Троицкий написал своему московскому другу и коллеге Б.С. Итенбергу: «Как жаль, что не стало А.Д. Сахарова! В один день весь наш народ стал ниже на целую голову и притом самую светлую. Будем надеяться в 90 г. на перемены в стране к лучшему» [20, л. 27].

³ Эпистолярное наследие и Н.А. Троицкого, и М.Я. Гефтера, приобретает все больший интерес среди исследователей. См., например: [7, с. 149–150; 12, с. 392–400; 15, с. 204–212; 16, с. 81–84; 21; 25, с. 76–85; 33, с. 187–197].

⁴ Наряду с Б.С. Итенбергом, В.А. Твардовской, В.Ф. Антоновым, В.Я. Гросулом, С.О. Шмидтом, Н.М. Пирумовой, Э.С. Виленской, Р.В. Филипповым, Е.Л. Рудницкой [29, с. 122].

Вероятно, общению двух историков способствовал и тот факт, что Гефтер имел немало саратовских знакомых. В уже упомянутом письме от 18 ноября 1972 г. он просил Н.А. Троицкого передать привет его коллеге по кафедре – Варваре Васильевне Широковой, занимавшейся изучением партии «Народного права» в контексте развития освободительного движения 1890-х гг. [34]. В письме от 6 февраля 1979 г. М.Я. Гефтер упомянул о смерти старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР Григория Михайловича Деренковского (1912–1978), с которым его связывали близкие личные и профессиональные отношения⁵. Деренковский в 1942–1943 гг. был деканом историко-филологического факультета Саратовского государственного университета [24, с. 20]. Затем переехал в Москву, но связей с городом на Волге не терял. Таким образом, уже накануне знакомства с Троицким у Гефтера были разные ниточки, связывающие его с Саратовом.

Если судить по сохранившимся письмам, то толчком к сближению двух ученых послужила также скандальная история вокруг публикации в журнале «Коммунист» в 1972 г. статьи Анатолия Филипповича Смирнова (1925–2009) из Академии общественных наук при ЦК КПСС с претенциозным названием «За строгую научность, достоверность и историческую правду» [23, с. 113–124]. Одними из главных объектов критики в ней стали как раз Н.А. Троицкий и М.Я. Гефтер.

Со Смирновым Троицкий впервые столкнулся, причем почти едва не в прямом смысле этого слова, в марте 1966 г. во время дискуссии о народничестве, организованной в Институте истории АН СССР. Тогда оба историка выступили с проблемными докладами, вокруг которых строилось дальнейшее обсуждение. Н.А. Троицкий потом вспоминал, с каким раздражением слушала его выступление считавшая себя непререкаемым авторитетом Милица Васильевна Нечкина (1901–1985) [29, с. 102–103]. Идеи молодого 34-летнего саратовского историка, в ту пору еще кандидата наук, слишком сильно шли в разрез с ее взглядами, а равно с советским историографическим официозом. Смирнов, напротив, был идейно близок Нечкиной, и, как подчеркивал Троицкий, она всячески ему покровительствовала [29, с. 129].

Выбор журнала для публикации был сделан неспроста. С «Коммунистом» «нельзя было дискутировать в принципе – его материалы воспринимали как веление самой партии» [11, с. 212]. Напомним, что незадолго до появления статьи Смирнова М.Я. Гефтер уже подвергся публичной травле, ставшей реакцией на выпуск им сборника «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969). Возглавляемый ученым сек-

⁵ См., например, их книгу: [6].

тор методологии истории в Институте всеобщей истории АН СССР в 1970 г. был закрыт по указанию из ЦК КПСС, но гонения на этом не прекратились [14, с. 363–389]. Н.А. Троицкий в 1971 г. защитил докторскую диссертацию «Политические процессы в России: 1871–1891 гг.». Статья Смирнова в журнале «Коммунист» могла грозить отказом в утверждении этой работы Высшей аттестационной комиссией, тем более что сам Смирнов прикладывал большие усилия в этом направлении [29, с. 128].

Однако Н.А. Троицкий сдаваться не собирался и начал полемику с влиятельным журналом ЦК КПСС⁶. Он составил большое письмо, в котором по пунктам разбирал рецензию А.Ф. Смирнова, обвинив того не только в «историографической малограмотности», но и в плагиате. Девять абзацев смирновского текста были списаны из статьи Степана Степановича Волка (1921–1993), причем опубликованной в том же журнале «Коммунист», но в 1968 г. [3, с. 116–121; 29, с. 128–129]⁷. Письмо было отправлено в Академию общественных наук при ЦК КПСС, в «Литературную газету» и журнал «Крокодил», а также специалистам-историкам, в том числе всевластной Нечкиной [30, с. 13–22]⁸. Милица Васильевна подготовила ответ на «протест Троицкого», но в последний момент по невыясненным

⁶ Н.А. Троицкий не впервые полемизировал с партийными институциями. Достаточно указать на историю с публикацией в сборнике «Освободительное движение в России» статьи Ю.Г. Оксмана, вызвавшей гнев саратовского обкома партии. Николай Алексеевич так описывал эти события по горячим следам в письме к Б.С. Итенбергу 17 ноября 1971 г.: «Почти три месяца тираж 1-го номера (исключая отдельные, просочившиеся на волю экземпляры) держали под арестом, а над следующими номерами вся работа была остановлена по велению местных властей, вообразивших (невесть отчего), что мы напечатали антисоветчика (!) в лице Ю.Г. Оксмана. Мы апеллировали в ЦК и вот только на днях вопрос решен в нашу пользу» [19, л. 13].

⁷ Нужно сказать, что к исследованиям С.С. Волка Н.А. Троицкий относился довольно критически. Приведем фрагмент из письма саратовского историка к Б.С. Итенбергу от 17 февраля 1972 г.: «А Волк и Ко (впрочем, самого Волка я никогда в глаза не видел; как личность он для меня – пустое место, я не о личностях веду речь, а о позициях) как будто не ругаются, а исследуют, причем даже похваляют народо-вольцев (за героизм), но до чего же, если вдуматься, невежественно и двусмысленно это покровительственное похлопывание героев по плечу: хорошие, мол, вы ребята, лихие, но придурковатые; не додумались, что надо было отставить террор и заняться организацией классовой борьбы пролетариата» [19, л. 14].

⁸ В письме к академику Н.М. Дружинину 4 января 1971 г. Н.А. Троицкий сообщал: «Поскольку я в свое время взял на себя смелость послать Вам свою книжку, позвольте теперь ознакомить Вас и с копиями моих писем к П.Н. Демичеву и А.Г. Егорову в ответ на головомойку, которую учинил мне (в компании с другими исследователями) за эту книжку А.Ф. Смирнов на страницах журнала ЦК КПСС» [1, л. 9]. Обращение к Дружинину было не случайным, ибо он благоволил Троицкому и помогал с изданием его трудов [1, л. 48].

причинам решила не давать ему хода [10, с. 505]. Н.А. Троицкий получил множество писем поддержки от коллег. Так, Петр Андреевич Зайончковский (1904–1983) написал ему 28 ноября 1972 г.: «Недавно прочел статью известного подонка (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – М.К., В.Г.) А. Смирнова, в котором он облаял Вас. Конечно, несправедливо» [17]. Получил текст и Гефтер, который в ответном письме к Троицкому от 4 января 1973 г. одобрил обращение того «в верхи»: «...Ваш ответ вполне – и по существу, и по форме – бьет в точку. Особенно хорошо “работает” изображение Смирнова в плагиате. Ну и деятели! При любом разборе достаточно сказать: возможен ли спор с плагиатором? Выяснение истины с откровенным жуликом» [17]. А.Ф. Смирнова Н.А. Троицкий относил к числу своих сильнейших антипатий. В 1974 г. он записал, что Смирнов раздражает его наравне с очередями в магазинах [29, с. 293]. Для М.Я. Гефтера, как следует из его писем к саратовскому коллеге, Смирнов также мало-симпатичен. Однако не сам по себе, а как некий обобщенный тип ученого, порожденного эпохой⁹.

В итоге заместитель главного редактора журнала «Коммунист» Евгений Иосифович Бугаев (1912–1997) прислал Н.А. Троицкому примирительное письмо, содержание которого саратовский историк счел «и с научной, и с этической точки зрения ущербным до комизма» [29, с. 130]. В своих мемуарах Николай Алексеевич иронизировал, что ему написал тогда автор книги «Опыт массово-политической работы на селе» [29, с. 129]¹⁰.

И хотя журнал создал видимость примирения, и хотя из ЦК КПСС через Саратовский обком Н.А. Троицкого уверили, что А.Ф. Смирнова за его ретивость был наказан по партийной линии, история имела неприятные последствия. Троицкий впоследствии отмечал, что публикация статьи

⁹ Уже в 1990-е гг. А.Ф. Смирнов резко «эволюционировал», превратившись из воинствующего марксиста, печатавшегося в журнале «Коммунист», в русского националиста и православного патриота. Если в 1970-х гг. Смирнов преподавал в Академии общественных наук при ЦК КПСС, то в 1990-х гг. – уже в Сретенской духовной семинарии. Его апологеты писали, что, «А.Ф. Смирнов оказался одним из очень немногих историков, изучавших революционную и советскую проблематику, сознание которого оказалось неподвластным “марксистско-ленинскому” тотальному нигилизму ко всему русскому, православному и традиционному» [18]. Декларируемую «неподвластность сознания» легко поставить под сомнение уже после беглого просмотра упоминавшейся статьи в журнале «Коммунист», в которой автор призывал исходить исключительно из «ленинской концепции российского освободительного движения, не допуская неточного цитирования ленинских текстов» [23, с. 115].

¹⁰ В дополнение к словам Н.А. Троицкого можно указать, что в 1970 г. Е.И. Бугаев защитил в качестве докторской диссертации доклад по совокупности работ «КПСС – вождь социалистической революции, руководящая сила строительства социализма, коммунизма».

в «Коммунисте» была не случайной. Она означала резкую смену официального подхода к народничеству, который ученый охарактеризовал как «неосталинистский». Так, журнал «История СССР» вернул уже принятую к печати рецензию Натальи Борисовны Панухиной на книгу Троицкого «Народная воля перед царским судом», а самому Николаю Алексеевичу отказал в публикации статьи о политических процессах «Народной воли». Даже издательство Саратовского университета отложило на несколько лет запланированное второе издание книги «Народная воля перед царским судом», хотя на нее уже поступило 6 тыс. заявок¹¹. В конце 1973 г. Н.А. Троицкий был избран по конкурсу профессором кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института, однако из ЦК КПСС незамедлительно распорядились отменить результаты выборов [29, с. 131–132].

Гефтеру в 1970-х гг. пришлось еще хуже – его исследования вообще перестали печатать. Михаил Яковлевич, осознавая невозможность нормальной работы, 21 мая 1976 г. досрочно ушел на пенсию как ветеран войны. Он продолжал писать, хотя и «в стол». Академику Алексею Матвеевичу Румянцеву, которого Гефтер всемерно уважал и ценил, он написал 29 декабря 1976 г.: «Я теперь могу самолично руководить собою. Но этому тоже еще надо научиться» [2, л. 2]. Михаил Яковлевич все более погружался в историю народничества, пытаясь найти параллели между его феноменом и современностью. С особым усилием он стремился понять, каким образом народники пришли к идее террора и насколько тот был обоснован в качестве способа политической борьбы. О народниках он готовил большую хрестоматию, намереваясь снабдить ее научными комментариями. Для Гефтера было важно не просто собрать воедино широкий корпус источников, но и связать их «вводками» и «мостиками», которые бы дали читателю возможность глубже понять контекст эпохи [5, с. 5]. Свой труд Гефтер завершил в 1977 г. [8, с. 12]. Увы, все материалы были изъяты после двух обысков в квартире историка в конце 1970-х гг. Но, видимо, рукописи и вправду не горят. Рабочий вариант книги сохранился у В.А. Твардовской¹². Это были лишь тексты самих народников и краткие заметки Гефтера, «пояснявшие идею и план будущего издания, но не “перемычки” между главами» [5, с. 5]. В 2020 г. хрестоматия была опубликована с научными комментариями.

¹¹ Книга Н.А. Троицкого «Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.)» [28] пролежала в университетском издательстве аж 11 лет! Как признавался сам автор в письме к Б.С. Итенбергу от 12 января 1992 г., книга ««состарилась» еще до “рождения”» [20, л. 28].

¹² Благодарю за сведения В.А. Твардовскую, уточнившую в письме от 12 октября 2021 г. обстоятельства сохранения и последующего издания книги М.Я. Гефтера.

Эпистолярное общение Троицкого и Гефтера было сугубо деловым, хотя и доверительным. В нем поднимались и обсуждались острые вопросы, такие, например, как плагиат и научная этика, взаимоотношения ученого и власти. И в ответе на эти острые вопросы столь разные и в личном, и в профессиональном плане историки сходились. К сожалению, в сохранившейся переписке нет никаких намеков на работу М.Я. Гефтера над хрестоматией о народничестве. Последнее из известных писем Гефтера к Троицкому датировано 1980 г. Пока не удалось установить, продолжалось ли общение между ними после этой даты. Остается лишь надеяться, что постепенно систематизируемые материалы архива Н.А. Троицкого смогут дать ответ на этот вопрос. Неизвестно также, как оценивал Николай Алексеевич участие Гефтера в диссидентском движении в СССР, как смотрел на выход коллеги из рядов КПСС в 1982 г., как оценивал его политические взгляды. Из опубликованных мемуаров Троицкого лишь вырисовывается, что тот разделял негативное отношение Гефтера к Б.Н. Ельцину [29, с. 185]. Правда эта ремарка относится уже к событиям 1993 г.

Тем не менее, о Михаиле Яковлевиче профессор Троицкий не забывал. Показательно, что в письме к Анатолию Александровичу Чернобаеву (род. 1940) от 2 ноября 1998 г. Николай Алексеевич посетовал, что в первое издание справочника «Историки России» имя М.Я. Гефтера не вошло, собственно, как и имена Ю.М. Лотмана, С.В. Мироненко, Я.С. Лурье, Н.Н. Молчанова, Е.В. Анисимова, А.П. Пронштейна, О.В. Будницкого, Н.М. Пирумовой и др. [33, с. 194].

Публикуемые в качестве приложения письма М.Я. Гефтера к Н.А. Троицкому хранятся в личном фонде саратовского профессора в Музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского. В настоящее время ведется разбор и систематизация этого обширного собрания, а потому письма Гефтера пока не имеют инвентарных номеров. Все письма представляют собой автографы. Текст написан шариковой ручкой. При публикации полностью сохранена стилистика, орфография и пунктуация автора. Некоторые расшифровки даны в квадратных скобках. Авторские подчеркивания приведены без оговорок.

Публикация этих писем, как думается, будет способствовать более детальному прояснению взаимоотношений двух знаменитых ученых-историков, а равно изучению их жизненных и творческих траекторий на излете «позднего социализма».

№ 1

Москва, 18 ноября 1972 [г.]

Дорогой Николай Алексеевич!

Спасибо за поздравление и хорошие, от души, слова. Я был за городом (немного передыхал) и потому откликаюсь с запозданием. Но пожелать здоровья, душевной бодрости и успехов в замышленном, кажется, никогда не бывает не вовремя. Делаю это, во всяком случае, с большим удовольствием!

Ежели будете в Москве, милости просим в гости (живу недалеко от Института). Поговорим тогда – не спеша – и о народнических сюжетах, которые парадоксальным образом (хотя этому, конечно, есть свое объяснение) рождают такие страсти сегодня и у нас, а не только где-нибудь в третьем мире.

Крепко жму руку

Ваш М. Гефтер

P.S. Привет всем саратовским друзьям. Не упустите, пожалуйста, передать его В.В. Широковой¹³.

М[ихаил] Г[ефтер]

№ 2

Москва, 4 января 1973 г.

Дорогой Николай Алексеевич!

Спасибо за добрые пожелания. Отвечаю такими же. Правда для того, чтобы сбылись они, Новому году придется помочь, сам он, пожалуй, не справится. Доказательство – Ваше послание в верхи по поводу критики Смирнова¹⁴. Написан Ваш разбор весьма убедительно и с полным учетом обстоятельств. К сожалению, иначе не напишешь. Вы отмечаете, напри-

¹³ Широкова Варвара Васильевна (1921–?) – советский и российский историк, доктор исторических наук (1978), профессор Саратовского государственного университета, автор работ по истории общественного движения пореформенной России.

¹⁴ Смирнов Анатолий Филиппович (1925–2009) – советский и российский историк, доктор исторических наук, выпускник Минского государственного педагогического университета, специалист в области освободительного движения XIX в., творчества Н.М. Карамзина. В разные годы работал в Институте философии и права АН БССР, Институте истории АН СССР, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институте славяноведения и балканистики АН СССР, Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

мер: вопрос о значении народовольческого террора давно уже выяснен. Понимай так: и возвращаться к нему нечего. А между тем возвращаются, и не только потому, что редко встречаешься с таким историческим сюжетом, который до конца исчерпан фактически. Есть еще потребность в переосмыслении, движении «старого» исторического опыта внутри нового, и больше того – невозможность (таинственная, но безусловная) невозможность добраться до глубин нового опыта, до генезиса современности, иначе чем через переработку = новое открытие прошлого. Другой вопрос: принадлежит ли русское народничество к генезису современности, а если да, то какими своими сторонами? К сожалению, споры о нашем народничестве почти герметически закупорены в несколько десятилетий русского XIX в. Это сужает не только философско-исторический взгляд на переменны (тот ли это предмет в 70-е гг. XX в., что в 70-е XIX-го и в 20-е XX-го?), но и чисто исследовательскую сторону дела ограничивает традиционными рамками. Взять тот же террор. Сам по себе ли он сейчас интересен или в соотношении с утопией? Не отдельно – утопия, отдельно – революционное действие, а утопия действия (и реальность этой утопии). Другая в высшей степени интересная тема: эволюция типа революционера (и послепервомартовское время под данным углом зрения). Скажи бы Смирнов: сегодня я смотрю на все это иначе, – и моральное преимущество было бы на стороне Смирнова... Но тогда это был бы не «Смирнов», а некто совсем другой, случайно с той же фамилией, да и обстоятельства были бы другими. А пока Ваш ответ вполне – и по существу, и по форме – бьет в точку. Особенно хорошо «работает» изобличение Смирнова в плагиате. Ну и деятели! При любом разборе достаточно сказать: возможен ли спор с плагиатором? Выяснение истины с откровенным жуликом (он, притом, выступает в этой роли и в отношении журнала!)?

Желаю Вам всяческого успеха!

Ваш М. Гефтер

P.S. Не могу не заметить: пишете Вы хорошим, ясным и уверенным слогом. Меня же извините за некоторую беспорядочность письма – гриппую.

№ 3

Москва, 10.IV.[19]73 [г.]

Дорогой Николай Алексеевич!

Спасибо за встречу. Я слегка приболел, а справки («смирновской») дома не было. Сейчас раздобыл и посылаю Вам.

Что же касается ответа, Вами полученного, то я не ожидал – в принципе – иного, но тем не менее его конкретика, особенно пункт третий, удивительна: откровенностью (кажется это чересчур вежливо), скорее – специфическим соединением реваншизма с безнаказанностью. Не исключая, что это в какой-то мере рассчитано. Получив столь жесткий ответ, автор (Вы) должен молчаливо примириться со своей судьбой. Молодые московские шутники называют это «мораль – 73». Надеюсь, что Вы в данном отношении старомодны. Хотя все это не так просто, как выглядит в прописях.

У нас тут как будто ничего нового (сравнительно с известным Вам старым). Об обсуждении в А[кадемии] о[бщественных] н[аук] слышал, что оно отложилось и будет чисто «проблемным» вероятно в духе пункта 2-го ответа Вам.

Не собираетесь ли в Москву? Если да, то надеюсь увидеть Вас своим гостем.

Крепко жму руку

Ваш М. Гефтер

№ 4

Москва, 12 ноября 1973 [г.]

Дорогой Николай Алексеевич!

Получил Ваше письмо с апрельской копией. Спасибо. Документ отличный: ясный и твердый при сдержанном – умном тоне. По всем правилам можно бы счесть его неотразимым, если бы такие правила были и соблюдались. Во всяком случае, он содержит и на будущее основание для Вашей неизменно-твердой позиции. А это, ведь, главное. У нас, как будто, ожидается свой финал (или еще один полуфинал). Если мне придется¹⁵ выступать, то не обойти статьи Смирнова и отношения к ней. Совсем недурно было бы вернуться к плагиату (об этом могу вполне говорить «от себя»; ибо общеизвестно – теперь и проверено). Но все это прозвучало бы много сильнее, подкрепленное ответом Бугаева: мы, де, ему поручили «воспроизвести». Поставленный в связь с другими, аналогичными и схожими фактами, этот позволяет вновь (еще раз) показать некую линию поведения определенных лиц. Призыв к ответственности, не сходящий с их уст, превращается – их же усилиями в бумеранг... Не разрешите ли Вы мне в случае необходимости (на закрытом п[артийном] собрании) сослаться на сей факт? Характер наших отношений, связей более, чем естественен: единомышленники в научной полемике и исследовании и оба члены пар-

¹⁵ Так в оригинале.

тии. Ежели дадите принципиальное согласие, то узнать об этом нужно бы до 19.XI. Поэтому черкните сразу или, если так удобнее, передайте устно через Я.С. Драбкина¹⁶, к[ото]рый выезжает на защиту в Саратов (будет до 16-го)¹⁷.

Крепко жму руку

Ваш М. Гефтер

№ 5

Москва, 6 декабря 1973 г.

Дорогой Николай Алексеевич!

Очень был тронут Вашим письмом и телеграммой. Собственно, я и ожидал этого именно – в соответствии с тем образом (Вашим), какой создают поступки и мысли, – весьма зримым и подлинным (хотя, разумеется, личное знакомство внесло бы в «образ» дополнительные черты и «краски»). Всегда хорошо не обмануться в представлении о такой подлинности, а сейчас – особенно хорошо и важно. Можно бы сказать, нет ничего важнее сейчас, чем это.

Правда, не пришлось – не удалось воспользоваться Вашим согласием. Противная сторона не решилась на фронтальную атаку, что в общем «умно» при данных – их – обстоятельствах. А жаль. Одно дело – ответ Вам, остающиеся бумажкой, другое дело – преданный публичной, официальной гласности, да еще в ряду других, аналогичных и родственных фактов.

У нас, впрочем, сейчас не до идей. Все заняты сокращением. Под этим знаком кончается год. Новый же начнется переаттестацией.

¹⁶ Драбкин Яков Самойлович (1918–2015) – советский и российский историк, выпускник МГУ, участник Советско-финской и Великой Отечественной войны, сотрудник Советской военной администрации в Германии. Крупнейший специалист по современной истории Германии, в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1968 г. – докторскую. На протяжении многих лет – сотрудник Института всеобщей истории АН СССР (РАН). Я.С. Драбкин был другом М.Я. Гефтера, участвовал в работе сектора методологии истории Института истории АН СССР, где в октябре 1966 г. выступил с имевшим впоследствии громкий резонанс докладом «Нерешенные вопросы изучения социальных революций». О биографии Я.С. Драбкина и его взаимоотношениях с М.Я. Гефтером см. подробнее: [9, с. 137–150].

¹⁷ Вероятно, речь идет о защите кандидатской диссертации М.Е. Ерина «План Юнга и политическая борьба в Германии. (1928–1930 гг.)». Ерин Михаил Егорович (1940–2014) – советский и российский историк-германист, выпускник Саратовского государственного университета. С 1974 г. работал в Ярославском государственном университете, где прошел путь от преподавателя до декана исторического факультета (1987–2003), заведующего кафедрой всеобщей истории (1989–2014). Доктор исторических наук (1988). См. о нем: [32, с. 250–252].

Видели ли Вы книгу Ю.Б. Соловьева «Самодержавие и дворянство XIX в.»¹⁸. Интересная книга. И как действительно интересная, во многом спорная. Первый раздел ее, построенный на мемуарах, дает любопытную картину самочувствия верхов, камарильи – ощущение полного тупика до наступления «физического». А, ведь, только что победили. Вот оно перво-мартовское последствие, непоправимый надлом, затем выявляемый, расширяемый, усугубляемый экономической стихией и совсем другой эпохой действия.

Над чем работаете? И не собираетесь ли в Москву?

Заранее поздравляю Вас с наступающим Новым годом.

Судя по погоде, снежку, который сыпется сейчас за окном, сугробам и пичужкам, скачущим по веткам, он – Новый год – может быть хорошим. Но надо ему помочь. Придется помочь.

Крепко жму руку

Ваш М. Гефтер

№ 6

Москва, 29.IV.[19]75 [г.]

Дорогой Николай Алексеевич!

С праздниками – сразу обоими¹⁹. И самые добрые пожелания. За Ваши – спасибо. На избыток сил не рассчитываю, но от прибывка, по сравнению с нынешними, не отказался бы. Что понимать под ними. Критерий смутен. Но в общем то удачи никому не вредят. Особенно молодым (кивок в Вашу сторону).

Хоть письмо праздничное, немного о деле. Вы, наверное, получили уже на отзыв рукопись Владимира Савченко. Я симпатизирую автору – умному и благородному человеку с нелегкой писательской судьбой. Для него это произведение – перелом: внутренний (к постижению и принятию героя шел своим путем, добросовестно трудясь в архивах и вживаясь в неизвестную ему раньше историографию) и надеюсь, будет и «внешний» – та самая удача, к[ото]рая особенно нужна в молодости²⁰.

¹⁸ Соловьев Юрий Борисович (1929–1995) – ленинградский историк, сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, специалист в области социальной и экономической истории Российской империи на рубеже XIX–XX вв., а также русско-французских связей этого периода. В 1973 г. выпустил монографию «Самодержавие и дворянство в конце XIX в.». В том же году защитил ее как докторскую диссертацию. См. подробнее: [4, с. 9–15].

¹⁹ Имеются в виду 1 мая и День Победы.

²⁰ Имеется в виду повесть В.И. Савченко «Тайна клеенчатой тетради: повесть о Николае Клеточникове» [22].

Сказанное выше, разумеется, не призыв к снисходительности, а некоторое пояснение человеческого аспекта вещи и особого авторского угла зрения – с упором на нравственную эволюцию героя (именно она приводит, естественным и неуклонным образом, к Народной Воле).

Интересно Ваше мнение.

Крепко жму руку

Ваш М. Гефтер

Привет саратовским друзьям.

№ 7

Москва, 25.XI.[19]75 [г.]

Дорогой Николай Алексеевич!

Простите, что с таким запозданием откликаюсь на Ваше поздравление. Причин много, каждая не очень основательна, все же вместе выбивают – так или иначе – из колеи. Чувствую себя неважно, толком не отдохнул, конец года также сказывается – каким-то неведомым астрофизическим способом, но весьма ощутимым...

Спасибо за пожелания. Отвечаю такими же. Узнал недавно, что Вы избраны руководить кафедрой. Рад за Вас и за саратовцев, за подтвердившееся правило: твердость помогает справедливости.

Не собираетесь ли в Москву?

Рад был бы познакомиться «лично».

Будьте здоровы.

Крепко жму руку

Ваш М. Гефтер

№ 8

Москва, 6.II.[19]79 [г.]

Дорогой Николай Алексеевич!

Простите, что сразу не откликнулся. Болел – довольно долго и нудно, соответственной настроение было весьма неподъемное. Умер близкий человек – Григорий Михайлович Деренковский²¹, еще смерти кругом. Круто кончался и круто начался год. Не покидает ощущение пороговости его в самом широком и самом тесном смысле.

²¹ Деренковский Григорий Михайлович (1912–1978) – советский историк, доцент Саратовского государственного университета, декан его историко-филологического факультета (1942–1943), затем – старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специалист по истории Первой русской революции, общественно-политического движения начала XX в. См. о нем: [31, с. 338–357].

За книгу спасибо²². Дельная, хорошо написанная, в определенном смысле итоговая. Полагаю, что будет полезна и специалистам, и массовому читателю.

Чем заняты сейчас?
Пишите – и всяких благ Вам.
Крепко жму руку

Ваш М. Гефтер

№ 9

Москва, 13.I.[19]80 [г.]

Дорогой Николай Алексеевич!

Спасибо за книгу²³. Содержательная и толковая – это очевидно даже при первом просмотре. Очень уместны и главы об адвокатуре и общественном мнении. Вы делаете бессмертно нужное дело – и в профессиональном смысле, и в гражданском.

Пользуюсь случаем (канун старого и доброго Нового года), чтобы пожелать Вам сил, успехов и всяческих доступных благ.

Крепко жму руку

Ваш М. Гефтер

Список использованных источников и литературы:

1. Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 790.
2. Архив РАН. Ф. 2052. Оп. 1. Д. 207.
3. Волк С.С. Исторические факты и логика их исследования // Коммунист. 1968. № 11. С. 116–121.
4. Ганелин Р.Ш., Цамутали А.Н. Юрий Борисович Соловьев – человек и историк // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 9–15.
5. Гефтер В.М. Как это делалось в Черемушках в 1970-е ... // Гефтер М.Я. Антология народничества / под ред. В.Г. Виноградского, М.Г. Пугачевой, М.Я. Рожанского; коммент. и указ. В.А. Твардовской. СПб., 2020. С. 4–7.
6. Гефтер М.Я., Грунт А.Я., Деренковский Г.М. Очерки истории СССР: 1907 – март 1917 / под ред. А.Л. Сидорова. М., 1954. 352 с.
7. Гефтер М.Я. Письмо о строительстве оборонительных рубежей // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой отечественной войны. М., 2009. С. 149–150.

²² Имеется в виду книга Н.А. Троицкого «Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866–1882 гг.» [26].

²³ Речь идет о книге Н.А. Троицкого «Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866–1895» [27].

8. *Гефтер М.Я.* Антология народничества / под ред. В.Г. Виноградского, М.Г. Пугачевой, М.Я. Рожанского; коммент. и указ. В.А. Твардовской. СПб., 2020. 688 с.
9. *Дамье В.В.* Я.С. Драбкин – патриарх российской германистики // Новая и новейшая история. 2017. № 2. С. 137–150.
10. «...И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной / вступ. ст., комм. Е.Р. Кураповой. М., 2013. 822 с.
11. *Искра Л.М.* Рецензия на книгу: Воронеж народниковедческий: сб. статей. – Воронеж: Истоки, 2012 // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 212–215.
12. «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: документальная монография / под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М., 2011. 1067 с.
13. *Кожокин Е.М.* О значении неполитического лидерства, или Михаил Гефтер // Труд и социальные отношения. 2014. № 2. С. 3–13.
14. *Курносков А.А.* Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960–1970-х гг. (по материалам центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363–389.
15. *Манова Е.Н.* Уважаемому Николаю Алексеевичу от авторов... (книги с автографами ил личной библиотеки Н.А. Троицкого) // История и историческая память. 2016. Т. 13–14. С. 204–212.
16. *Матвеева Н.В.* Работая над «Всемирной историей» (письма М.Я. Гефтера Ш.М. Левину) // Вестник Омского университета. 2004. № 2. С. 81–84.
17. Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского. Фонд Н.А. Троицкого (неразобранная коллекция).
18. *Нарочницкая Н.А.* Он был таким русским! // Столетие: информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/on_byl_takim_russkim_2010-09-17.htm (дата обращения: 29.08.2021 г.).
19. Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 874. Карт. 6. Ед. хр. 18.
20. Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 874. Карт. 6. Ед. хр. 19.
21. Письма и личные документы // Гефтер: интернет-журнал. URL: <http://gef-ter.ru/archive/personals> (дата обращения: 28.08.2021).
22. *Савченко В.И.* Тайна клеенчатой тетради: повесть о Николае Клеточникове. М., 1976. 373 с.
23. *Смирнов А.Ф.* За строгую научность, достоверность и историческую правду // Коммунист. 1972. № 16. С. 113–124.
24. *Соломонов В.А.* Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2007. Т. 7. № 2. С. 5–28.
25. *Степанов Ю.Г.* Историк между идеологий и наукой (из писем Н.А. Троицкому 1960–1980-х годов) // Историографический сборник. Вып. 27. Саратов, 2020. С. 76–85.
26. *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866–1882 гг. М., 1978. 335 с.
27. *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866–1895. М., 1979. 350 с.
28. *Троицкий Н.А.* Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов, 1991. 307 с.

29. *Троицкий Н.А.* Книга о любви: записки историка. Саратов, 2006. 304 с.
30. *Троицкий Н.А.* Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб., 2013. 186 с.
31. *Тютюкин С.В.* Памяти Григория Михайловича Деренковского // Исторические записки. 1979. Т. 104. С. 338–357.
32. *Черкасов П.П.* Памяти друга – М.Е. Ерина // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 250–252.
33. *Чернобаев А.А.* Выдающийся историк и педагог: Н.А. Троицкий в моей памяти // История и историческая память. 2016. Т. 13–14. С. 187–197.
34. *Широкова В.В.* Партия «Народного права»: из истории освободительного движения 90-х г. XIX в. Саратов, 1972. 206 с.

Ю.Г. Степанов

**ПИСЬМА
ПРОФЕССОРА В.Ф. АНТОНОВА Н.А. ТРОИЦКОМУ
(1987–1991)**

Письма профессора В.Ф. Антонова своему саратовскому коллеге и единомышленнику Н.А. Троицкому – яркое свидетельство состояния исторической науки в СССР в годы Перестройки.

Ключевые слова: историческая наука, народники, идеология, власть, общество.

Y.G. Stepanov

**LETTERS FROM
PROFESSOR V.F. ANTONOV TO N.A. TROITSKY
(1987–1991)**

Letters from Professor V.F. Antonov to his Saratov colleague – vivid evidence of the state of historical science in the USSR during the years of Perestroika.

Key words: historical science, populists, ideology, power, society.

Личный архив Николая Алексеевича Троицкого (1931–2014) с осени 2017 г. хранится в составе Общего фонда Саратовского музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского. В настоящее время исследование и научное описание писем, вещей и личных документов Н.А. Троицкого находится в начальной стадии. Публикация писем профессора В.Ф. Антонова к Н.А. Троицкому производится с согласия администрации музея.

Василий Федорович Антонов (1919–2014) – выдающийся историк идеологии и движения русских революционеров-демократов, народников. В 1980–1990-е гг. научно-педагогическая деятельность В.Ф. Антонова была связана с различными высшими учебными заведениями СССР. С 1960 г. он непрерывно работал в Москве. С Николаем Алексеевичем московского историка связывали долгие годы научного сотрудничества и дружбы.

Публикуемые письма за 1987–1991 гг. передают атмосферу эпохи Перестройки, с ее надеждами, иллюзиями и разочарованиями.

21. IX. [19]85.

Дорогой Николай Алексеевич!

Книжку²⁴ и письмо Ваше получил. Историография вопроса меня, естественно, очень интересует. Тем более – в Вашей интерпретации. Скоро прочту и напишу.

Как вы реагируете на рецензии? Я сожалею о трусости Наташки. Все-таки, как бы это ни было загадано, работала не на журнал, а на себя. Поэтому-то и Вас задела. Конечно, во имя поддержки журнала следовало бы солиднее сказать о постановке и новизне разрешения важнейших вопросов освободительного движения на его страницах. Куцые фразы в заключении во здравие не впечатляют, звучат как проявление вежливости²⁵.

Люди пенсионного возраста, все они там, в секторе [истории СССР Института истории АН СССР] страшно линяют, когда говорят. Одни с тобой, другие там, да и зав[едующий], [все они] создают атмосферу расчетливости. Там теперь нет-нет да и отвесят поклон «Краткому...»²⁶.

О гостинице. Пожалуй, я зря об этом писал. В самом деле – мне достаточно предъявить удостоверение ветерана и ни одна администраторша не устоит. Если Вы сможете мне сообщить адрес гостиницы и имя директора, я закажу номер отсюда.

Закрываем этот вопрос.

Вам с Валентиной Петровной²⁷ доброго здоровья.

В. Антонов.

25. IV. [19]87.

Дорогой Николай Алексеевич!

Горячо поздравляю Вас и Валентину Петровну с праздниками Мая. Будьте здоровы!

Только что отшумела трехдневная страда студенческой конференции. Чернышевский²⁸, угадываю по теме доклада, Ваш. Он произвел хорошее впечатление и награжден. Сам его не слушал, он [был] не в моей секции.

²⁴ Речь идет о книге: [13].

²⁵ Вероятно, автор письма имеет в виду рецензию Н.М. Пирумовой на первый выпуск сборника «Освободительное движение в России». См.: [11].

²⁶ Речь идет о «Кратком курсе ВКП(б)», который десятилетиями оставался главным идеологическим ориентиром для нескольких поколений советских историков: [6].

²⁷ Троицкая Валентина Петровна (1934–2005) – супруга Н.А. Троицкого

Недавно у нас принята к защите диссертация Ю.П. Господарика «Карательная политика на процессах 1895–1905 гг.»²⁹. Не перекликается ли как-нибудь с ним Чернышевский?

Ждем от природы тепла, а от Минвуза – «навара». Было недели две назад обсуждение книги «Революционная традиция в России»³⁰. Дух книги мне отвратен. Идейная и экономическая несамостоятельность России – это чёрти на что похоже! А Маркс, говорю тут одному нахлебнику, сам все выдумал? Никто на него извне не влиял, ни у кого и ничего в своем развитии не заимствовал? И вообще – бывают ли люди и народы, не знающие внешнего влияния? Вот эту простую штуку и не учитывает премудрая троица³¹. Одни им подставляли подпорки, другие – били. Мне, Крикунову³² и Сухотиной³³ слова не дали. Главным образом выступили «феодалы» и «империалисты» по вопросам экономики. Итенберг³⁴ и Пирумова³⁵ – о рев[олюционном] движении.

А вот угощу Вас М.П. Кимом³⁶. Он взялся исправить советскую периодизацию, была она, говорит, устанавливается сверху. Решение или слово оттуда – этап. Надо иначе: оформить вехи в развитии рабочего класса. Интересно, думаю, читая тезисы его доклада. Далее он пишет, что собственно, первые две точки отсчета установлены М[ихаилом] С[ерге-

²⁸ Чернышевский Дмитрий Викторович (р. 1965) – в 1987 г. студент исторического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского. В 1990 г. под руководством Н.А. Троицкого защитил кандидатскую диссертацию «Карательная политика царизма 1881–1894».

²⁹ Господарик Юрий Петрович в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Судебные репрессии царского самодержавия против революционного движения в России в 1895–1905 гг.»

³⁰ Имеется в виду: [10].

³¹ То есть авторы «Революционной традиции...».

³² Крикунов Василий Павлович (1921–?) – доктор исторических наук, профессор, автор работ по истории народов Северного Кавказа, революционных организаций юга России.

³³ Сухотина Людмила Григорьевна (1930–2009) – доктор исторических наук, профессор, автор работ о революционной демократии в России.

³⁴ Итенберг Борис Самуилович (1921–2016) – доктор исторических наук, профессор, специалист по истории русского народничества и правительственной политики самодержавия в XIX в.

³⁵ Пирумова Наталия Михайловна (1923–1997) – доктор исторических наук, профессор, специалист по истории земств и общественного движения в России XIX в.

³⁶ Ким Максим Павлович (1908–1996) – доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР (1979) и РАН (1991). Изучал культуру и общественные отношения в СССР.

евичем] [Горбачевым]³⁷: 1917 и 1941 гг. А третья – «весна [19]85». Борисов³⁸, говорят, отстаивал XX съезд.

В. Ант[онов]

3

8. VI. [19]87.

Дорогой Николай Алексеевич!

Винюсь и каюсь: очень передержал сайкинский материал³⁹. Сначала долго маялся в поисках статьи [19]30-х гг. С. Валка⁴⁰ о народовольцах. Никак не мог вспомнить, где она была опубликована, и выписок из нее не находил, как обычно, лежавших под носом. Мне казалась, что Валк что-то из этого материала уже использовал. Но я ошибся. А потом срочность статьи о Лопатине⁴¹ и Чернышевском⁴² (о пореформенной России) заставила забыть о Сайке. Он что – прохвост, перед Вами неудобно. Посоветовались мы с Сенчаковой⁴³ (оба основательно обобранные им) и решили, что нет оснований, за исключением его «первооткрывательства», [то,] что я читал и выписывал 30 лет (!) назад, не пускать его для публикации документов.

Единственно, что в таких случаях в добрые старые времена было важно для органа печати, это моральная сторона личности, с которой надо было вступать в творческие отношения. Надо учесть, что информативность предлагаемого Вам материала ничтожна. Это упрощает дело Фемиды: ей остается взвесить честь органа и бесчестие личности.

³⁷ Горбачев Михаил Сергеевич (род. 1930) – последний Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991). Первый и единственный президент СССР (1990–1991).

³⁸ Вероятно, упоминается Борисов Юрий Васильевич (1921–2013) – доктор исторических наук, профессор, дипломат, специалист по международным отношениям, внешней политике СССР и России, новой и новейшей истории Франции.

³⁹ Предположительно, имеются в виду работы О.А. Сайкина, исследовавшего деятельность революционера-народника Г.А. Лопатина.

⁴⁰ Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975) – доктор исторических наук, профессор, крупнейший специалист в области археографии, источниковедения, дипломатики, историографии. Автор трудов по внутренней политике и революционному движению в России XIX – начала XX вв.

⁴¹ Лопатин Герман Александрович (1845–1918) – русский революционер, член ИК партии «Народная воля».

⁴² Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), русский революционер-демократ, теоретик утопического социализма, публицист, писатель.

⁴³ Сенчакова Лариса Тимофеевна (р. 1941) – доктор исторических наук, специалист по российскому революционному движению в конце XIX – начале XX вв.

Пресса так ожила, что за ней не успеть. Участились всякого рода диспуты. Наши студенты раздели фараона⁴⁴ догола и сделали это убедительно; Борисов, бедно выступив в историко-архивном, осмелел в Академии, где, говорят, раза четыре произносил «уголовно наказуемо», когда разбирал то или иное его «деяние»⁴⁵. Все это шумно, но как в лесу, или, по словам чукчи, в тайге: вверху шумит, а внизу тихо.

Будьте здоровы.

В. Антонов.

P.S.

Пришлось поискать и сам материал. Еще раз взглянул и хочу кое-что приписать, если вы не разделите моих соображений о документах и личности.

О вступлении.

Неверно, что не было организации, в которой («в ней») не принимал бы участия Лопатин. Оказывал ту или иную услугу организациям, будучи «вне», а не «в них».

Почему начало с: «Именно Лопатин осенью 1867 г. ... с Герценом». А в конце 1867 г. он создал ...». «Это Герман Лоп[атин] в февр[але] 1870 погот[овил] побег П.Л. Лаврова⁴⁶...». «Это он же тайно приехал в Сибирь...». Стилистически это никак не связано с запиской: «Практически не было такой рев[олюционной] организации в Росс[ии] 60-х -нач[ала] 80-х годов».

На с. 2 говорится о значительности вклада Лопатина в «дело пропаганды марксизма в России». Если иметь в виду перевод им капитала – да, но не передача книг М[аркса] и Э[нгельса]⁴⁷, о чем Сайкин пишет в уворованной книге в специальной главе о пропаганде⁴⁸. Это – его, тут он не вор, но лопух, не знающий значение терминов «пропаганда» и «распространение».

Пользоваться материалами показаний врага, Вам известно, надо осторожно. Не сравнить значение писем Лопатина, Ошаниной⁴⁹ к Тихомирову⁵⁰

⁴⁴ Имеется в виду И.В. Сталин.

⁴⁵ Речь идет об одном из многочисленных в годы Перестройки разоблачений сталинизма.

⁴⁶ Лавров Пётр Лаврович (1823–1900) – социолог, философ, историк и публицист. Виднейший идеолог народничества. В 1870 г. при помощи Г.А. Лопатина бежал из ссылки в Вологодскую губернию в Париж, где продолжил революционную деятельность и вступил в Первый интернационал.

⁴⁷ Маркс Карл (1818–1883), Энгельс Фридрих (1820–1895) – философы, политические деятели, теоретики революционного движения.

⁴⁸ См.: [12].

⁴⁹ Ошанина Мария Николаевна (1853–1898) – революционерка-народница, член Исполнительного комитета «Народной воли»

⁵⁰ Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) – публицист, член Исполнительного комитета «Народной воли», впоследствии перешел в ряды монархистов. Автор апологетических трудов о русской монархии.

[18]84 г., которые лежат в том же архиве. Сайка хитер. Их я цитирую и нельзя сказать «впервые». А ведь он только новатор.

Не безупречны примечания, но некогда, спешу на почту.

В. Антонов

4

20. III. [19]88.

Дорогой Николай Алексеевич!

Только что заклеил письмо в Северо-Осетинский обком и Ардасенову⁵¹. Книжку Ардасенова⁵² давно прочитал, а вот сесть за обстоятельный ответ удалось только сейчас.

В целом книжка получилась хорошей, но больше оказалась нужной – для познания истории и для улаживания современности. Я ему предложил не выделять в отдельную главу (IV) связей, а показать их в 1–3 главах при описании деятельности кружков и отдельных лиц, что избавит и от повторов. Структурно не вписывается и выделение [личности] А. Ардасенова⁵³ (V). О нем надо бы рассказать в начале 2-й гл[авы]. Много повторов, пересказов или оценок документов вместо цитирования и т.д. Словом, неопытность. И при всем том, повторяю, книжка производит хорошее впечатление. Ее надо бы переиздать в Москве. Как раз подходящий момент для наших интернациональных проблем. Сразу клюну. Не хотели бы Вы ее представить в Москве?

Если не совпадет мое расписание занятий (четверг-пятница) с днями конференции, я постараюсь приехать в Саратов со своими студентами. Их трое, увидите, не зря приехали.

Пока хлопочу о Лопатине и Чернышевском⁵⁴. И статьи, и книги. В четверг отклонили претензии Мартынцева. Я специально не был на кафедре, но знал, он их обвинил в незнании и угрожал. Таков уж этот тип⁵⁵.

С самыми добрыми пожеланиями.

В. Антонов.

⁵¹ Ардасенов Николай Михайлович (1912–?) – историк революционного движения в Осетии и на Северном Кавказе.

⁵² Речь идет о книге: [4].

⁵³ Ардасенов Алихан Губиевич (1849–1917) – осетинский ученый, просветитель, общественный деятель, участник народнического движения в 1870-х гг.

⁵⁴ Имеются в виду хлопоты о публикации статей о Г.А. Лопатине и Н.Г. Чернышевском.

⁵⁵ К сожалению, сведений о Мартынцеве не обнаружено.

18. V. [19]88

Дорогой Николай Алексеевич!

Благодарю за здравицу и добрые пожелания. Спасибо за внимание к моим ребятам⁵⁶. Конечно, они очень сожалеют, что их принудили опоздать на конференцию.

Ваши статьи о Барклае и 1-марта 1887, как и всё Ваше, сделаны прилично. Но вот название – «Процесс 1 марта 1887 г.» дано, видимо, в спешке или без Вас⁵⁷.

Вылазку трех волков читал. Удивительная задубелость. Прямо руки чешутся стебануть их. И я это, наверное, сделаю. Вы предложили мне написать статью о народничестве. Я согласился. Если не передумают, займусь. Главная идея редакции – помочь и «крупным» головам освободиться от устойчивого стереотипа краткокурсовских представлений о народничестве. Очевидно, придется остановиться лишь на этих поколениях. Конечно, оттолкнусь от лебедевых⁵⁸, волков⁵⁹ и им подобных.

А каков Смирнов⁶⁰? Глядишь, скоро сам народником станет! Омыл слезой память об общине⁶¹.

С самыми добрыми пожеланиями, В. Антонов.

27.VI. [19]88.

Дорогой Николай Алексеевич!

Ваш материал получил. Когда же это у нас перестанет так разнузданно и вероломно вести себя правящий чиновник? Ведь он еще незыблемо самоуверен и перестройка ему детская игрушка.

⁵⁶ Речь идет о дипломниках В.Ф. Антонова, участниках студенческой конференции в Саратове.

⁵⁷ Упоминаются работы Н.А. Троицкого: [14; 16].

⁵⁸ Лебедев Александр Александрович (1928–2002) – литературный критик, публицист.

⁵⁹ Волк Степан Степанович (1921–1993) – доктор исторических наук, профессор. Автор работ по истории партии «Народная воля».

⁶⁰ Смирнов Анатолий Филиппович (1925–2009) – доктор исторических наук, исследователь общественно-политического движения в России второй половины XIX – начала XX вв.

⁶¹ О полемике Н.А. Троицкого с названными в письме исследователями см.: [18, с. 156–158; 19, с. 4–35]. А.Ф. Смирнов, как и предсказывал В.Ф. Антонов, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. стремительно эволюционировал от ортодоксального марксизма к православному монархизму. См. об этом: [7].

Разделяю Ваше настроение и пафос – живую Вашу решимость бороться со злом, но, честно говоря, не считаю обращение в данном случае к чиновникам же лучшим образом действий. Здесь гласность, замкнутая в стенах департамента⁶².

Вот если бы Вам удалось пробиться в центральную газету и ославить своего правителя⁶³ на весь Союз, тогда бы трудно ему было отвертеться. Буде такое надумаете, пишите кратко – о самом факте вероломства. О сопутствующих историях расскажете корреспондентам потом. У нас учащаются схватки. Днями на кафедре Тюкавкин⁶⁴ позволил непристойные выходы против Павленко⁶⁵. Мне пришлось подняться и двумя-тремя словами Витьку, как прозвал зава Павленко, выяснить, что-дела-то нет и дать оценку его поступку. «Вы бросьте тут, у нас свои иркутские штучки»⁶⁶, – негодовал Николай Иванович.

При встрече есть, что рассказать о докладчиках. Готовлюсь 15.VII к отпуску. Если пустят, сначала съездим в ЧССР⁶⁷, а затем – в Кисловодск. Счастливо отдыхать.

В. Антонов.

7

19. V. [19]89.

Дорогой Николай Алексеевич!

Ваше письмо от 14.05. получил. Спасибо за добрый отзыв о статье. Между прочим, редактор перед сдачей ее в набор задал мне вопрос: «Отдаете ли вы себе отчет о том, на что идете?». «Отдаю, сам намеренно иду на грозу!». Действительно, мне хочется разворошить это гнездо урашников⁶⁸. Они могут и выступить, но у них нет новых аргументов, а перепевать старое в теперешних условиях уже неприлично. Если завяжется спор,

⁶² Вероятно, речь идет о попытке административного давления на Н.А. Троицкого со стороны академика И.Д. Ковальченко и К⁰ и ответных действиях саратовского историка. Подробнее см.: [18, с. 163].

⁶³ Так в тексте.

⁶⁴ Тюкавкин Виктор Григорьевич (1928–2002) – доктор исторических наук, профессор, исследователь аграрной истории России XIX – начала XX вв. С 1976 по 2002 – заведующий кафедрой истории России на историческом факультете МГПИ им. Ленина (с 1990 – МПГУ), где работал В.Ф. Антонов.

⁶⁵ Павленко Николай Иванович (1916–2016) – доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей, один из самых авторитетных специалистов по истории России XVII–XVIII вв.

⁶⁶ С 1954 по 1974 г. В.Г. Тюкавкин преподавал на историческом факультете Иркутского государственного педагогического института (ИГПИ).

⁶⁷ ЧССР – Чехословацкая социалистическая республика (1948–1990).

⁶⁸ Так в тексте.

то ничего лучшего нельзя желать для выяснения истины. Я, главным образом, уповаю на концепцию истории Н.Г. [Чернышевского]. Она придает силу и многим непрямым фактам.

Мне придется оправдать доверие организаторов конференции своим новым докладом. Да поможет мне в этом Николай Гаврилович! А он и тут таит для нас кое-что неожиданное, даже курьезное (для нашего рафинированного его восприятия).

Спасибо за вырезку из вятской газеты. Мало тут места для разговора о «вине» нашего подзащитного. А Короленко⁶⁹, а Кропоткин⁷⁰, а Плеханов⁷¹ и множество других россиян? Что же, и их на свалку истории, и им клеймо? Не возникал ли перед Вами вопрос о том, выиграл ли от наших усилий процесс общечеловеческого развития? Не был ли прав Маркс, что смена формаций происходить должна на гребне развития предшествующей? Чуть помедлив, не пошло бы человечество гораздо быстрее вперед? Я только откажу ему (М[арксу]) в признании рекомендаций его, как и какие надо делать шаги в этом новом историческом движении.

Из Вашего письма вижу, что майского послания моего Вы не получили. А не я писал и о Вашей книжке. Она давно у меня. Спасибо. Лежит на столе, в ожидании, когда я справлюсь с параграфами и главами, бурно финиширующими четырьмя дипломниками и двумя аспирантами. Читать же урывками Вашу книгу не хочу. Пока поздравляю Вас с ее выходом, а потом напишу о своих впечатлениях. Это случится до отпуска.

27–28.V. празднуем день в Твери, другой – в Прямухине⁷² 175-летие со дня рождения М.А. Бакунина⁷³. Напишу, как и что будет. А недавно собирались по этому поводу в доме Герцена. Выступили Пирумова, Пустарнаков⁷⁴, Итенберг от «маститых» и мои орлы Олейников⁷⁵ и Исаев⁷⁶ да еще

⁶⁹ Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – писатель, журналист, общественный деятель.

⁷⁰ Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – выдающийся мыслитель, ученый географ и геоморфолог, теоретик анархизма.

⁷¹ Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – философ, публицист, теоретик марксизма, деятель международного социалистического движения.

⁷² В селе Прямухино Тверской губернии (в настоящее время в Кувшиновском районе Тверской области) находилось родовое имение Бакуниных.

⁷³ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – выдающийся русский мыслитель, революционер, теоретик анархизма.

⁷⁴ Пустарнаков Владимир Федорович (1934–2001) – доктор философских наук, специалист по истории философии в России.

⁷⁵ Олейников Дмитрий Иванович (р. 1965) – кандидат исторических наук, специалист по истории России XIX в.

⁷⁶ Исаев Андрей Константинович (р. 1964) – кандидат политических наук, депутат Государственной думы РФ.

аспирант Седова⁷⁷ от молодых. Первые два сказали мало. Заглавным был Б.С. [Итенберг]. Говорил об исключении М.А. [Бакунина] из Интернационала. Усилия к максимальной объективности смазывались миниморумом субъективности – «авантюрист»-де Мишка и кое-что в этом духе. Героем, вызывающим аплодисменты, был известный Вам Исаев. Хотя и не задевал он Б.С. [Итенберга], но того корежило. Андрей раскрыл кухню подготовки Конгресса, сопоставил и взгляды того и другого, не в пользу традиционного триумфатора. Было человек 7 отпрысков рода прямухинского. Один, лет 40–50, немножко высказался. Живой генофонд! И фамилию не нужно спрашивать.

О себе. Зараз, делаю зарядку, но еще лечусь, наблюдаюсь. На велосипед сяду только в августе.

Несчастный Тюкавкин строит козни, ловчит расстаться со мной. На кафедре была с ним схватка. Я и сам не горю желанием продолжать официальный труд, рад бы с сентября выйти на волю, но остаются 5 дипломников и 2 аспиранта. Непорядочно бросать их, а почасовая оплата моего руководства разорит кафедру. В этой ситуации оскорбительны происки зава. Уйду я, уходит Павленко, уходит по конкурсу Кобрин⁷⁸. С кем он останется, если и сам и другие профессора пенсионного возраста? А набирает смазливых девок, за что его публично не щадит Павленко.

Будьте здоровы.

В. Антонов.

8

8. VII. [19]89

Дорогой Николай Алексеевич!

Все Ваши послания получил. Спасибо за «Освободительное движение» № 12 и поздравляю с выходом журнала⁷⁹. Пока, из-за своего недуга, я был плохим его распространителем. Ребята вывешивали лист с его содержанием, но результатов не знаю. С сентября буду исправляться.

Книгу о 1812-м читаю. Уже на поле Бородина. Впечатление весьма хорошее. Удивительно емка лаконичность изложения: убедительность поправок и опровержений; выдержанность тона оппонирования, что после известных баталий зачтется как особое достоинство книги; нет и попыток

⁷⁷ Седов Михаил Герасимович (1912–1991) – доктор исторических наук, профессор, специалист по истории революционного движения в России XIX в.

⁷⁸ Кобрин Владимир Борисович (1930–1990) – доктор исторических наук, выдающийся медиевист, специалист по истории России XV–XVI вв.

⁷⁹ Речь идет о сборнике «Освободительное движение в России», который выходил в Саратове с 1971 по 2016 г. [8].

сенсационности... В минус пока можно поставить повтор о численности сил противников и понятный крен объективности. Чернышевский, повторяя Мальтуса⁸⁰, говорил, что исправляя дело, надо перегнуть палку в другую сторону. Читая места об опоздании королей поставить сначала Багратиона, а затем и главные силы в матовое положение, невольно можешь подумать, что, если бы не эти случаи, Наполеону незачем было бы идти на Москву. Но, во-первых, Багратион – в худшем случае – увел бы с собой к праотцам изрядные силы французов и не позволил бы нарушить баланс сил. Но на войне возможны прорывы на стыке сил или лобовой разгром наиболее слабого звена цепи противника. Второе опоздание не означало еще более упущенные возможности. Дорог в России много. Даже возможный проигрыш сражения не означал бы конец войны. Словом, нет оснований категорически соглашаться с сожалениями Наполеона.

Письма отменны, особенно «Лит обозрения»⁸¹... «Огонек» печатать Вас не будет по Вашей же вине. Появись это письмо в «Огоньке», тот же В.Г. Афанасьев⁸² станет потирать руки: что же ты, праведник, Коротич⁸³ не устоял против похвал Троицкого и тиснул его письмо себе в угоду?! Тут Ваш тактический промах. Апелляция к Коротичу губит сильный текст письма. И вообще, если учитывать раскол Коротича-Афанасьева, вряд ли «Огонек» подходит для публикации Вашего письма. Может быть, «Известия» с ее особым разделом или «Московские новости»?

«Литобозрение» бесчестно. Ваша шпага для него слишком опасна, чтобы принять Ваш вызов. Значит, и трусовато. Сделав гадость, прижухло, закрывшись железным щитом молчания. Отвратительный прием ленинщины!⁸⁴

Мне думается, Вы должны потребовать опубликования Вашего письма. Настоятельно! С угрозой обратиться в инстанции. Они не имеют права лишить Вас возможности выступить «в наше время, когда...».

Ваши письма буду носить с собой и показывать всем, кого встречу в Ленинке⁸⁵ и в А[кадемии] Н[аук]. Нину Васильевну⁸⁶ увижу осенью, а то и

⁸⁰ Мальтус Томас Роберт (Malthus Thomas Robert, 1766–1834) – английский ученый, автор теории, что неконтролируемый рост населения неизбежно ведет к падению благосостояния и голоду.

⁸¹ Имеется в виду: [17].

⁸² Афанасьев Виктор Григорьевич (1922–1994) – обществовед, журналист, академик АН СССР, в 1976–1989 гг. главный редактор газеты «Правда».

⁸³ Коротич Виталий Алексеевич (р. 1936) – писатель, журналист, в 1986–1991 гг. главный редактор журнала «Огонек».

⁸⁴ Так в тексте.

⁸⁵ Российская государственная библиотека. С 1924 по 1992 гг. носила имя В.И. Ленина.

⁸⁶ Минаева Нина Васильевна (1929–2009) – доктор исторических наук, специалист в области внутренней и внешней политики России XIX в.

раньше прочитаю [ей текст письма] по телефону, она на вступительных [экзаменах]. Т[атьяна] В[икторовна]⁸⁷. работает до 26. VII, билет в Железноводск взяла на 14. VIII, а до того будем дома ходить в лес и по музеям, выставкам. Отпуск до IX 9-го дня.

Будьте здоровы. Мой поклон Валентине Петровне.

9

09. VIII. 1989.

Дорогой Николай Алексеевич!

Давно уж прочитал Вашу книгу⁸⁸, а кончаю разговор о ней только сейчас.

Мое впечатление о ней не изменилось. Книга эта не оставит читателя равнодушным, а о чем же еще можно мечтать автору? Будут и несогласные. Вон сколько их развенчано Вами! Будут и восторженные. Вон как здорово Вы написали эту книгу. Будут и доброжелатели с упреком или сожалением. Вот за какую машину вы взялись и так компактно ее уместили, что может быть и то, и другое пожелание. Может быть, я отношусь к последнему, но с оговоркой. Я не стану говорить, чего нет [в книге] и о чем хотелось бы узнать подробнее. Меня вполне устраивает Ваше желание потушить порох, чтоб сильнее выстрелить. И не раз. У Вас почти сплошная пальба. Вы как бы прогнали войну через аэродинамическую трубу и проверили на прочность все суждения о ней. Однако выпрямляя их где нужно, в отдельных случаях, как мне кажется, Вы, в устремлении к объективности, чуть переходили грань. Так, думаю, получилось у Вас с характеристикой роли церкви. Да неужто православные были так услужливы католикам и их кумиру? Где это – в Польше, в Литве? Там все ясно. Но в отношении православных нужна мотивация.

Вас собираются ругать за Кутузова⁸⁹. Вы и сами, словно почувствовав, что в делах он изображен совсем без ореола, потом начали убеждать читателя в своем высоком мнении о нем.

Очень меркантильны у Вас купцы и дворяне. Конечно, какая-то часть их была расчетлива, но героический корпус офицеров был ведь не из пролетариата.

Вы мне как-нибудь напишите по поводу предшествующих и этих моих мнений. Думаю, что сейчас вы на отдыхе, но пишу т[ак] к[ак] 14. VIII сам уезжаю до 8–9 IX, а там и сгладятся впечатления.

В. Антонов.

⁸⁷ Антонова Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, специалист в области изучения проблемы свободы российской печати и цензуры в истории XIX в.

⁸⁸ Речь идет о: [15].

⁸⁹ Критическое осмысление Н.А. Троицким личности М.И. Кутузова действительно вызвало резкое неприятие ряда историков. См.: [18, с. 144, 208–211; 19, с. 36–78].

27.X.[19]89

Дорогой Николай Алексеевич!

Просмотрев сейчас свою рассылку «Историч[еской] концепции Н.Г. Ч[ернышевского] и «Н.Г. Чернышевский о русской истории»⁹⁰, не обнаружил в ней Вашей и И.В. [Пороха]⁹¹ фамилий. Быть этого не может. Впрочем, бывает, что и медведь с кручи летает. Мог не послать с намерением привезти, а захватить мог забыть

Пожалуйста, сообщите, что со мной произошло, если моя вина, моллю прощения, но и получив отпущение греха, смогу прислать только вторую. В последний день зашел в Приволжское издательство, предложил всего Н.Г. [Чернышевского]. Сидоровнин Г.П.⁹² был один, схватил слету и даже с таким названием: «Н.Г. Ч[ернышевский]. Взгляд на историю (за и против ленинской концепции)». Днями выслал туда заявку и план-проспект книги на 10 и. л. (их условие).

Надеюсь, Валентина Петровна поправилась. Поклон ей.

С самыми добрыми пожеланиями, В. Антонов.

4. IV. [19]90.

Дорогой Николай Алексеевич!

Спасибо за сборник⁹³. Снова вывешу оглавление с адресом завхоза? Не знаю, каков эффект от предшествующего.

Простите мое молчание с февраля. Так случается, не отзовешься сразу, и потом пойдет: «завтра отвечу», а то и на «следующей неделе» и выходит неприлично. Конечно, мы с удовольствием готовы принять участие в чествовании И.В. Пороха⁹⁴. Я пришло статью «Общественный идеал А.И. Герцена» и Т[атьяна] В[икторовна] [Антонова] «Колокол о русской цензуре».

⁹⁰ Упоминаются работа В.Ф. Антонова: [1; 2].

⁹¹ Порох Игорь Васильевич (1922–1999) – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, исследователь общественно-политической мысли и революционного движения в России XIX в.

⁹² Сидоровнин Геннадий Павлович (р. 1950) – журналист, общественный деятель, редактор Приволжского книжного издательства в 1987–1992 гг. В списке научных трудов профессора В.Ф. Антонова исследования с таким названием нет. Вероятно, предложенный саратовскому издательству материал вошел в изданную позднее монографию: [3].

⁹³ Имеется в виду: [9].

⁹⁴ Вероятно, речь идет об участии в конференции, посвященной семидесятилетию И.В. Пороха в 1992 г.

Если мы оба не можем приземлиться на этом «аэродроме», меня можно отправить на другой т.к., Татьяне Викторовне надо защищаться.

Вчера утвердили отзыв о диссертации Д.В. Чернышевского. Он мне понравился, но «Платон...». И я с ним полемизирую по ряду вопросов. Это не помешало высоко оценить диссертацию. Может быть, Тюкавкин кое-что убавит или снимет, однако я полагаю, что сильные не нуждаются в снисхождении. Жаль, если убавят мою защиту «Народной воли» от обвинений в тупиковости, безнравственности и т.п.

Напишите, когда и в каких объемах надо предоставить статьи.

Я заявил вчера о выходе на волю с 1 сентября. Надобрыдло!⁹⁵

Будьте здоровы. Кланяемся Валентине Петровне

В. Антонов

12

28. VI. [19]90.

Дорогой Николай Алексеевич!

Надеюсь застать Вас дома. Есть такие дела. Осенью в Саратове две конференции. Приехать на чтения у меня есть с чем. Примерно или по идее: «Социализм Н.Г. Чернышевского и реальный “социализм”». Кроме того, будет защита с моим оппонированием.

Случайно не сойдутся даты этих событий? Дело в том, что, обретая с сентября полную волю, я оказываюсь в полной зависимости от рынка денег, ну а тут моя конкурентоспособность невелика. Приходится считать. Пожалуйста, сообщите мне, когда и что будет. Переправляю с вашей помощью письмо Дм. Чернышевскому. Уж извините за такую почтовую нагрузку. Не переписал сразу адрес, когда он сообщил мне (после Вас) о своей защите, а потом затерял конверт.

Отдыхать собираемся отчасти в деревне (тамбовской), куда зовут друзья, отчасти – на сей раз – где-нибудь на севере.

Будьте здоровы и удачного отдыха. Кланяюсь Валентине Петровне.

В. Антонов.

13

15. VII. [19]90.

Дорогой Николай Алексеевич!

Получил вести от Вас и от Игоря Васильевича⁹⁶

⁹⁵ Так в тексте.

⁹⁶ Речь идет о И.В. Порохе. См. сноску 67.

Не помню кто, но меня просили быть оппонентом Воронихина. Может быть он сам. В таком случае, я поторопился представиться оппонентом.

И.В. Пороху задал нужные вопросы о конференциях, но, как и Вам, написал о своей пенсионной неподъемной. Но окончательно мы этот вопрос разрешим в зависимости от срока конференции.

В отпуске мы с 16. VII. Планируем с 25 VII выехать на недельку в тамбовскую губернию, а там посмотрим, куда деваться. Есть желание на сей раз подышать воздухом северных широт. Будьте здоровы, кланяемся Валентине Петровне.

В. Антонов

P. S. Будет время при следовании из Питера домой, навестите нас.

В. А.

14

23. IV. [19]91. Подмосковье

Дорогой Николай Алексеевич!

Примите с Валентиной Петровной наши весенние поздравления и самые добрые пожелания. По поводу Вашего расставания я с ликованием произнес про себя: «Дай руку, товарищ!»⁹⁷. Конечно, мы не были слепы как новорожденные котятa, но не знаю как Вы, а мне все казалось, что дело в крайне примитивных исполнителях великой идеи, которые сделали из нее мерзость. Но вот, дождались, пришел «барин» и рассудил. Спасибо ему, что он хоть глаза раскрыл и на надежду. Несчастный, хотел лишь опустить вожжи, чтоб лучше усваивали небесные подсказки, и просчитался, а теперь не знает, что делать: пойдешь налево, правые съедят, да и самому это не по нутру, а к своим, направо, левые заклюют...

Может быть, пока письмо идет его уж съели?⁹⁸

В. Антонов.

P.S. Почту возят, взял а/я. Пишите: 105668, Москва-56-в, а/я 28. В.А.

15

8. IX. [19]91.

Дорогой Николай Алексеевич!

С новым учебным годом, что ли, если это начало действует. Вам радость? Я-то, посетив первую кафедру по делам оставшихся аспирантов, испытал тошнотворное чувство от этих планов работы, распределений, «на-

⁹⁷ Имеется в виду выход Н.А. Троицкого из КПСС.

⁹⁸ Речь идет о М.С. Горбачеве и политике Перестройки.

грузок» и т.п. Как хороша воля! Однако я не тороплю Вас. Так, к слову пришлось. Что у кого болит, тот о том и говорит. Вам, думаю, еще рановато испытывать мою «хворь».

Пишу о деле вот каком. Днями был в резиденции В[опросов] и[стории], говорил с А.А. Искендеровым⁹⁹. Он в сильной контре с конторой Ковальченко¹⁰⁰ и, хотя формально вышел из-под ее опеки, тем не менее, не во всем волен по этическим соображениям. Они хотели бы поучаствовать в реализации давнишней идеи создания общества историков, да не хотят выступать с этим от себя. Я сказал, что инициаторы найдутся, о чем и заявил на последовавшей после этого разговора через два часа встрече в Политехническом музее редколлегии журнала [«Вопросы истории»] с читателями. Надеюсь, вы не окажетесь подписать такое обращение к историкам страны? Или одной России? Ведь кругом пламенные суверены!

Буду признателен, если заранее назовете точную дату октябрьской конференции. И о билетах надо позаботиться своевременно, и избежать накладки дат ее и нашей ростовской встречи выпускников пединститута полувековой давности, которая состоится 25-26 X.

Будьте здоровы, кланяюсь Валентине Петровне.

В. Антонов.

16

27. XI. [19]91.

Дорогой Николай Алексеевич!

Телеграмму получил. Документ подписал и сдал в редакцию «В[опросов] и[стории] для набора во второй номер. Высылаю Вам копию обращения. Окончательный вариант, как увидите, смягчен. Осторожные партнеры хотят быть дальновидными¹⁰¹.

Изолироваться от основистов¹⁰² все согласны, но как быть с нормами демократии? Видимо, потом разобьемся на секции, которые будут действовать самостоятельно.

Не прошло и обособление от всеобщников¹⁰³. Тут был убедительным Искендеров. Типичный вуз имеет небольшие кафедры, часто совмещенные.

⁹⁹ Искендеров Ахмед Ахмедович (1927–2017) – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР и (с 1991) РАН. (В 1988–2017) – главный редактор журнала «Вопросы истории».

¹⁰⁰ Вероятно, имеется в виду научный совет АН СССР по историографии, источниковедению и методам исторического исследования, возглавляемый И.Д. Ковальченко.

¹⁰¹ Письмо «Возродим русское историческое общество» было опубликовано: [5]

¹⁰² Так названы специалисты по курсу «Основы марксизма-ленинизма».

¹⁰³ Речь идет о специалистах по всеобщей истории.

Как их разделить? Одни объединятся, а другие останутся в стороне? И тут рассудит секция.

А что жизнь? Цены не отпускают, но они рвут веревки. Картошка в магазине уже больше трех рублей. Куры – появились – по 30 р. кг. Жалкий свежий карп сначала скакнул на 8 р., а вчера, смотрю, уже идет по 14 р. Сначала не брали осетрину по 37 р. Лежала, портилась, потом, вдруг, за ней очередь. Молоко сразу расхватывают. Берут по десятку пакетов. Ажиотаж за хлебом, хотя его выпекают на 50 тонн больше обычного. Сушат. Пляска решений о приватизации жилья, магазинов и услуги. Наконец – первое бесплатно, второе и третье в основном продать. Скорее бы в «загнивание»! Боятся, люди озлоблены, могут и «Матросскую тишину» огласить своим ревом. Не дай то Бог.

Будьте здоровы. Вал[ентине] Петр[овне] поклон.

В. Ант[онов].

17

24.XII. [19]91

Дорогой Николай Алексеевич!

Винюсь! Нет мне пощады. Хоть и заранее знал о Вашем юбилее¹⁰⁴, но прозевал. Так со мной бывает, когда после ночного бдения вдруг срываешься в провал, а когда вдруг лупнешь¹⁰⁵, то и за голову схватишься. Вы не можете сомневаться в моем отношении к Вам. Я люблю Вас как человека, вижу в Вас одного из талантливых и рыцарски честных исследователей, хотя порой и ворчу на излишнюю Вашу доброту к некоторым людям, которые ее не заслуживают.

С тем вот и напутствую Вас на седьмой десяток жизни, который пусть будет еще более урожайным, но предрассветным в Вашем творчестве. И с новым трудным годом, который желаем Вам с Валентиной Петровной пережить в здравии и благополучии.

Искренне Ваш – В. Антонов.

Список использованных источников и литературы:

1. Антонов В.Ф. Историческая концепция Н.Г. Чернышевского. Учебное пособие. М., 1983. 86 с.

¹⁰⁴ Имеется в виду шестидесятилетний юбилей Николая Алексеевича Троицкого (родился 19 декабря 1921 г.).

¹⁰⁵ Так в тексте.

2. Антонов В.Ф. Н.Г. Чернышевский о русской истории: Спецкурс для ФПК. М., 1985. 94 с.
3. Антонов В.Ф. Н.Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста. М., 2000. 198 с.
4. Ардасенов Н.М. Революционно-народническое движение на Тереке. Орджоникидзе, 1987. 181 с.
5. Возродим русское историческое общество // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 190.
6. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938.
7. Нарочницкая Н.А. Он был таким русским!.. Памяти профессора А.Ф. Смирнова [Электронный ресурс]. URL: www.pravoslavie.ru/39265.html (дата обращения: 14.11.2021).
8. Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. Саратов, 1989. 168 с.
9. Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. Саратов, 1989. 171 с.
10. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России, 1783–1883 гг. М., 1986. 343 с.
11. Пирумова Н.М., Плимак Е.Г. Рец.: Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов. гос. ун-та. Изд-во Саратов. ун-та. Вып. 1. 1971 // История СССР. 1985. № 4. С. 187–192.
12. Сайкин О.А. Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. 173 с.
13. Троицкий Н.А. Историография второй революционной ситуации: Пособие к спецкурсу. Саратов, 1984. 93 с.
14. Троицкий Н.А. Процесс 1 марта 1887 г. // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 113–120.
15. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. 348 с.
16. Троицкий Н.А. Как правильно писать фамилию Барклая де Толли? // История СССР. 1988. № 2. С. 219–220.
17. Троицкий Н.А. Очевидное и невероятное // Литературное обозрение. 1989. № 4. С. 25–26.
18. Троицкий Н.А. Книга о любви. Саратов, 2006. 304 с.
19. Троицкий Н.А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб., 2013. 186 с.

Д.М. Легкий

**О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ
«СПЕЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ О ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д.В. СТАСОВА».
ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАВЕТА Н.А. ТРОИЦКОГО**

В статье анализируется влияние научного наследия видного российского учёного Н.А. Троицкого на создание нового направления в исторической науке – истории российской присяжной адвокатуры и судебных политических процессов в России. Н.А. Троицкий первым поднял вопрос о необходимости изучения биографии главы российской присяжной адвокатуры Д.В. Стасова, заслуги которого признавались многими современниками и высоко оцениваются исследователями в настоящее время.

Ключевые слова: Троицкий Н.А., адвокатура, историография, культура, музыка, либерализм, революционное движение, судебные политические процессы.

D.M. Legkiy

**ON THE NEED FOR "THE ADVANCED STUDY
ON THE LIFE AND ACTIVITIES OF D.V. STASOV".
FULFILLMENT OF THE PRECEPTS OF N.A. TROITSKIY**

The article analyses the influence of the scientific heritage of the prominent Russian scientist N.A. Troitskiy on the creation of a new direction in historical science – the history of the Russian juried bar and judicial political processes in Russia. He was the first to raise the question of the need to study the biography of the head of the St. Petersburg Council of the Juried Bar, D.V. Stasov, whose merits were recognized by many of his contemporaries and are highly appreciated by researchers at the present time.

Key words: Troitskiy N.A., the Bar, historiography, culture, music, liberalism, revolutionary movement, judicial political processes.

Осенью 1986 г. в ответ на просьбу стажёра из Казахстана дать ему сразу тему будущей кандидатской диссертации (защита состоялась в январе 1992 г.), заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода Саратовского университета Николай Алексеевич Троицкий посоветовал: «определитесь вначале со сферой своих научных интересов» [1, с. 53]. Главным аргументом «настырного нацкадра» стал тогда двухтомник будущего научного руководителя («Безумство храбрых» и «Царизм перед су-

дом прогрессивной общественности»). В советское время эти книги имелись в книжных магазинах от Саратова до Кустаная. Именно тогда был получен первый автограф: «Дорогому Дмитрию Максимовичу с пожеланиями большого пути в науке». Через некоторое время счастливый стажёр получил в свои руки краткую записку с обозначением темы – «Д.В. Стасов» (с перечнем архивов – РО ИРЛИ, ЦГАЛИ, ЦГАОР, ЦГИА), что стало путеводной звездой в жизненном пути нового адепта саратовской исторической школы из Казахской ССР. Н.А. Троицкий справедливо считал, что деятельность Д.В. Стасова благодаря его активному участию как известного адвоката в судебных политических процессах, во многих общественных начинаниях, в развитии передовой отечественной культуры и борьбе за демократизацию страны, заслуживает пристального научного изучения.

В данном случае необходимо обратиться к научному наследию видного российского ученого Н.А. Троицкого, создателя нового направления в исторической науке – истории российской присяжной адвокатуры и судебных политических процессов в России. Под его руководством были защищены докторские [см.: 2, 3] и кандидатские [см.: 4, 5, 6] диссертации в жанре научной биографии, посвященные видным деятелям отечественной адвокатуры, классикам судебного красноречия.

В советской историографии Н.А. Троицкий первым поднял вопрос о необходимости изучения биографии Д.В. Стасова [см.: 8]. Действительно, Дмитрий Васильевич был широко известен его современникам, и сегодня его имя имеет право на достойное место в истории общественного движения и отечественной адвокатуры. Личность Дмитрия Васильевича Стасова долгое время незаслуженно оставалась в тени в сравнении с популярными в литературе именами его отца – выдающегося архитектора В.П. Стасова, брата – видного деятеля культуры В.В. Стасова и дочери – одного из руководителей партии большевиков Е.Д. Стасовой.

Во многих исследованиях, включая биографии исторических деятелей, историографию вопроса рассматривают в хронологическом порядке. Иногда идут по другому пути, когда в хронологическом порядке рассматривают публикации источников и в то же время оценивают появившиеся на их основе научные труды [9, с. 4–32], что также вполне оправданно. Начиная со второй половины XIX в. и до конца 20-х гг. XX в. о жизни и деятельности Д.В. Стасова писали в одном и том же духе (за редким исключением) все его современники, что и стало первым периодом в изучении нашей темы. Затем, на втором этапе, только в послевоенное время начинают появляться публикации, касающиеся различных фактов из его биографии.

Многие публикации, в которых имеются сведения о его жизни, трудно различить по жанру написания. В связи с этим приходится отказаться от общепринятого тематического изложения и рассмотреть всю имеющуюся литературу о Д.В. Стасове в личностном плане: в какой мере его жизнь и деятельность отражена в литературном наследии Стасовых; каким образом оценивали его личность современники – коллеги, видные историки и публицисты; наконец, что нового внесли в изучение биографии видного общественного деятеля (на основе имеющихся материалов и документов) советские и современные исследователи.

Представители семьи Стасовых, не лишённые писательского дара, оставили значительное литературное наследие, касающееся истории «стасовского клана». Вначале известный критик В.В. Стасов написал книгу о своей сестре [см.: 10], причём, Д.В. и П.С. Стасовы не преминули составить целый ряд замечаний и поправок, раскрывающих их собственную роль в развитии народного образования [11, л. 1–9]. Затем, уже в советский период, В.Д. Комарова, старшая дочь Д.В. Стасова (писавшая под псевдонимом), опубликовала двухтомную биографию своего именитого дяди – Владимира Васильевича Стасова [см.: 12] – на богатом фактическом материале из стасовского архива, где широко освещается система воспитания в их семье и приводятся интересные факты об участии семьи Стасовых в общественной жизни страны.

В последней книге воспроизводятся данные из напечатанного ранее предисловия В.Д. Комаровой к переписке Д.В. Стасова [см.: 13]. В этой небольшой по объёму, но весьма содержательной заметке впервые в советской историографии были представлены яркие страницы из его жизни. Используя только материалы семейного архива, В.Д. Комарова указывала на активную общественную деятельность своего отца, включая негласное участие в разработке Судебных уставов 1864 г.

Продолжая изучать биографию своего отца, она написала отдельную статью «Дмитрий Васильевич Стасов как музыкальный деятель» [14, с. 33–36], которая до настоящего времени является единственной специальной работой, посвящённой его музыкальной деятельности. Тематически её дополняют подробные комментарии В.Д. Комаровой к переписке В.В. Стасова с Л.Н. Толстым, М.А. Балакиревым, материалам к биографии М.П. Мусоргского и его письмам к Д.В. Стасову, свидетельствующие об активном участии последнего в культурной жизни России [см.: 15, 16, 17].

В дореволюционной историографии имя Д.В. Стасова впервые появилось на страницах нелегальной литературы. Известный революционер-народник С.М. Степняк-Кравчинский в публицистической книге, опубликованной в ряде стран Европы и Америки, оценил Д.В. Стасова как «известного петербургского адвоката», разоблачившего чудовищную ошибку

царской юстиции в ходе процесса «193-х» [см.: 18, с. 189]. В российских легальных изданиях был поставлен вопрос об участии Д.В. Стасова в революционном движении, когда В.Я. Богучарский в своих книгах отвергал его причастность к деятельности «Народной воли» [см.: 19, 20].

Дореволюционные исследователи по достоинству оценили роль Д.В. Стасова в культурной жизни России. На строго документальной основе написана книга редактора «Русской музыкальной газеты» Н.Ф. Финдейзена, который указал на роль Д.В. Стасова в создании Русского Музыкального общества [см.: 21, 1–29]. Профессора Санкт-Петербургской консерватории А.И. Пузыревский и Л.А. Саккетти составили очерки по истории музыкальных учреждений в России, кратко упомянув о заслугах Дмитрия Васильевича в их создании [см.: 22, 23]. Используя лишь официальные документы, они не могли знать все подробности.

Долгое время дореволюционные юристы незаслуженно обходили вниманием не только факт причастности Д.В. Стасова к созданию Судебных уставов 1864 г., но и его активное участие в качестве присяжного поверенного на многих крупных политических и уголовных процессах того времени. Авторы фундаментальных монографий о судебной реформе (Г.А. Джаншиев, М.А. Филиппов и др.) [см.: 24, 25], исследователи судебного красноречия в России (Б.Б. Глинский, Л.Д. Ляховецкий, А.Г. Тимофеев и др.) [см.: 26, 27, 28] вообще не упоминали имени «старейшины отечественной адвокатуры», как и других корифеев присяжной адвокатуры «первого призыва».

Отмечая заслуги видного адвоката, историки ограничивались публикацией фотографий Д.В. Стасова с краткими биографическими сведениями [см.: 29]. Исключением является фундаментальная «История русской адвокатуры», где раскрывается его роль как одного из руководителей Петербургского Совета присяжных поверенных, но опять же без анализа его непосредственной адвокатской деятельности (что, впрочем, не входило в задачи автора первого тома) [см.: 30].

А.Ф. Кони в своей итоговой книге «Отцы и дети судебной реформы» наряду с характеристикой других видных судебных деятелей создал яркий «портрет Нестора русской адвокатуры – Дмитрия Васильевича Стасова» [31, 283–284]. Узнав о его смерти, А.Ф. Кони посчитал своим долгом написать 1 мая 1918 г. некролог о своём товарище и единомышленнике [см.: 32, 33]. На торжественном собрании, посвящённом памяти Д.В. Стасову, он выступил с речью «Нравственный образ Стасова» [34, л. 111–115], которая частично была опубликована в печати, а затем все эти варианты вошли в обработанном виде в прижизненное собрание его сочинений [см.: 35, 36, с. 417–420].

Впрочем, четвёртый том этого издания, вышедший в отличие от предыдущих дореволюционных изданий не в России, а за границей, стал библиографической редкостью. В восьми томах собрания сочинений в советское время этой статье не нашлось места. Вследствие такого избирательного подхода в этом издании нет ни одного варианта статьи о жизни Стасова, а его имя упоминается только один раз – в опубликованной речи А.Ф. Кони о деятельности юридических обществ в России [37, с. 296].

После свержения самодержавия на деятельность Д.В. Стасова обратили внимание такие видные исследователи освободительного движения, как В.Е. Чешихин-Ветринский и М.К. Лемке. У первого известный адвокат представлен как один «из защитников каракозовцев» [38, с. 175], а у второго приведены комментарии о его причастности к революционному движению в ряде сносок и примечаний в издании собрания сочинений А.И. Герцена. М.К. Лемке впервые ввёл в научный оборот документы из секретного архива III Отделения, проливающие свет на дело о содержании под арестом Д.В. Стасова в 1861 г. и учреждении за ним полицейского надзора [см.: 39, Т. XV, с. 107 Т. XX, с. 113]. В эти же годы П.Е. Щеголев отметил участие адвоката на каракозовском процессе и активно использовал его воспоминания об этом деле как важный исторический источник [см.: 40, 41].

С конца 1920-х по начало 1950-х гг. о каком-либо внимании к истории освободительного движения народников, тем более деятельности «буржуазной адвокатуры» (в том числе Д.В. Стасова), говорить не приходится.

После длительного перерыва Д.В. Стасову стало уделяться всё большее внимание в самых различных трудах советских исследователей: в цикле книг о жизни его именитых родственников приводятся о нём краткие биографические сведения; в ряде исследований по истории первой революционной ситуации в России показывается его причастность к освободительному движению; в работах о карательной политике царизма и судебных преобразованиях освещается адвокатская деятельность; в публикациях о жизнедеятельности выдающихся представителей литературы и искусства имеются многочисленные упоминания об его участии в культурной жизни России.

Культурно-просветительская деятельность Д.В. Стасова широко отражена в предисловиях, многочисленных примечаниях известных музыковедов Е. Гордеевой, А. Зориной, Ю. Келдыша, А. Ляпуновой, М. Пекелиса, А. Розанова к различным публикациям писем, документов и воспоминаний выдающихся деятелей культуры [см.: 42, 43, 44, 45, 46], справочных изданиях по истории музыкального искусства и жизнедеятельности великих композиторов [см.: 47, 48, 49, 50, 51, 52]. Музыкальная деятельность

Д.В. Стасова освещается как в популярных биографиях выдающихся русских композиторов [см.: 53, с. 27. 81], так и в научных исследованиях по истории русской музыки [см.: 54]. С другой стороны, о его значительной роли в культурной жизни России нет ни одной обобщающей работы.

Ряд отдельных исследований, публицистических книг, посвященных его отцу, брату и дочери, можно условно назвать стасоведением [см.: 55–66]. Многие из этих работ являются научно-художественными биографиями, вследствие чего нередко сочетают в себе научные методы и художественную интуицию. Такой жанр допускает использование элементов домысла, как формы научной гипотезы [67, с. 41], но в данном случае он иногда приводит к субъективности в оценке Д.В. Стасова, особенно при украшиванию его революционных заслуг, что отчасти можно объяснить направленностью исторической науки в то время.

Особо выделяется своей фундаментальностью монография А.К. Лебедева и А.В. Солодовникова, созданная на основе глубокого изучения литературы и широкого круга источников, с привлечением ряда интересных архивных материалов, в том числе о преследовании царским правительством семьи Стасовых [см.: 61]. Надо отдать должное большой исследовательской работе, которую проделал Е.Г. Салита, обработавший важные документы из стасовского фонда [см.: 58], но отсутствие научно-справочного аппарата в его книгах значительно затрудняет оценку приведённого им материала.

Ряд видных специалистов по истории революционного движения в России – З.П. Базилева, И.Е. Баренбаум, Л.П. Богословская, А.А. Демченко, Б.П. Козьмин, Ю.Н. Коротков, Н.Н. Новикова, Э.А. Павлюченко, И.В. Порох, Н.А. Троицкий, Н.Я. Эйдельман – уделили большое внимание революционным заслугам Д.В. Стасова. В их трудах освещаются его причастность к лондонским переговорам Герцена и Чернышевского в 1859 г. (причём эта роль трактуется с полярных точек зрения) [см.: 68–76] и наиболее важные факты участия в общественной жизни России, преследования со стороны царских властей [см.: 77–85]. Многие известные историки революционного движения Б.П. Козьмин, Э.С. Виленская, Р.В. Филиппов, Н.Я. Эйдельман обращали внимание на вклад Д.В. Стасова в судебные преобразования, неизменно включая его в число «королей адвокатуры» или просто называя «известным впоследствии адвокатом» [см.: 69, 86–88].

Во всей этой массе публикаций сконцентрирован разнообразный ценный материал, раскрывающий активное участие Д.В. Стасова в общественном движении. Вместе с тем, некоторые историки, не сумев критически или хотя бы внимательно подойти к используемым источникам, допустили ряд фактических ошибок и неверных утверждений, порой даже сознатель-

но «натянутых», а другие исследователи принимали их на веру и повторяли в своих работах. Так, Н.Н. Новикова провела кропотливую работу, изучив массу документальных материалов о деятельности Д.В. Стасова, но эти данные подгонялись под заранее разработанную схему, концепцию. Это приводило не только к идеализации революционных заслуг Д.В. Стасова, что ещё можно понять, но и к искажению исторических фактов, что уже трудно оправдать [см.: 80, с. 65, 68]. И.Е. Баренбаум, используя опубликованный отрывок из воспоминаний П.С. Стасовой [см.: 89, с. 11–20], ссылался на архивные фонды [см.: 79], что тем более удивительно, учитывая, что автор являлся специалистом по истории развития книжного дела в России.

Когда некоторые историки в своих трудах смешивают и путают события и понятия, лица и даты, создатели романизированных биографий принимают всё это на веру и повторяют ошибки. Типичной ошибкой стала путаница с именами братьев Д.В. и В.В. Стасовых, и тогда у современного автора «Елена Дмитриевна Стасова... редактирует сочинения своего отца Владимира Васильевича Стасова» [см.: 90, с. 118].

Казалось бы, все недоразумения в освещении юридической деятельности Д.В. Стасова должны быть сняты в трудах по истории русской адвокатуры и судебных преобразований, но и здесь исследователи допускают ряд досадных неточностей. В первой же советской монографии, посвящённой формированию и развитию присяжной адвокатуры в России, вообще умалчивается о его заслугах как первого председателя Петербургского совета присяжных поверенных, так как таковым автор здесь ошибочно назвала К.К. Арсеньева [91, с. 115], который позднее занял этот пост.

В 1990-е–2000-е гг., когда в ведущих юридических и исторических журналах появились специальные публикации, посвященные различным сторонам деятельности забытого «отца судебной реформы», исследователи обратили внимание на заслуги председателя столичного совета присяжных поверенных [см.: 92–98].

Вместе с тем, «новый этап в развитии исторической мысли» начался с очевидного казуса. Так, юрист-исследователь совершенно справедливо отметил значимость адвокатской деятельности Д.В. Стасова в отдельной статье [см.: 92, с. 56–61]. Однако, указав на выше отмеченную очевидную ошибку Н.В. Черкасовой, сам демонстрирует вовсе не научные методы работы. Широко используя в работе неопубликованный доклад видного историка судебной реформы А.А. Жижиленко на аналогичную тему [см.: 99, л. 1–34], современный ученый не указывает имя действительного автора. А.М. Викторов просто позаимствовал текст и сноски из научного труда дореволюционного юриста, что сродни плагиату.

Сумел же другой современный автор в специальной статье о Д.В. Стасове, используя в основном опубликованные материалы из дореволюционных и советских изданий, в лаконичной форме, ярко и образно доказать значимость деятельности первого главы петербургских присяжных поверенных [см.: 93, с. 95–101].

Известные учёные-юристы В.И. Смолярчук и Е.А. Скрипилев, плодотворно работающие над изучением биографий и юридического наследия выдающихся судебных деятелей [см.: 100–107], относят Д.В. Стасова к «классикам судебного красноречия» [см.: 100, с. 14; 106, с. 10]. Впрочем, некоторые авторы в книгах, посвящённых жизни и деятельности А.Ф. Кони, не включают в его окружение «патриарха отечественной адвокатуры» [см.: 107–109], хотя они были ближайшими друзьями и единомышленниками, о чём свидетельствуют материалы стасовского фонда, особенно их длительная переписка [см.: 110]. Современные исследователи истории адвокатуры (правозащитный аспект), касаясь личности её видного представителя, неизменно отмечают, что «вся его адвокатская, творческая и общественная деятельность наполнена идеями гуманизма, патриотизма и свободы творчества» [см.: 111, с. 713–718].

Предстоит по достоинству оценить двадцатилетнюю плодотворную культурно-просветительскую деятельность Д.В. Стасова на рубеже XIX–XX вв., когда бывший «шестидесятник» стал активным участником земского либерального движения, что признает современная академическая наука. Так, Н.Г. Королева сумела внести существенный вклад в рассмотрение проблемы «революция и общество» на примере деятельности земских учреждений, в том числе оппозиционно настроенного Новгородского губернского земства, где Д.В. Стасов был длительное время председателем подготовительной комиссии [см.: 112].

В конечном итоге, именно в трудах Н.А. Троицкого по истории политических судебных процессов в России впервые была раскрыта роль присяжной адвокатуры в общественно-политической жизни страны, показана деятельность наиболее видных её представителей, в том числе Д.В. Стасова. Подвергнув тщательному анализу огромную массу судебно-следственных материалов, документов официального делопроизводства, он постепенно, шаг за шагом, раскрывал историю адвокатуры в России, как в отдельных научных публикациях [см.: 113–117], так и фундаментальных исследованиях [см.: 118–122]. Особо хотелось бы отметить вклад исследователя в изучение персоналий корифеев русской присяжной адвокатуры [см.: 123–128], в число которых он включал Д.В. Стасова.

Всестороннее изучение проблемы позволило Н.А. Троицкому показать в тесном взаимодействии борьбу революционного лагеря, позицию либеральных адвокатов и внутреннюю политику царизма, подробно про-

анализировав при этом царское судопроизводство. Бесспорно справедлива его мысль, что сословие присяжных поверенных благодаря своим смелым публичным выступлениям стало самым активным выразителем общественного мнения. Н.А. Троицкий впервые сумел на богатом фактическом материале раскрыть участие присяжной адвокатуры в освободительном движении, в борьбе с самодержавием и остатками крепостничества в России, о чём долгое время избегали говорить как дореволюционные, так и советские историки.

После долгого умолчания видный историк по достоинству оценил заслуги классиков судебного красноречия, впервые в исторической науке полномасштабно представив совершенно новый юридический и политический феномен в лице самоуправляющейся демократической корпорации присяжных поверенных [см.: 129–131].

Автор данной статьи, продолжая дело своего Учителя, после защиты своей докторской диссертации под руководством Н.А. Троицкого опубликовал ряд статей о роли Д.В. Стасова в судебных преобразованиях, становлении корпорации присяжной адвокатуры в России [см.: 132–148].

Такой авторитетный юрист, историк судебной реформы 1864 г., как А.Ф. Кони, ещё в 1919 г., отдавая дань памяти Д.В. Стасову как «старейшине отечественной адвокатуры», выражал надежду, что «для подробной оценки всех видов его деятельности, конечно, ещё наступит время» [см.: 149].

В 1983 г. Н.А. Троицкий первым констатировал тот факт, что «специальных исследований о жизни и деятельности Д.В. Стасова обобщающего характера до сих пор нет» [123, с. 321]. Через четверть века один из учеников выполнил завет своего Учителя, посвятив ему свою монографию о роли Дмитрия Васильевича Стасова в судебных преобразованиях, общественном и революционном движении, как было начертано Николаем Алексеевичем в напутственной записке 1986 г. [см.: 150].

Список использованных источников и литературы

1. *Легкий Д.М.* Честный сеятель добра и правды. О подготовке национальных кадров на кафедре Н.А. Троицкого в период перестройки в СССР (1986–1991) // Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею: Сборник статей / под ред. С.А. Мезина. Саратов, 2011. С. 51–61.

2. *Легкий Д.М.* Присяжная адвокатура в общественной жизни Российской империи (по материалам деятельности Д.В. Стасова): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2005.

3. *Варфоломеев Ю.В.* Николай Константинович Муравьев: научная биография: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2007.

4. *Ковалева Д.Н.* Николай Платонович Карабчевский (1851–1925). Жизнь, творчество, личность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002.
5. *Рязанова Д.А.* С.А. Андреевский: юрист и общественный деятель: 1847–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002.
6. *Морозов П.М.* Владимир Иванович Танеев: жизнь и деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011.
7. *Степанова А.В.* А.И. Урусов – юрист и судебный оратор: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005.
8. *Троцкий Н.А.* К биографии Д.В. Стасова (Воспоминания К.К. Арсеньева) // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 321–326.
9. *Итенберг Б.С.* П.Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988.
10. *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. СПб., 1899.
11. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 435. Л. 1–9.
12. *Каренин В.* Владимир Стасов. Л., 1927. Ч. 1–2.
13. *Комарова В.Д.* Из стасовского архива // Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 272–281.
14. Музыка и революция. 1928. № 1. С. 33–36.
15. Лев Толстой и В.В. Стасов. Переписка / под ред. В.Д. Комаровой. Л., 1929.
16. Переписка М.А. Балакирева с В.В. Стасовым / под ред. В.Д. Комаровой. М., 1935.
17. М.П. Мусоргский. Письма и документы / под ред. В.Д. Комаровой. М., 1932.
18. *Степняк-Кравчинский С.М.* Россия под властью царей. М., 1965.
19. *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70–80-х годах XIX в. М., 1912.
20. *Богучарский В.Я.* Революционная журналистика 70-х годов. СПб., 1907.
21. *Финдейзен Н.Ф.* Очерк деятельности С.-Петербургского отделения императорского русского Музыкального Общества (1859–1909). СПб., 1909.
22. *Пузыревский А.И.* Императорское Русское музыкальное общество в первые 50 лет его деятельности (1859–1909). СПб., 1909.
23. *Пузыревский А.И., Саккетти Л.А.* Очерки 50-летия деятельности Санкт-Петербургской консерватории. СПб., 1912.
24. *Джанишиев Г.А.* Эпоха великих реформ. СПб., 1905.
25. *Филлипов М.А.* Судебная реформа в России: в 2-х Т. СПб., 1871–1875.
26. *Глинский Б.Б.* Русское судебное красноречие. СПб., 1879.
27. *Ляховецкий Л.Д.* Характеристика известных русских судебных ораторов. СПб., 1897.
28. *Тимофеев А.Г.* Судебное красноречие в России. СПб., 1900.
29. *Бородин Д.Н.* Исторический очерк русской адвокатуры 1864–1914. 1 часть. Пг., 1915.
30. История русской адвокатуры. Т. 1 / сост. С.Н. Гаврилов. М., 1997.
31. *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 283–284.
32. Вечерняя заря. 1918. 1 мая.
33. Биржевые ведомости. 1918. 1 мая.
34. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 494. Л. 65.
35. *Кони А.Ф.* Памяти Д.В. Стасова // Жизнь искусства. 1919. 13–14 мая.
36. *Кони А.Ф.* На жизненном пути. Т. 4. Ревель-Берлин, 1923. С. 417–420.
37. *Кони А.Ф.* Труды и задачи Петербургского юридического общества // Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1968. С. 296–322.

38. *Чешихин-Ветринский В.Е.* Н.Г. Чернышевский. Пг., 1923.
39. *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем / под ред. М.К. Лемке. Пг., 1919–1923. Т. XI; Т. XV.
40. *Щеголев П.Е.* Каракозов в рavelине // Алексеевский рavelин. Секретная государственная тюрьма России в XIX веке: [в 2 кн.] / сост. А.А. Матышев. Л., 1990.
41. *Щеголев П.Е.* Алексеевский рavelин. М., 1989.
42. *Глинка М.И.* Записки. М., 1988.
43. *Пекелис М.А.* С. Даргомыжский и его окружение. Т. 3. М., 1983.
44. *Кунин И.* Милий Алексеевич Балакирев (жизнь и творчество в письмах и документах). М., 1967.
45. А.П. Бородин в воспоминаниях современников. М., 1985.
46. М.П. Мусоргский в воспоминаниях современников. М., 1989.
47. Музыкальная энциклопедия. Т. 4, 5. М., 1978.
48. *Бернандт Г.Б., Ямпольский И.М.* Кто писал о музыке. Т. 3. М., 1979.
49. Летопись жизни и творчества М.А. Балакирева. М., 1957.
50. Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. Т. 1. М., 1978.
51. *Орлова А.А.* Труды и дни М.П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества. М., 1963.
52. Страницы жизни Н.А. Римского-Корсакова. Летопись жизни и творчества. Вып. 1–4. Л., 1969–1973.
53. *Полевая М.И.* Римский-Корсаков в Петербурге. Л., 1989.
54. История русской музыки: в 10 т. Т. 6. М., 1989.
55. *Петров А.П.* Архитектор Василий Петрович Стасов. Л., 1950.
56. *Пилявский В.И.* Стасов архитектор. Л., 1962.
57. *Суворова Е.И.* В.В. Стасов и русская передовая общественная мысль. Л., 1956.
58. *Салита Е.Г., Суворова Е.И.* Стасов в Петербурге. Л., 1971.
59. *Левидова С.М., Салита Е.Г.* Елена Дмитриевна Стасова. Л., 1969.
60. *Маркевич А.П.* Стасов. Гражданин. Критик. Демократ. Киев, 1969.
61. *Лебедев А.К., Солодовников А.В.* Владимир Васильевич Стасов. М., 1976.
62. *Подляцук П.И.* Богатырская симфония. М., 1982.
63. *Салита Е.Г.* Стасовы в Петербурге-Петрограде. Л., 1982.
64. *Липилин В.Г.* Абсолют. Л., 1990.
65. *Тыжненко Т.Е.* Василий Стасов. Л., 1990.
66. *Голубева О.Д.* В.В. Стасов. СПб., 1995.
67. *Павлова Т.А.* Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 41–58.
68. *Козьмин Б.П.* Поездка Н.Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А.И. Герценом // Литература и история. М., 1982. С. 476–478.
69. *Козьмин Б.П.* К истории поездки Чернышевского к Герцену в Лондон // Литературное наследство. Т. 67. С. 121–129.
70. *Порох И.В.* Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963.
71. *Коротков Ю.Н.* Господин, который был в субботу в Фулеме (Чернышевский у Герцена летом 1859 г.) // Прометей. 1971. № 8. С. 166–168.
72. *Новикова Н.Н.* Снова о встрече Н.Г. Чернышевского с редакторами «Колокола» и её значение для борьбы за единство революционных сил в России // Проблемы истории общественного движения в историографии. М., 1971. С. 170–183.
73. *Демченко А.А.* Из истории поездки Чернышевского к А.И. Герцену // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 7. Саратов, 1975. С. 167–177.

74. *Богословская Л.П.* Д.В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом // Чернышевский и его эпоха. М., 1979. С. 195–199.
75. *Эйдельман Н.Я.* К истории лондонской встречи Чернышевского с Герценом // Чернышевский и его эпоха. М., 1979. С. 113–144.
76. *Новикова Н.Н., Клосс Б.М.* Н.Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. М., 1981.
77. *Базилева Э.П.* К истории первых артелей разночинцев // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 196–213.
78. *Базилева Э.П.* Архив семьи Стасовых как источник для изучения революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965. С. 431–439.
79. *Баренбаум И.Е.* Из истории русских прогрессивных издательств 60–70-х годов XIX века // Книга. Исследования и материалы. Сб. 11. М., 1965. С. 223–241.
80. *Новикова Н.Н.* Революционеры 1861 г. М., 1968.
81. *Богословская Л.П.* «Что делать» Н.Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974. Т. 6. С. 124–135.
82. *Шлемин П.И.* Дневник К.К. Арсеньева // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 312–322.
83. Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978.
84. *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979.
85. *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении. М., 1988.
86. *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России. М., 1965.
87. *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.
88. *Филиппов Р.В.* Революционная народническая организация Н.А. Ишутина–И.А. Худякова (1863–1866). Петрозаводск, 1964.
89. Воспоминания П.С. Стасовой // Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Т. 2. Пг., 1915. С. 11–20.
90. *Красная Г.Н.* Тайны кремлевских жен. Минск, 1997.
91. *Черкасова Н.В.* Формирование и развитие адвокатуры в России: 60-80-е годы XIX в. М., 1987.
92. *Викторов А.М.* Д.В. Стасов – адвокат, общественный деятель (1828–1918) // Правоведение. 1990, № 6. С. 56–61.
93. *Малев Е.В.* Первый председатель Совета Санкт-Петербургских присяжных поверенных // Правоведение. 1995. № 1. С. 95–101.
94. *Легкий Д.М.* Д.В. Стасов – политический защитник // Государство и право. 2001. №10. С. 98–106.
95. *Легкий Д.М.* Дмитрий Васильевич Стасов – забытый автор судебных уставов 1864 г. в России // Правоведение. 2002. № 3. С. 201–217.
96. *Легкий Д.М.* Первый председатель С.-Петербургского Совета присяжных поверенных // Правоведение. 2003. № 1. С. 5–19.
97. *Легкий Д.М.* Либерально-демократическая общественность Петербурга в 1860–1870 гг. (по материалам семейного архива Стасовых) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 14–20.
98. *Легкий Д.М.* Дмитрий Васильевич Стасов. Исторический портрет // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 54–74.

99. *Жижиленко А.А.* Д.В. Стасов как юрист и общественный деятель // РО РНБ. Ф. 283. Оп. 218. Д. 4. Л. 1–34.
100. *Смолярчук В.И.* Гиганты и чародеи слова (русские судебные ораторы второй половины XIX – начала XX века). М., 1984.
101. *Смолярчук В.И.* Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989.
102. *Смолярчук В.И.* Анатолий Федорович Кони. М., 1989.
103. *Смолярчук В.И.* В.Д. Спасович: ученый-юрист, литератор, судебный оратор // Советское государство и право. 1982. № 10. С. 93–99.
104. *Смолярчук В.И.* Н.П. Карабчевский – русский судебный оратор и писатель. Советское государство и право. 1983. № 8. С. 115–121.
105. *Скрипчев Е.А.* Российская присяжная адвокатура в пореформенной России // Буржуазные реформы в России втор. пол. XIX века. Воронеж, 1988. С. 111–124.
106. *Скрипчев Е.А.* В.Д. Спасович – король русской адвокатуры. М., 1999.
107. *Смолярчук В.И.* А.Ф. Кони и его окружение. М., 1990.
108. *Высоцкий С.А.* Кони. М., 1988.
109. *Сашонко В.Н.* А.Ф. Кони в Петербурге–Петрограде–Ленинграде. Л., 1991.
110. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 163; Оп. 5. Д. 130.
111. *Яшин А.Н.* Идеи гуманизма, справедливости и жертвенности в правозащитной деятельности русских адвокатов XIX века // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11, № 4. С. 713–718.
112. *Королева Н.Г.* Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995.
113. *Троицкий Н.А.* Процесс «193-х» // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965. С. 314–335.
114. *Троицкий Н.А.* Русская адвокатура на политических процессах народников (1871–1890) // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Саратов, 1968. С. 89–144.
115. *Троицкий Н.А.* Дело «нечаевцев» // Освободительное движение в России. 1975. Вып. 4. С. 79–92.
116. *Троицкий Н.А.* Процесс «17-ти» // Советское государство и право. 1983. № 6. С. 99–107.
117. *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1914 гг. // Гуманитарная наука в России: М., 1996. С. 155–161.
118. *Троицкий Н.А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976.
119. *Троицкий Н.А.* «Народная Воля» перед царским судом. Саратов, 1983.
120. *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. (Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг.) М., 1978.
121. *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895. М., 1979.
122. *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000.
123. *Троицкий Н.А.* К биографии Д.В. Стасова // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 321–326.
124. *Троицкий Н.А.* Корифеи русской адвокатуры первого призыва // Советское государство и право. 1985. № 2. С. 120–129; № 9. С. 101–108.
125. *Троицкий Н.А.* Один из самых преданных (судьба адвоката Г.В. Бардовского) // Освободительное движение в России. Вып. 11. Саратов, 1986. С. 48–62.
126. *Троицкий Н.А.* Корифей отечественной адвокатуры (жизнь и судьба Н.П. Карабчевского) // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 45–58.

127. *Троицкий Н.А.* Василий Алексеевич Маклаков – адвокат и политик // Политические партии. История. Современность. Орел, 1994. С. 95–98.
128. *Троицкий Н.А.* Судьбы российских адвокатов. Саратов, 2003.
129. *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России как юридический и политический феномен (история темы) // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 179–183.
130. *Троицкий Н.А.* Адвокатура и общество в России (XIX – нач. XX в.) // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. С. 165–175.
131. *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000.
132. *Легкий Д.М.* Присяжная адвокатура на процессах по «делам о печати» после Судебной реформы 1864 г. в России // Проблемы права. 2006. № 1. С. 125–128.
133. *Легкий Д.М.* Русский адвокат под политическим надзором // Освободительное движение в России. Вып. 22 / под ред. проф. В.С. Парсамова. Саратов, 2007. С. 47–55.
134. *Легкий Д.М.* «Задача тяжелая, надо избавить человека от смерти» (дело ишутинцев и Каракозова в письмах адвоката Д.В. Стасова) // Освободительное движение в России. Вып. 22 / под ред. проф. В.С. Парсамова. Саратов, 2007. С. 153–158.
135. *Легкий Д.М.* Присяжная адвокатура и суд присяжных на защите революционного и национально-освободительного движения в Российской империи (тезисы) // Материалы международной научно-практической конференции «Закономерности становления и тенденции развития законодательства Республики Казахстан». 18 мая 2007 г. Астана, 2007. С. 62–64.
136. *Легкий Д.М.* Адвокат на судебных политических процессах в Российской империи: от суда присяжных (процесс «нечаевцев») до суда ОППС (процесс «193-х») // Проблемы права. 2007. № 2. С. 160–167.
137. *Легкий Д.М.* Первый «кружок молодых юристов» накануне Судебной реформы 1864 г. в Российской империи // Правовая реформа в Казахстане. 2007. № 2. С. 87–91.
138. *Легкий Д.М.* Присяжная адвокатура в России и Казахстане: становление и развитие в общем историческом прошлом // Галым. № 1. 2007. С. 62–67.
139. *Легкий Д.М.* Тайна рождения адвоката Федора Плевако: мифы и реальность // Саясат-Ролісу. № 5. 2007. С. 49–51.
140. *Легкий Д.М.* Присяжная адвокатура на защите революционного движения в Российской империи // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Филология. Право. 2010. № 2 (58). С. 71–82.
141. *Легкий Д.М.* Неизвестный отец судебной реформы (к 150-летию судебной реформы 1864 г. в России) // Правовое пространство России: проблемы теории, истории и практики. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Т.Л. Южаковой. Славянск-на-Кубани, 2011. С. 69–72.
142. *Легкий Д.М.* От старого до нового суда. Д.В. Стасов: Судебная реформа 1864 года глазами современника. Saarbrücken, 2014.
143. *Легкий Д.М.* К 150-летию судебной реформы 1864 г. в России. Адвокатура и судебная реформа 1864 г. в Российской империи: эволюция историко-правовой мысли // Вопросы правоведения. 2015. № 1. С. 10–31.
144. *Легкий Д.М.* «Учиться судоговорению» (к истории юридических кружков накануне «эпохи великих реформ») // Российский судья. 2015. № 2. С. 45–48.
145. *Легкий Д.М.* «Суд не есть бюрократическое учреждение». К истории подготовки устава гражданского судопроизводства в эпоху великих реформ в Российской империи // История государства и права. 2015. № 11. С. 36–41.

146. *Легкий Д.М.* «В адвокатуру устремлялось все живое, честное, независимое». Санкт-Петербургский совет присяжных поверенных: от «эпохи великих реформ» до «периода контрреформ» (втор. пол. 1860 – пер. пол. 1880-х гг.) // Вопросы правоведения. 2015. № 6. С. 120–138.

147. *Легкий Д.М.* Петербургский совет присяжных поверенных в общественно-политической жизни России (от 1905 до 1917 года) // Адвокатская практика. 2016. № 5. С. 55–60.

148. *Легкий Д.М.* Адвокат и его подзащитные на судебных политических процессах над революционными народниками во второй половине 1860-х – начале 1880-х годов (по материалам деятельности Д.В. Стасова) // Право: история и современность. 2018. № 2. С. 31–40.

149. *Кони А.Ф.* Памяти Д.В. Стасова // Жизнь искусства. 1919. 13–14 мая.

150. *Легкий Д.М.* Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. СПб., 2011.

Т.В. Андреева

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕКАБРИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. ЦАМУТАЛИ

Статья посвящена творчеству А.Н. Цамутали, его вкладу в развитие декабристско-ведческой историографии. Анализируются основные работы историографа, посвященные изучению ключевых проблем отечественного декабристского движения на различных этапах его истории в дореволюционную, советскую и современную эпохи. Особое внимание уделено авторской интерпретации историографических традиций восстания 14 декабря 1825 г. и его исторического значения, места декабризма в российском освободительном процессе. Оценка А.Н. Цамутали позиций историков XIX – начала XXI в. в отношении декабристского движения рассматривается в контексте важнейших политических и идеологических событий и явлений.

Ключевые слова: А.Н. Цамутали, дореволюционная, советская, современная историография, декабристы, 14 декабря 1825 г.

T.V. Andreeva

HISTORIOGRAPHY OF DECABRISM IN THE WORKS OF A.N. TSAMUTALI

The article is devoted to the work of A.N. Tsamutali associated with his contribution to the development of the Decembrist historiography. The author analyzes the main works of the historiographer devoted to the study of the key problems of Russian Decembrist studies at various stages of its history in the pre-revolutionary, Soviet and modern eras. Special attention is paid to the author's interpretation of the historiographic traditions of the uprising of December 14, 1825 and its historical significance, the place of Decembrism in the Russian liberation process. A.N. Tsamutali's assessment of the positions of historians of the XIX – early XXI centuries in relation to the Decembrist movement is considered in the context of the most important political and ideological events and phenomena.

Keywords: A.N. Tsamutali, pre-revolutionary, Soviet, modern historiography, Decembrists, December 14, 1825.

10 февраля 2021 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Алексея Николаевича Цамутали. Замечательный человек и выдающийся ученый, хорошо известный отечественным и зарубежным специалистам, он принадлежит к блестящему поколению историков России, внесшему огромный

вклад в развитие отечественной исторической науки и высшего исторического образования в нашей стране. Его сверстниками, друзьями и коллегами были такие «легенды ЛОИИ» как Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, А.А. Фурсенко, В.Г. Чернуха, а в Саратовском университете – И.В. Порох и Н.А. Троицкий. Высоко оценивая научное творчество и педагогическую деятельность Н.А. Троицкого, А.Н. Цамутали в своих воспоминаниях о нем подчеркивает, что даже в период кризиса исторической науки в годы «перестройки» был уверен, что «труды и мнения Николая Алексеевича помогут нам устоять и сохранить принципы петербургской исторической школы» [1, с. 185].

Характерной чертой петербургской исторической школы всегда были остается научный реализм, не подверженный никаким идеологическим влияниям ине связанный с политической реальностью, а её главными методологическими принципами – приоритет источника и факта вне зависимости от господствующей в историографии традиции, сдержанность в обобщениях и аналитическая направленность исследовательского процесса [2, с. 62–63]. В силу этого трансформация историографической культуры в конце 1990-х гг. не затронула декабристоведческое творчество А.Н. Цамутали, которому принадлежит огромная заслуга в формировании объективных связей прошлого и настоящего отечественной исторической науки, сохранении и использовании наследия, как дореволюционного, так и советского декабристоведения. Поэтому не удивительно, что глубокие и многоаспектные труды А.Н. Цамутали, посвященные исследованию движения декабристов в трудах историков XIX – начала XXI в., основанные на широкой эрудиции, устойчивости научных позиций автора, стали базовыми для всех исследователей истории декабризма. В них умело сочетаются рассмотрение историографии во взаимосвязи с общественной мыслью и культурой, а также анализ тех объективных и субъективных факторов, которые обеспечивали эволюцию декабристоведения в дореволюционный, советский и современный этапы.

Рассматривая дореволюционный этап изучения декабризма в неразрывной связи с важнейшими историографическими направлениями различных эпох, А.Н. Цамутали в юбилейный 1975 год в статье «Идеи декабристов и русская историография XIX в.» обращается к изучению эволюции построений историков, прежде всего, либерального направления, их вклада в изучение истории декабристов. Анализируя творчество С.М. Соловьева, работы которого отражали возникновение либеральной линии в русской историографии, а также труды К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, историкограф подчеркивает, что уже в 1860-х гг. в своих построениях они выражали настроения умеренных либеральных кругов, чьи политические идеалы не шли дальше реформ в рамках буржуазной монархии и «были

чужды декабристской традиции». По мнению А.Н. Цамутали, гораздо ближе к историческим взглядам и политической позиции деятелей тайных обществ 1820-х гг. были взгляды Н.И. Костомарова, трудам которого присущ не только «оттенок оппозиционности по отношению к русскому самодержавию», но и стремление к рассмотрению поставленных ими вопросов о централизации и федерализме. Возвращаясь к проблеме преимуществ федералистского начала, поставленной еще в первой половине XIX в., историк в этой связи включается в спор о роли казачества в русской истории, начатый декабристом В.Д. Сухоруковым, видевшим в нем основу «демократической вольницы» и противостоявшим позиции Н.М. Карамзина. Позитивно оценивая творчество Н.И. Костомарова, А.Н. Цамутали считает, что ему более, чем другим историкам либерального направления свойственна декабристская тенденция к постановке новых проблем, связанных с анализом исторического развития России. Однако несравненно дальше пошел В.О. Ключевский, подошедший к решению исторических проблем с точки зрения социально-экономической истории. Ученик С.М. Соловьева и последователь неокантианства, он развивал тему влияния экономических процессов на социально-политическое развитие общества, только намеченную декабристами. В целом, по мнению историографа, либеральное направление историографии XIX в. «выступало в роли силы, противостоящей революционной тенденции в исторической науке. Однако оно не могло не испытывать на себе влияния передовой исторической мысли» [3, с. 328–335].

Продолжением изучения дореволюционного историографического процесса применительно к истории декабризма стала статья А.Н. Цамутали, написанная в соавторстве с М.С. Белоусовым и посвященная важнейшим проблемам изучения 14 декабря 1825 г. в отечественной историографии в связи с 190-летним юбилеем восстания декабристов. Применительно к творчеству одного из основоположников отечественного декабристоведения А.Н. Пыпина, работами которого представлена формирующаяся либеральная линия в изучении декабризма, авторы подчеркивают, что главная ценность его классической монографии «Общественное движение в России при Александре I», первым изданием вышедшей в 1871 г., состоит в том, что историк увидел «прямую взаимосвязь между реформаторскими планами самодержавия и возникновением движения декабристов», стремился показать, что «декабристы лишь продолжатели преобразовательных начинаний Александра I». В его книге декабристы представлены реформаторами-либералами, в деятельности которых отсутствовал заговор, и впервые поставлена важнейшая проблема взаимовлияния и взаимовоздействия официального и созревшего дворянского либерализма. Заслуга четырехтомного сочинения Н.К. Шильдера «Император Александр Первый. Его

жизнь и царствование» (СПб., 1897–1898) и незавершенного двухтомного труда «Император Николай Первый. Его жизнь и царствование» (СПб., 1903) состоит в установке автора выявить политические причины и мотивационные обоснования, побудившие декабристов «встать на путь конфронтации с властью», а также в определении их главной общей черты – «самопожертвования в самом обширном значении слова». Несмотря на то, что историк признавал само дело «Тайного общества» ошибочным «или следствием заблуждения», он считал, как подчеркивается в статье, что политические конспираторы «исходили из лучших побуждений». Н.К. Шильдер, осуждая представителей радикального крыла декабристского движения, все же подчеркивал позитивную сущность «умеренных», «план реформ» которых был осуществлен в царствование Александра II. Период после Первой русской революции в изучении декабризма авторы относятся в целом в актив либеральной историографии, представителями которой была воспринята и развита пыпинская концепция декабристского движения. В наиболее законченном виде это нашло отражение в книге историка народного направления В.И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (СПб., 1909), которая, по мнению исследователей, была наиболее «крупным дореволюционным сочинением о декабристах». Действительно, именно в данной работе впервые концептуально и четко сформулирована идея, что декабризм являлся единым, либерально-реформаторским движением, в котором сосуществовали республиканско-революционные и конституционно-монархические тенденции при доминировании последних. В начале XX в. к декабристской проблематике обратился и Н.П. Павлов-Сильванский, с 1900 г. по 1903 г. в качестве делопроизводителя Государственного архива занимавшийся разбором хранящихся в нем материалов Чрезвычайной следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов, в том числе следственного дела П.И. Пестеля. По сути, это стало «первым трудом историка о декабристах». В 1902 г., после завершения архивной работы, им был написан для «Русского биографического словаря» А.А. Половцова первый в историографии научно-биографический очерк о П.И. Пестеле, а в 1906 г. в «Былом» вышла статья «Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом». Революционные события 1905–1907 гг. обусловили обращение Н.П. Павлова-Сильванского и к определению сущности декабризма, выявлению его места в российском освободительном процессе. В лекциях 1907 г. «История и современность» и «Схемы русской истории. Революция и русская историография», рукописи которых хранятся в личном фонде историка в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН, в рамках либеральной концепции декабристского движения подчеркивается, что оно представляло собой постоянное противоборство революционного настроенного П.И. Пестеля с мечтавшим о

введении конституции либерально-реформаторским большинством «Тайного общества». При этом обозначая единую линию преемственного развития освободительной парадигмы, Н.П. Павлов-Сильванский дает следующую периодизацию: «Радищев, декабристы, деятели 40 – 60-х гг., народолюбцы, марксисты и социал-демократы, народники и их преемники – социалисты-революционеры». И хотя А.Н. Цамутали и М.С. Белоусов отмечают её сходство с ленинской периодизацией, но считают, что заимствование В.И. Лениным у Н.П. Павлова-Сильванского представляется невозможным, поскольку идеолог марксизма вряд ли знал работы историка, просто подобная периодизация в годы первой русской революции и позже «виталя в воздухе». К этому же времени короткой политической весны, являвшейся следствием отступления самодержавия и характеризующейся общественным и научным интересом к «первенцам свободы», относятся публикация комплекса декабристских источников личного происхождения (мемуаров, записок, писем), вышедшая в свет в 1906 г. под редакцией киевского историка либерального направления М.В. Довнар-Запольского и две его монографии, посвященные «Тайному обществу» декабристов и его идеологии. Как отмечают авторы, в них военное выступление 14 декабря 1825 г., с одной стороны, определялось «революцией», не имевшей шансов на успех, а с другой – «актом самопожертвования», когда декабристы «ценой крови» выразили свой политический протест. В статье отмечается также вклад в декабристоведение П.Е. Щеголева, не только впервые полностью опубликовавшего «Русскую Правду» П.И. Пестеля, подготовившего записки А.Е. Розена, И.И. Горбачевского и других декабристов, но и опубликовавшего в «Былом» за 1906 г. статью «Император Николай I – тюремщик декабристов» [4, с. 7–10].

Советский этап отечественной историографии декабризма рассмотрен также в нескольких статьях А.Н. Цамутали, во-первых, в историографическом обзоре, опубликованном в 16 томе «Трудов ЛОИИ» («Общественная мысль в России XIX века») и во-вторых, в упоминаемой совместной статье, посвященной 190-летию восстания декабристов. В историографическом обзоре автор отмечает, что революционные события 1917 г. актуализировали изучение истории Северного общества и военного выступления на Сенатской площади, а 100-летний юбилей восстания дал мощный толчок декабристоведческой историографии и способствовал формированию советской концепции декабризма. Глава марксистской исторической школы М.Н. Покровский, в дореволюционные годы отрицавший революционность декабристов и определявший их «защитниками интересов дворянства», в 1920-е гг. эволюционировал в сторону ленинской оценки декабристского движения. В своей борьбе за укрепление марксистско-ленинской историографии, создание новой школы общественных наук он

стремился к теоретико-методологическому обновлению «старой» науки. Поэтому в сборнике своих статей «Декабристы», вышедшем в 1927 г., в интерпретации узлового вопроса о революционности декабризма М.Н. Покровский являлся приверженцем в целом радикального движения, находил связь между восстанием 14 декабря 1825 г. и революцией 1905 г., считал декабристов «маяками, освещающими дорогу русским революционерам». Вместе с тем, как подчеркивает А.Н. Цамутали, М.Н. Покровский «в духе своей схемы» противопоставления Северного общества Южному союзу интерпретировал как само восстание, так и роль в нем диктатора С.П. Трубецкого, которого определял «северным Пестелем», державшим в своих руках все связи с южанами. «В глазах Покровского, – пишет историограф, – радикальное отличие» «военного плана Трубецкого» от «программы Пестеля» состояло в том, что первый предполагал «давление на власть», «отнюдь не революционную манифестацию», а вторая – «захват власти» [5, с. 40–41].

Здесь следует заметить, что «настоящими революционерами» М.Н. Покровский считал южан, прежде всего П.И. Пестеля, которого называл «вождем», «идеологом буржуазной России». В целом же историк-марксист четко осознавал разницу между социальной революцией и военными выступлениями декабристов на Севере и Юге. С его точки зрения, 14 декабря 1825 г. в России произошла «неревolutionная революция», «интеллигентская революция». Поэтому и «план» 1826 г. П.И. Пестеля он считал не планом революции, а «планом военной диспозиции» или «планом государственного переворота». «Революцию делают массы, а без масс действительна не революция, а государственный переворот», – утверждал М.Н. Покровский [6, с. 80, 81].

Тенденция к противопоставлению Северного и Южного обществ была характерна и для юбилейной книги Е.В. Сказина «Восстание 14 декабря 1825 г.» (М.; Л., 1925), анализ которой впервые в историографии был проведен А.Н. Цамутали, подчеркивающим, что «хотя она обычно лишь упоминается», но «содержит много интересных наблюдений и суждений». Являясь отражением «особенностей подхода» к движению декабристов в историографии 1920-х гг., данная работа интересна прежде всего тем, что в ней отсутствует глава о Северном обществе. И это не случайно, поскольку, с точки зрения Е.В. Сказина, оно постоянно отставало от Южного общества и численно, «и в отношении подготовленности к активной революционной деятельности». «Южное общество как бы тащило за собою на буксире северян», в силу этого бурные события конца 1825 г. застали их «совершенно неподготовленными к выступлению». Эта оценка Северного общества, «как бы походя», данная Е.В. Сказиным, считает А.Н. Ца-

мутали, свидетельствовала о тенденции отечественной историографии к пересмотру точки зрения М.Н. Покровского на северян [5, с. 42–43].

В эти же 1920-е гг., как отмечает историограф, в складывавшемся советском декабристоведении оформилось направление, продолжившее пьпинскую линию в изучении движения декабристов, как соединяющего две ветви освободительного процесса – революционную и либеральную. Прежде всего, оно было представлено монографией А.Е. Преснякова «14 декабря 1825 года» (М.; Л., 1926). В книге, как подчеркивает А.Н. Цамутали, представляющей собой «основанное на большом круге источников глубокое и серьезное исследование», Северному обществу уделяется приоритетное внимание. А.Е. Пресняков, углубляя синтетическую концепцию декабризма, насыщая ее фактическим материалом, показал, что Северное общество выполняло «роль опорного пункта для конституционного движения, в то время как на юге поднималось движение республиканское, окрашенное радикальным демократизмом и якобинскими тенденциями Пестеля». В их противоборстве декабризм подошел к событиям 14 декабря. При этом усиление влияния С.П. Трубецкого в Северном обществе, как представлялось А.Е. Преснякову, «не внесло перемен» во взаимоотношения Севера и Юга. Этот «отрыв» от схемы М.П. Покровского, указывает историограф, отчетливо проявился и в положении А.Е. Преснякова о радикальной группе К.Ф. Рылеева на завершающем этапе деятельности Северного общества, когда оно «приобрело ярко выраженные типичные черты декабризма как определенного культурно-исторического явления». В целом, по мнению А.Н. Цамутали, монография А.Е. Преснякова «способствовала выработке более объективного взгляда на роль Северного общества в истории движения декабристов, способствовала преодолению схематизма, присущего концепции Покровского» [5, с. 44–45].

Труд А.Е. Преснякова вызвал большой интерес со стороны историков, о чем свидетельствует, рецензия 1927 г. на него М.В. Нечкиной, отмечавшей огромную эрудицию, точную научную аргументацию и «исследовательскую привычку» автора. Сама же М.В. Нечкина, в 1950-е гг. возглавившая научную школу по изучению истории декабристов, по мнению А.Н. Цамутали, выпустила ряд работ по истории декабризма, «занявших выдающееся место среди советских исследований, посвященных этой теме». Её книга «Восстание 14 декабря 1825 г.» (М., 1951), а затем монография «День 14 декабря 1825 года» (М., 1975) содержали много новых данных о подготовке и ходе восстания на Сенатской площади. Инициацией документальной серии «Восстание декабристов», а также постановкой перед декабристоведами ряда новых проблем, в том числе о русских «либералистах», близких к участникам движения декабристов, М.В. Нечкина внесла важный вклад в развитие отечественного декабристоведения. И хо-

тя в последние годы все сильнее стали раздаваться критические оценки ее трудов, прежде всего двухтомного «Движение декабристов» (М., 1955), но «концептуальное единство и фундированность источниковой базы», как справедливо считает А.Н. Цамутали, дает основание расценивать данную монографию М.В. Нечкиной «как итог советского декабриствоведения» [5, с. 51–55], одно из наиболее «масштабных исследований по истории движения декабристов» [4, с. 12].

Но и в Ленинграде, как отмечается в совместной историографической статье А.Н. Цамутали и М.С. Белоусова, в 1950 – 1970-е гг. также сформировалось несколько центров по изучению истории движения декабристов. В Ленинградском отделении института истории АН СССР изучением формирования исторического сознания декабристов занимался С.С. Волк, в 1958 г. издавший хорошо известную всем декабристооведам монографию «Исторические взгляды декабристов» (М.; Л., 1958) [4, с. 13].

На историческом факультете Ленинградского государственного университета С.Б. Окунь в своих лекциях и научных работах особое внимание уделял истории декабризма, к которой подходил с точки зрения тщательного источниковедческого анализа официальных материалов и документов личного происхождения. В специальной статье, посвященной С.Б. Окуню как историку декабристов и опубликованной в «Третьих Мартовских чтениях памяти С.Б. Окуня» (СПб., 1997), А.Н. Цамутали, стремясь выявить особенности декабриствоведческих трудов историка, определить их место в историографии, подчеркивает, что первоначально интерес к декабристскому движению был связан с его штудиями о Российско-американской кампании, правителем дел которой был К.Ф. Рылеев. Но уже в Курсе лекций «История СССР. 1796–1825», вышедшем в свет первым изданием в 1948 г., декабристская тема приобретает самостоятельное значение. Как показал историограф, как в Курсе лекций, так и позднейших монографиях «Декабрист М.С. Лунин» (Л., 1962) и «Декабристы. (Герои прошлого нашей Родины)» (М., 1972), С.Б. Окунь концептуально шел «от Преснякова», демонстрируя «сложное соотношение декабристской идеологии с либерализмом» и утверждая наличие в движении декабристов изначально двух направлений – умеренно-либерального и радикального при доминировании последнего. «Ученый яркой одаренности и необычайной эрудиции», С.Б. Окунь все же не смог реализовать полностью свои декабриствоведческие планы. В черновом варианте остались неопубликованными его монография о П.И. Пестеле и историографический труд «Русская революционная печать о декабристах и царское правительство» [7, с. 100–101, 104]. Движение декабристов – излюбленная тема учеников С.Б. Окуня – Ю.Д. Марголиса и особенно Г.А. Невелева, автора глубоких работ, посвященных декабриствоведческой историографии.

Одновременно в Ленинградском государственном институте культуры им. Н.К. Крупской, как указывают А.Н. Цамутали и М.С. Белоусов, над историей декабристов работал С.С. Ланда. По образованию литературовед, в своей монографии «Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825 гг.» (М., 1975) он особое внимание уделил идеологическому оформлению декабристского движения [4, с. 13]. Надо добавить, что в этой связи С.С. Ланда подчеркивает включенность декабризма в европейский политический контекст, показывает, что декабристская конспирация на всем протяжении её истории организационно и идеологически представляла собой единый с европейскими нелегальными союзами общеевропейский тип освободительного движения конца XVIII – первой четверти XIX в.

В 1970 – 1980-е гг. интерес к истории движения декабристов, как подчеркивают А.Н. Цамутали и М.С. Белоусов, нашел отражение и в научно-популярной литературе, прежде всего в книгах Н.Я. Эйдельмана и Я.А. Гордина. В монографиях Я.А. Гордина «События и люди 14 декабря» (М., 1985) и «Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года» (Л., 1989), направленной на исследование драматического периода междуцарствия и восстания декабристов, прослеживается связь участников «мятежа» с различными слоями русского общества, показана борьба группировок в правящих кругах и «сложное переплетение интриг в придворной среде с планами и действиями членов тайных обществ», предлагается «оригинальная интерпретация неудачи восстания» – не предательство С.П. Трубецкого, а поступки А.И. Якубовича и А.М. Булатова [4, с. 14], [8, с.91]. Здесь нужно сказать, что как монографии Я.А. Гордина (помимо указанных, «Мятеж реформаторов. Кн. 1: Драма междуцарствия; Кн. 2. Трагедия мятежа: 14 декабря 1825 года» (СПб., 2006), так и книги Н.Я. Эйдельмана «Лунин» (М., 1970), «Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле», (М., 1973), «Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений» (М., 1979), «Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы» (СПб., 2001), близкие по методологическим принципам к работам С.Б. Окуня и Ю.М. Лотмана, представляют собой сплав строгой документальности, критики источников, умения показать закономерную логику событий и индивидуализирующего, историко-культурного и историко-психологического методов исследования, стремления поставить вопросы об исторических альтернативах и определить их роль в судьбе России.

Характеристика современного этапа декабристоведческой историографии дана А.Н. Цамутали в статье, опубликованной в первом выпуске серийного издания «14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография» (СПб., 1997) и в уже упоминавшейся сов-

местной историографической статье 2015 г. В статье 1997 г. историограф отмечает, что в конце 1980-х гг. в связи с актуализацией проблемы «Россия и Запад», западнического или самобытного пути развития, насильственных или реформаторских методов преобразования государства и общества, обострилась дискуссия о революционной традиции в России, появились знаковые работы, связанные с парадигмой «история как выбор». Так, в книге П.В. Волобуева «Выбор пути общественного развития. Теория. История. Современность» (М., 1987) отвергается оценка восстания декабристов «с позиций исторического фатализма» и подчеркивается возможность другого варианта исхода события – победы восставших. В обобщающей коллективной монографии И.К. Пантина, Е.Г. Плимака, В.Г. Хороса «Революционная традиция в России. 1783–1883» (М., 1986) подчеркивается, с одной стороны, преобладание в декабристской среде «революционеров в офицерских мундирах», а с другой – неразрывное единство декабристов и современного им дворянского общества. В данном контексте историограф, не опровергая указанные тезисы авторов, уточняет, что «на ранней стадии своего существования тайные общества переплетались с аристократической фрондой». Критика самодержавия, идея об ограничении власти монарха учреждением законодательного Сената были присущи части старинных княжеских и дворянских родов, что нашло отражение в программе преддекабристского «Ордена русских рыцарей», который, однако не эволюционировал в «действующее тайное общество» [8, с. 91–92]. Надо добавить, что учрежденный в 1812 г. как масонская организация «Орден» стал реально формироваться в 1813–1814 гг. и мыслился его основателями М.А. Дмитриевым-Мамоновым и М.Ф. Орловым как инструмент влияния на Александра I в целях реализации политических аристократических проектов.

Что же касается полемики о соотношения в декабризме революционной и либеральной тенденций, которая нашла отражение в выступлениях на конференции, посвященной 170-летию восстания декабристов, то А.Н. Цамутали считает, что более убедительной является позиция ряда историков, которые считают, что в декабристском движении были представлены обе. Ведь в отличие от передовой Европы, в России буржуазные элементы не были активной политической силой. В силу этого «в роли критика существующих порядков выступила передовая часть дворянства, положившая начало как либеральной, так и революционной традиций в русском освободительном движении» [8, с. 93–94].

Самым сложным периодом как для исторической науки в целом, так и исследований по теме движения декабристов, считают авторы историографической статьи 2015 г. А.Н. Цамутали и М.С. Белоусов, были 1990-е гг., когда кризис общественного сознания привел к падению интереса к де-

кабристской теме. Почти 10 лет за редким исключением не выходили книги о декабристах. Но уже начало XXI в. ознаменовалось выходом в свет целой серии новых монографических работ по различным проблемам декабристоведения, отличающихся насыщенностью нового документального материала, вниманием к недостаточно изученным или односторонне трактуемым темам, стремлением к демифологизации декабризма и научной объективности. В ряду наиболее значимых современных декабристоведческих работ ими отмечается прежде всего монография В.М. Боковой «Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в.» (М., 2003), в которой феномен тайных обществ рассмотрен в общем контексте общественного движения в России данной эпохи, включавшего декабристские и не декабристские конспиративные союзы, легальные и нелегальные организации [4, с. 14].

Следует подчеркнуть, что в книге В.М. Боковой были развиты – идея С.С. Ланды о взаимосвязи организационных параметров и идеологической матрицы декабристских объединений, установка, заявленная еще А.Е. Пресняковым и С.Н. Черновым, на изучение субъективного фактора в движении декабристов, историко-психологический и культурологический методы исследования, характерные для работ Ю.М. Лотмана и Н.Я. Эйдельмана. Давая психологический портрет поколения декабристов, исследовательница пишет, что отличительными его чертами были романтизм и литературная модель восприятия действительности, которые преобладали над их жизненным и политическим опытом, а иногда замещали его.

А.Н. Цамутали и М.С. Белоусов отмечают новаторство монографии О.И. Киянской «Павел Пестель. Офицер. Разведчик. Заговорщик» (М., 2002), в которой политическая биография П.И. Пестеля рассматривается в контексте его служебной карьеры. Надо сказать, что оригинальность данной работы заключается также в установке на рассмотрение феномена Пестеля как культурно-исторического явления, а также в постановке вопроса о механизме организации государственного переворота и о роли в нем «русского Бонапарта». В книге В.С. Парсамова «Декабристы и французский либерализм» (М., 2001), посвященной сравнительно-историческому анализу идеологии декабризма и французского либерализма начала XIX в., как отмечается авторами статьи, «остро поставлен вопрос о взаимосвязях интеллектуальной жизни западного мира и эволюции декабристской идеологии». Работа О.В. Эдельман «Следствие по делу декабристов» (М., 2010) отмечается как образец применения математических методов при работе со следственными делами. Близкой теме посвящена монография К.Г. Боленко «Верховный уголовный суд в системе российского правосудия. (Конец XVIII – начало XIX века)» (М., 2013) [4, с. 14]. Здесь следует подчеркнуть, что в этой первой в отечественной историографии специальной ра-

боте, посвященной истории Верховного уголовного суда, дан комплексный анализ данного важного судебного института России XVIII–XIX вв. Автор выявил место суда в системе государственных учреждений Российской империи, рассмотрел его на трех уровнях – юридической и политической мысли, действующего законодательства и правовой практики, проанализировал ряд основных аналитических преобразовательных проектов создания высшего судебного учреждения, а также отклики современников на важнейшие политические процессы в России этого времени – 1764, 1774–1775, 1826, 1832–1834, 1849 гг.

А.Н. Цамутали и М.С. Белоусов отмечают также монографию П.В. Ильина «Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.» (СПб., 2004), который продолжает «поиски новых членов тайных обществ или участников кружков, по духу близких идеям декабристов» [4, с. 14]. Хочу подчеркнуть, что монография П.В. Ильина, построенная на анализе основных принципов следственного процесса, критике показаний декабристов, рассмотрении важнейших приемов защиты подсудимых и дающая представление о широком масштабе движения, имеет важное историографическое и источниковедческое значение. Кроме этого, исследователь не только дает четкое и вполне адекватное определение политическому феномену «декабрист», но и утверждает, что приговор Верховного уголовного суда не может являться критерием отнесения к декабристскому движению и должен быть заменен другим.

Монография Т.В. Андреевой «Тайные общества в России: правительственная политика и общественное мнение» (СПб., 2009), как подчеркивают авторы историографической статьи, основанная на большом фактическом материале и посвященная изучению официальной позиции и анализу общественного мнения в отношении конспиративного движения, «дает много нового для изучения политики властей в отношении тайных обществ первой трети XIX в.» [4, с. 14].

Свою историографическую работу 1997 г., написанную в сложных условиях разрушения старых традиций, кризиса методологической и исторической базы, исчезновения целых направлений, А.Н. Цамутали оптимистично заключает: «История декабристов неразрывно связана со многими проблемами всемирной и отечественной истории конца XVIII – первой четверти XIX в. Для всестороннего изучения места декабристов в истории русской общественной мысли, освободительного движения предстоит проделать еще очень большую работу, изучить многие, в том числе, историографические проблемы».

Список использованных источников и литературы

1. *Цамутали А.Н.* Слово о коллеге: Н.А. Троицкий // История и историческая память. Межвузовский сборник научных трудов / под ред. А.В. Гладышева, С.А. Мезина. Вып. 13/ 14. Саратов, 2016. С. 185–186.
2. *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7–87.
3. *Цамутали А.Н.* Идеи декабристов и русская историография XIX в. // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 315–337.
4. *Цамутали А.Н., Белоусов М.С.* 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. Декабрь. История. СПб., 2015. С. 5–20.
5. *Цамутали А.Н.* Северное общество и восстание 14 декабря 1825 г. (Обзор советской историографии) // Общественная мысль в России XIX века. Л., 1986. С. 40–64.
6. *Покровский М.Н.* Декабристы. Сборник статей. М.; Л., 1927.
7. *Цамутали А.Н.* С.Б. Окунь – историк декабристов // Третьи Мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 99–106.
8. *Цамутали А.Н.* Декабристы и освободительное движение в России. Некоторые вопросы историографии // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 91–94.

С.М. СТАМ – НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

В статье рассматривается одна из ярких сторон творческого дарования видного российского историка-медиевиста, профессора Саратовского университета, ответственного редактора межвузовского сборника научных трудов «Средневековый город» С.М. Стама. Выявляются особенности творческого почерка С.М. Стама как научного редактора.

Ключевые слова: научное редактирование, российская медиевистика, средневековый город.

A.N. Galyamichev

S.M. STAM AS SCIENTIFIC EDITOR

The article considers one of the bright sides of the creative talent of the prominent Russian historian-Medievalist, Professor of Saratov University, Executive editor of the interuniversity collection of scientific works "Medieval city" S.M. Stam. Features of S.M. Stam's creative handwriting as a scientific editor are revealed.

Key words: scientific editing, Russian medieval studies, the medieval city.

Н.А. Троицкий не принадлежал к числу поклонников истории западноевропейского Средневековья и медиевистики как научной дисциплины. Тем не менее, публикация в сборнике, посвящённом его памяти, материала о видном историке-медиевисте представляется уместной. С.М. Стам был одним из ведущих преподавателей саратовского истфака в студенческие годы Н.А. Троицкого и продолжал возглавлять кафедру истории средних веков СГУ во время расцвета его творческой деятельности. Предлагая наш материал редколлегии, мы надеялись несколькими штрихами дополнить представления о научно-педагогическом коллективе исторического факультета СГУ, с которым была неразрывно связана жизнь и судьба Н.А. Троицкого.

Небезынтересно отметить, что на страницах своих воспоминаний Н.А. Троицкий назвал С.М. Стама (наряду с Л.А. Дербовым) наиболее ярким преподавателем саратовского истфака в его студенческие годы: «Среди них (педагогов. – А.Г.) особенно выделялись двое. Первым назову Соломона Моисеевича Стама. Москвич, выпускник элитно-экзотического МИФЛИ, ученик крупнейшего учёного-медиевиста, академика С.Д. Сказкина, Стам в 1949 г. приехал в Саратов, возглавил здесь кафедру истории средних веков и руководил ею до 1991 г. (42 года!), установив тем самым

незыблемый доселе и впредь рекорд саратовского истфака. Мало того, заняв сразу же первое место на факультете по историко-философской мудрости, основательности, *фундаментальности*, он так никому его не уступил. Лекции Стама (как и его печатные труды) многим из нас, студентов, казались скучными, но мы ценили и глубину их содержания, и академическую изысканность формы. Показателен такой факт. В 1953 г. была переведена в МГУ группа проучившихся два года в Саратове студентов из Чехословакии. Через год они написали друзьям в Саратов, что в МГУ нет, конечно, таких лекторов как (тут они назвали фамилию действительно слабого преподавателя), но зато нет и таких, как Стам» [1, с. 29].

В настоящей статье речь идёт об одной из сторон научной деятельности С.М. Стама. Важную роль при её написании сыграли личные воспоминания автора. В далёкие аспирантские годы дело дошло до опубликования моей первой статьи в сборнике «Средневековый город». Когда наступил завершающий этап подготовки сборника к печати, его ответственный редактор С.М. Стам пригласил меня для согласования окончательного текста статьи.

После того, как я согласился с замечаниями и исправлениями, сделанными рукой ответственного редактора и при этом проявил интерес к условным обозначениям в тексте и на полях, С.М. Стам выразил готовность обучить меня основам редакторской тайнописи и с большим увлечением рассказал о сложившемся в типографском деле профессиональном языке общения между редактором и наборщиком – представителем весьма непростой профессии, требовавшей разнообразных знаний и умений, которая ушла в прошлое вместе с техникой высокой печати и проникновением в типографское дело цифровых технологий.

Эта беседа состоялась в то время, когда подходила к концу работа над подготовкой к печати седьмого выпуска «Средневекового города» [2] – сборника, успевшего к тому времени завоевать большой авторитет среди специалистов и любителей истории средних веков. В этой связи представляется уместным вспомнить о том, что первый выпуск «Средневекового города» вышел в свет 50 лет назад – в 1968 году [3].

Три года спустя Минвуз РСФСР принял решение об организации издания на базе исторического факультета Саратовского университета нескольких межвузовских сборников научных трудов, к числу которых принадлежали хорошо знакомые российским историкам «Поволжский край», «Освободительное движение в России», «Античный мир и археология», «Новая и новейшая история», «Историографический сборник». Согласно этому решению кафедре истории средних веков СГУ было поручено издание сборника «Средневековый город» с периодичностью выхода один раз в два года.

Изучая содержание первых пяти выпусков «Средневекового города», нельзя не отметить представительность авторского коллектива: в качестве авторов опубликованных на его страницах статей и материалов выступают не только саратовские исследователи, но и корифеи отечественной медиэвистики – В.И. Рутенбург, Г.Л. Курбатов, В.А. Якубский, В.В. Штокмар, А.А. Сванидзе, Ю.К. Некрасов и другие видные представители советской исторической науки [4, с. 317–326].

Издание сборника стало одним из главных оснований при принятии Головным советом по историческим наукам решения о проведении в Саратове Всесоюзного симпозиума по проблемам истории и историографии средневекового города, который состоялся в СГУ в сентябре 1977 г.

По итогам работы симпозиума был издан шестой выпуск «Средневекового города», ставший своего рода презентацией тогдашнего состояния средневековой урбанистики в СССР. Наряду с текстом основного доклада С.М. Стама «Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города» на страницах сборника увидели свет тексты 39 докладов и сообщений участников симпозиума, как маститых учёных, так и начинающих исследователей.

Успех сборника «Средневековый город», являвшегося в начале 1970-х гг. одним из двух издававшихся в СССР периодических изданий по истории средних веков (наряду со сборником «Средние века», издававшимся Институтом всеобщей истории Академии наук), был во многом определён ответственной работой ответственного редактора. Истоки эффективности последней были во многом связаны с уроками одной из предшествующих страниц биографии С.М. Стама.

Из книг воспоминаний самого С.М. Стама [6] и его жены – известной советской детской писательницы Е.М. Рязановой [7] – мы узнаём, что с октября 1947-го по сентябрь 1949-го г. С.М. Стам работал в качестве старшего научного редактора Исторической редакции Государственного издательства иностранной литературы, куда он был приглашён своим научным руководителем С.Д. Сказкиным, возглавлявшим Историческую редакцию Иноиздата.

Основанное в 1946 г. издательство несло на себе глубокую печать породившего его времени – первых послевоенных лет, когда страна строила смелые планы на будущее, предъявляя самые высокие требования ко всему, что в ней происходило и производилось.

Главной задачей Государственного издательства иностранной литературы было ознакомление советского читателя с достижениями зарубежной науки и культуры. Отсюда вытекали задачи работников Исторической редакции – поиск наиболее интересных работ современных зарубежных исследователей и публицистов, организация условий для их качественного

перевода и, наконец, превращение рукописи в книгу, снабжённую рядом элементов, призванных помочь советскому читателю извлечь из неё максимальную пользу, – предисловием, комментариями, списками источников и литературы на русском языке.

Читая страницы воспоминаний, нетрудно понять, когда и где С.М. Стам приобрёл знания в области редакторской тайнописи, а также куда уходят истоки той увлечённости, с которой он работал над материалами «Средневекового города».

Во время работы в Иноиздате С.М. Стам подготовил к печати в качестве научного редактора четыре книги: научно-популярную работу знаменитого английского археолога Г. Чайлда «Прогресс и археология» [8], сборник очерков «В новом Китае» американского журналиста Г. Формана [9], считающееся классическим исследование американского учёного Т.А. Биссона «Военная экономика Японии» [10], а также капитальный труд немецкого историка Э. Бааша «История экономического развития Голландии XVI–XVIII вв.» [11].

Последняя работа представляет, на наш взгляд, особый интерес, поскольку теснее, чем другие связана с собственными научными интересами С.М. Стама. При этом знакомство с ней даёт возможность познакомиться и с некоторыми оригинальными мыслями и наблюдениями научного редактора, поскольку в круг его обязанностей входила не только тщательная сверка перевода с оригиналом, но и подготовка подстрочных текстовых примечаний.

Их в окончательном тексте книги – 76. По содержанию примечания можно разделить на две группы. Во-первых, это расшифровка имён и терминов, которые упоминаются Э. Баашем, но по каким-то причинам не сопровождаются необходимыми для понимания текста пояснениями. Так, из комментариев научного редактора читатель может составить представление о применявшихся в Голландии в первые столетия Нового времени мерах и весах (мере сыпучих тел мальтерсе, голландском корабельном ласте, мерах алкогольных напитков), о монетах и монетных системах, о выпускавшихся в странах Западной Европы тканях (раше и каразее). Именно С.М. Стам даёт, на мой взгляд, наиболее ясное и лаконичное определение такого важного для истории средневековой торговли понятия, как складочное право – «существовавшее в средние века право города требовать от купцов, проезжающих мимо, останавливаться в городе на определённый срок для продажи своих товаров» [11, с. 33].

Большая же часть примечаний научного редактора представляет собой полемические выступления, обусловленные его несогласием с теми или иными выводами и замечаниями Э. Бааша.

Эти примечания органически вписываются в рамки той активной, наступательной позиции, которую занимала советская историография по отношению к западной науке в те времена. При этом, как мне представляется, это было далеко не бесполезно для читателя, поскольку наряду с авторской предлагалась и иная интерпретация событий, явлений и процессов, заставлявшая его задуматься над обоснованностью каждой из них.

Приведу некоторые примечания такого рода. «В этом месте, как и в некоторых других, Бааш повторяет свою мысль о том, что Нидерландам самой природой предназначено оставаться чисто торговой страной и что нидерландская промышленность всегда носила искусственный характер... В ряду причин упадка промышленности в Голландии Бааш не формулирует важнейшую из них – засилье торгово-ростовщического капитала, – хотя ряд ценных фактов, приводимых им, подтверждает это положение» [11, с. 153].

В другом месте: «Автор, как типичный буржуазный историк, старается затушевать классовую борьбу в капиталистическом обществе. Но даже немногочисленные факты, приводимые им в дальнейшем, опровергают его тезис об отсутствии классовых конфликтов в капиталистической промышленности Голландии XVII–XVIII вв. Столь же нелепыми являются рассуждения Бааша о «прирождённой лени» и других национальных пороках, якобы присущих голландцам вообще» [11, с. 157]. «Чему так удивляется и чего никак не может понять Бааш, объяснялось не «леностью голландцев» и не «боязнью моря», а общим экономическим упадком страны в XVIII в., который повлёк за собой упадок судоходства, упадок заинтересованности в мореплавании (падение барышей судовладельцев, снижение заработной платы матросов) и упадок предприимчивости. Сказывалась также всё возрастающая конкуренция со стороны Франции и особенно Англии, которая опиралась на мощь своей капиталистической промышленности» [11, с. 166].

Ряд этих примечаний можно продолжить. Представляется, что они являются интересным предметом историографического анализа. Они же свидетельствуют о том, что работа в качестве научного редактора в Иноиздате сыграла важную роль в становлении С.М. Стама как исследователя.

Полагаю, что моё выступление будет уместно завершить словами из воспоминаний С.М. Стама: «Я же влез в свою функцию старшего научного редактора. В ней была своя привлекательность. Нужно было рыться в поступавшей новой зарубежной литературе на трёх основных западноевропейских языках, отыскивать, что заслуживает перевода и издания на русском языке. Удалось уловить и выпустить ... ряд работ, нужных нашим историкам, да и политикам, и просто тем, кто интересуется историей и современным развитием зарубежных стран. Но сколько сил это потребовало!

Чтобы выбрать нужное, подходящее, научно интересное, требовалось перерывать горы книг. Но что пожирало уйму времени и сил, так это постоянная сверка перевода с оригиналом. В целом переводчики были порядочные, но встречалось и грубое непонимание, и недопустимая небрежность. Мы выпустили ряд интересных книг, но какого труда это стоило! Офисного времени совершенно не хватало. Читал дома, порою – до полуночи. А изнутри, признаться, меня грызло сознание того, что дело это, хоть и интересное, всё больше уводит меня от главной умственной привязанности – от средневековья, от аналитической работы» [6, с. 195].

В сентябре 1949 г. С.М. Стам возглавил кафедру истории средних веков Саратовского университета. Работая в нашем городе, он подготовил докторскую диссертацию, в которой была обоснована оригинальная концепция истории средневекового города, обратившая на себя внимание не только советских средневековедов, но и зарубежных исследователей. Эти научные достижения предопределили рождение сборника «Средневековый город» и возвращение С.М. Стама к научно-редакторской работе.

Список использованных источников и литературы

1. *Троицкий Н.А.* Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006.
2. Средневековый город. Саратов, 1983. Вып. 7.
3. Средневековый город. Саратов, 1968. Вып. 1.
4. *Сванидзе А.А.* Проблемы истории средневекового города в тематическом межвузовском сборнике // Средние века. М., 1982. Вып. 45. С. 317–326.
5. Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6.
6. *Стам С.М.* Моя жизнь, учителя друзья и наука. Саратов, 2009.
7. *Рязанова Е.М.* Три Екатерины. Кн. 1–3. Саратов, 1999–2000.
8. *Чайльд Г.* Прогресс и археология. М., 1948.
9. *Форман Г.* В новом Китае. М., 1948.
10. *Биссон Г.А.* Военная экономика Японии. М., 1949.
11. *Бааш Э.* История экономического развития Голландии в XVI–XVIII вв. М., 1949.

Ю.Г. Степанов

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1986–1991 ГГ.
(по моим студенческим воспоминаниям)**

В статье содержатся воспоминания автора об историческом факультете Саратовского университета, его студентах и преподавателях в 1986-1991 гг.

Ключевые слова: Саратов, университет, исторический факультет, профессора, студенты, Н.А. Троицкий, И.В. Порох.

Y.G. Stepanov

**FACULTY OF HISTORY, SARATOV UNIVERSITY IN 1986–1991
(according to my student memories)**

The article contains the author's recollections of the history faculty of Saratov University, his students and teachers in 1986–1991.

Key words: Saratov, university, history faculty, professors, students, N.A. Troitsky, I.V. Porokh.

Советские учебники по истории я всегда вспоминаю с большой теплотой и благодарностью. Эти казенные *magistres vitae* были многословны и отвратительно скучны (особенно пухлый томик «Истории СССР» за выпускной 10-й класс). Главными же их «достоинствами» были недосказанность и умолчание. Эзопову языку, искусству чтения между строк и навыкам поиска скрытой информации, я, обычный советский школьник, обучен, разумеется, не был. Напротив, воспринимал сказанное в учебнике как слово истины, хотя и пафосно-тоскливое как «Моральный кодекс строителей коммунизма» в красном уголке. Зато, как ехидно подметил мой друг-одноклассник, на уроках истории я умел «греть уши», когда историк проговаривался и отклонялся от учебных канонов. Так, невзначай, я узнал, что Иосиф Сталин «о чем-то догадывался, но всего, конечно, не знал», что «Сахаров ошибается», а «наши войска в Чехословакии – суровая необходимость». Ни о Сталине с его догадками, ни о Сахарове с его «ошибками», ни о Чехословакии в 1968-ом в учебнике не рассказывалось, а наш историк

в ответ на мои вопросы только тяжело вздыхал и советовал подождать: «в свое время узнаешь».

Отслужив в 1985-м срочную, я решил, что это время пришло, хотя становиться историком вовсе не собирался. Геология, поиск минералов, тайга, воля-вольная и песни у костра под гитару – таким видел я свое будущее, но сначала надо было все же прояснить: о чем таком очень важном не знал вождь народов, в чем ошибся академик Андрей Сахаров и с кем воевали наши танкисты в Праге, спустя почти четверть века после Великой Отечественной войны. В декабре 1985 г. я подал документы на подготовительное отделение исторического факультета Саратовского государственного университета. И никогда не жалел о своем выборе.

Не раз приходилось слышать от разного рода «знатоков», что университет в смысле знаний ничего им не дал, мол, все, что пришлось услышать на лекциях и семинарах, и так было известно из обширного круга прочитанной ранее литературы и кулуарного общения с широко известными в узких кругах «специалистами». Все это – самонадеянное пустозвонство. На самом деле, уже на подготовительном отделении было очевидно, что по уровню знаний, общей эрудиции и культуре университетские преподаватели – это особая каста, особый мир, интеллектуальная элита в самом высоком смысле этого слова.

Блистательным примером университетского человека для меня останется Инна Андреевна Мнушкина, преподаватель французского.

Настоящим потрясением стало открытие, сколь интересным и увлекательным может быть изучение иностранного языка. Оказалось, что это вовсе не унылая зубрежка вереницы скучнейших «презентов», «футюров» и прочих «плюсквамперфектов» и не механическое накопление сведений бесполезных, а быть может, даже вредных в обычной жизни. Иностраный в подаче (всегда хочется сказать «в исполнении») Инны Андреевны стал для меня пропуском в мир иной культуры, неповторимой, несходной с нашей и оттого жгуче интересной. «Человек столько раз человек, сколько языков он знает», – не уставала повторять нам Инна Андреевна. Живой эмоциональный человек, изумительный преподаватель и потрясающе интересный собеседник, она навсегда останется для меня образцом гармоничного сочетания искреннего патриотизма с любовью к постижению языка и культуры другого народа. К сожалению, по лености характера я так и не одолел в должной степени язык Дидро и Вольтера, но на всю жизнь усвоил главные уроки французского. Язык – душа народа и не один даже самый искусный перевод не может передать всей его глубины и обаяния. Понять чужую историю и культуру можно, только поняв и полюбив язык народа, их создавшего. Есть в этом парадоксе какой-то скрытый от нас смысл и тайный знак. Эту истину я осознал, одолев на французском

«Маленького принца» А. Сент-Экзюпери. Убежден, что весь шарм и философскую мощь этого маленького шедевра можно понять, лишь прочитав его в оригинале. И другой не менее важный для себя урок я усвоил от И.А. Мнушкиной на всю жизнь: знание и культура свободны и космополитичны, их невозможно привязать к «месту приписки», «взять под стражу» или «национализировать». Инна Андреевна никогда не беседовала с нами, слушателями подготовительного отделения, на отвлеченные темы, не читала нотаций и не учила жизни. В этом не было необходимости, ведь у Инны Андреевны есть редчайший дар: оставаться свободной даже в несвободной стране.

Курс истории нам читала Ю.А. Каспарова. Замечу, что осознанию исторической драмы России в большой степени помогало то, что седьмой учебный корпус СГУ, где проходили занятия, не ремонтировался десятилетиями и удачно вписывался в картину тяжелого исторического наследия нашей многострадальной родины.

Юлия Ашотовна Каспарова, опытный педагог и преподаватель, эмоционально очень сдержанный человек, редко делала замечания, хотя, казалось, настороженно и с некоторой опаской относилась к шумной и не всегда деликатной в словах и поступках ватаге слушателей, многие из которых еще не успели расстаться с грубоватыми привычками, усвоенными в «школе жизни», как с гордостью, или, наоборот, с сарказмом именовали тогда советскую армию.

Лекции Юлии Ашотовны строились по университетскому образцу с обязательным, пусть и кратким, историографическим обзором темы. Отдельно и очень обстоятельно она рассказывала о саратовских историках, их трудах и вкладе в отечественную науку. Исследованиям Николая Алексеевича Троицкого была посвящена целая лекция – неслыханная в условиях лимита учебного времени роскошь.

Обычно Юлия Ашотовна излагала материал ясно, четко, информативно, но сухо, без особых изысков, почти с протокольной точностью. Поэтому меня поразило то, с каким восхищением, вдохновенно и ярко она полтора часа рассказывала нам о научных работах Н.А. Троицкого и главных героях его книг – русских народниках. Именно тогда я решил протудировать одну из работ Николая Алексеевича. Благо, что долго искать не пришлось: его монография – «Народная воля перед царским судом» – давно пылилась на полке моего книжного шкафа, сиротливо прячась где-то между «Всадником без головы» и «Головой профессора Доуэля». Так я впервые познакомился с творчеством одного из лучших, по моему глубокому убеждению, советских историков XX века.

Я не помню, каким было лето 1986-го: холодным или жарким, но точно знаю одно – для меня это лето было временем ожидания осени.

Успешно окончив подготовительное отделение Саратовского университета, я с нетерпением ждал начала учебного года. Впереди были долгие, как тогда казалось, пять студенческих лет на историческом факультете.

В 1986 году на истфаке наряду с «чистыми историками», учились студенты престижных отделений истории КПСС и политэкономии. Эта «элита» относилась к «массовке» (историков было три группы) с некоторым высокомерием, а «плебс» отвечал «партийным генералам» колкостями и насмешкой по части их будущей партийной карьеры. Все это несколько не мешало мирному сосуществованию и дружбе «верхов и низов» студенческого братства.

Преподавательский состав исторического факультета СГУ того времени – настоящее созвездие блестящих педагогов и ученых. Исследования таких мэтров, как С.М. Стам, В.Г. Борухович, были известны далеко за пределами Саратова. Впрочем, почти каждый из наших учителей был яркой личностью и прекрасным исследователем. В.Н. Парфенов, Н.И. Девятайкина, В.В. Васькин, Т.П. Кац, Е.К. Максимов, В.Г. Миронов и многие, многие другие вложили в своих студентов не только знания, но и часть души. Все они останутся в нашей (говорю от лица студентов своего поколения) памяти. И все же в моей студенческой биографии два профессора занимают особое место: Игорь Васильевич Порох и Николай Алексеевич Троицкий.

Всегда энергичный, живой и остроумный, Игорь Васильевич, был, по-моему, самым демократичным профессором истфака. Он прекрасно помнил в лицо, знал по именам и фамилиям своих студентов, интересовался их жизнью и учебой, искренне радовался успехам выпускников исторического факультета. Для меня Игорь Васильевич навсегда останется уникальным примером редкого человеческого обаяния. В нем не было ни грамма нарочитой импозантности, ученого высокомерия, стремления подчеркнуть свой научный авторитет. Он мог легко поддержать разговор на самые разные темы, например, обсудить причины неудач футбольной сборной. Не прикладывая ни малейших усилий для искусственного поддержания своего статуса, он пользовался огромным авторитетом и любовью студентов, и уважением коллег-историков.

Как лектору И.В. Пороху было исключительно важно, чтобы публика находилась в том же эмоциональном состоянии, что и он сам. Игорю Васильевичу, чтобы чувствовать себя комфортно, нужна была понимающая, или хотя бы заинтересованная в знании публика. Его лекции получались просто блистательными, если он чувствовал внимание слушателей. В противном случае, Игорь Васильевич потухал, полагая, видимо, что не стоит тратить силы на ленивых и нелюбопытных. Как мудро заметил профессор В.Г. Борухович, если не удалась лекция, то в этом есть вина не

только лектора, но и студентов, зачастую просто не готовых к восприятию сложной информации.

При этом И.В. Порох никогда не опускался до упреков или прямых оскорблений студентов, что редко, но все же случалось с другими преподавателями. Помнится, один из них, раздраженный шушуканьем «камчатки», прервал лекцию и попросил «говорунов» немедленно выйти, поскольку он не намерен «метать бисер перед свиньями».

Со студенческих времен у меня в памяти осталось два эпизода, которые очень ярко характеризуют Игоря Васильевича как преподавателя и человека. В одном случае он, явно удрученный слабыми ответами студентов, совершенно потухший и скучный, казалось, через силу выслушивал очередной невразумительный ответ. Прервав экзаменуемого, Порох неожиданно спросил: «Ну а что Вам показалось наиболее интересным в публицистике Герцена?». Мой однокурсник задумался и неожиданно выпалил: «сочетание несочетаемого». Игорь Васильевич оживился и попросил студента уточнить сказанное. Тот объяснил, что А.И. Герцен парадоксально, но так образно и емко дает характеристики, что это невольно остается в памяти (сейчас это назвали бы оксюмороном). Например, выражения «жандармская кибитка» и «дамоклов меч» у него превращаются в «дамоклову кибитку» как знак того, что в николаевские времена любого могли внезапно отправить туда, «куда Макар телят не гонял». Профессор выслушал разъяснение с большим интересом, как-то просветлел и поставил оценку «отлично».

Совсем по-иному завершился инцидент, приключившийся на студенческой конференции, кажется, в 1988 г. Тогда в русле тотальной демократизации практиковалось участие студентов в заседаниях Ученого Совета, в экзаменационных комиссиях и в президиуме на конференциях. Одной из жертв такой демократизации стал я, оказавшись в составе жюри в окружении докторов наук и профессоров. Быть может, эта затея кому-то казалась действительно важной и демократичной, но я чувствовал себя неуютно, когда председательствующий профессор Н.А. Троицкий осведомлялся, нет ли у меня вопросов к своим коллегам-студентам и просил оценить их выступления. Ничего толкового, мне, студенту, который и сам еще только учился, выдать из себя, конечно, не удавалось, а внеплановое выступление И.В. Пороха и вовсе повергло меня в состояние шока. В ходе рутинного заседания секции Игорь Васильевич вдруг буквально взорвался, гневно отреагировав на вполне симпатичный доклад А. Ступиной о визите в Саратов императора Александра II. Профессор при всех обвинил докладчицу в мелкотемье, заявил, что Саратов, прежде всего, родина Чернышевского, что в Поволжье вели борьбу с самодержавием народники, чем и следует заниматься, а не расписывать, как ждали и встречали царя-батюшку. В эмоциональном запале Игорь Васильевич совсем забыл, что

его «оппонент», – всего лишь девушка-студентка, которая от такого погрома в слезах убежала с конференции. К слову, Ангелина Ступина не бросила свою тему и позднее под руководством С.А. Мезина написала прекрасную диссертацию «Культурное пространство провинциального города: Саратов второй половины XIX – начала XX века в воспоминаниях современников». Не знаю, извинился ли Игорь Васильевич перед Ангелиной, но уверен, что, остыв, он, конечно, корил себя за эту неуместную вспышку эмоций. Сейчас, много лет спустя, я хорошо понимаю Игоря Васильевича. Дело, разумеется, не в том, что, по его мнению, внимания заслуживают исключительно слово и дело революционеров. Человек умный и тонкий, он видел то, что по молодости лет не понимали мы, студенты-историки: рушится и уходит в небытие целая эпоха и обломки советского строя могут похоронить не только плохое, но и все то хорошее, что было.

Уверен, что И.В. Порох остро чувствовал «уходящую натуру», переживал, что дело, которым он занимался всю жизнь, – декабристы, Герцен, освободительное движение, подвергались не критике даже, а поверхностному и невежественному поношению. К сожалению, его предчувствие господства нигилизма под маской демократического переосмысления истории полностью подтвердилось.

Николай Алексеевич Троицкий задолго до того, как я стал студентом, был настоящей легендой исторического факультета. Уже на подготовительном отделении я знал о его славе блестящего лектора, полемиста, ученого, а на первом курсе узнал и о его «боях за историю», о знаменитом диспуте Н.А. Троицкого и его коллег с М.В. Нечкиной «со товарищи». Очное же знакомство с Николаем Алексеевичем случилось даже раньше, чем я ждал. Мне и моим однокурсникам несказанно повезло. Раз в пять лет профессор Троицкий приходил в студенческое общежитие, где читал свои исторические анекдоты. Наш выпуск (1986–1991) оказался последним, кому посчастливилось вживую услышать такое нештатное выступление профессора перед студентами. И как же хорошо, что Д.М. Легкий, ныне доктор исторических наук и политик, а тогда, в далеком теперь 1987 году, аспирант кафедры истории России, догадался записать выступление Николая Алексеевича на магнитную ленту. Эта запись сохранилась, ее удалось оцифровать и сейчас мы имеем возможность слышать живой голос Николая Алексеевича.

О мастерстве Н.А. Троицкого как лектора можно говорить долго. На мой взгляд, Николай Алексеевич достиг максимальных вершин в этом непростом искусстве. Он умел удерживать внимание аудитории, не возвышая голоса, за счет точно выдержанных пауз, интонации, безупречного владения русским языком, метких, часто ироничных, а то и саркастических характеристик исторических лиц и ситуаций.

Наш куратор на первом курсе Таисия Павловна Кац однажды очень точно заметила, что есть много тех, кто может великолепно прочитать лекцию, но не владеют пером. С другой стороны, есть и те, кто замечательно пишет, но не имеют таланта лектора. Мало кто способен совместить эти очень разные виды профессиональной деятельности. Н.А. Троицкий был одним из немногих, кому удавалось в высшей степени талантливо сочетать устное и письменное научное творчество. Подтверждением тому может служить любая из написанных им работ, но в моих воспоминаниях особое место занимает выход в свет его монографии «1812. Великий год России». Сказать, что это исследование произвело настоящий фурор – почти ничего не сказать. Достать «Великий год» было очень сложно. За книгой выстраивалась очередь из желающих ее прочитать. Пришлось подключать связи. И здесь очень кстати оказалось мое знакомство с начальником штаба кафедры истории России, лаборанткой Ниной Георгиевной Андерс. Под залог студенческого билета и под честное благородное слово Нина Георгиевна иногда давала мне книги из кафедральной библиотеки, если по какой-то причине не удавалось взять их в «научке». Отдать кафедральный экземпляр «1812»-го на руки Нина Георгиевна категорически отказалась, но милостиво предоставила мне возможность читать книгу после занятий на кафедре и под ее надзором. С той поры и по сей день труды Н.А. Троицкого остаются для меня, думаю, и для многих других, непревзойденным образцом исторического исследования, написанного без «ученого косноязычия».

В отношении к студентам Николай Алексеевич был всегда корректен, доброжелателен и в то же время, что называется, держал дистанцию. По-настоящему доверительные отношения он выстраивал со своими дипломниками и аспирантами, особенно с теми, в ком видел искры таланта. Зачеты и экзамены Н.А. Троицкий принимал очень либерально, никого не «заваливал» трудными вопросами, стараясь снять волнение экзаменуемых доброй шуткой. Так, обнаружив, что несколько человек не явились на его экзамен по спецкурсу, он посмотрел на присутствующих, помолчал и задумчиво произнес: «Видимо, перешли на нелегальное положение». Шутка вызвала смех, оживление в аудитории. Излишнее напряжение было снято и экзамен прошел удачно.

Мне посчастливилось не только учиться у Николая Алексеевича, но и долгие годы общаться с ним. Это была личность незаурядного масштаба, недостижимый в своей рыцарской честности и бескомпромиссности образец отношения к профессии, людям, жизни.

Завершу воспоминания о своих учителях, факультете и нашем, последнем советском, выпуске историков афоризмом Билла Риддинга: «Нет университета без героя-студента, с которого все начинается и нет университета без героя-профессора, которым все заканчивается».

ИСТОРИОГРАФИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

УДК [94:242.264](470.5+571.1)|18|:930(470+571)|20|+929

О.А. Милевский

НАРОДНИЧЕСКАЯ ССЫЛКА НА ТОБОЛЬСКИЙ СЕВЕР В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье дается анализ современной историографической ситуации, связанной с изучением народнической ссылки на Тобольский Север. Обращается внимание на то, что в постсоветский период в связи с наступившим «методологическим плюрализмом» открылись новые возможности в изучении этой темы. В настоящее время ученые активно используют методологию «personal history», включающую в себя микроисторический подход, историю повседневности и т.д. Все это позволило расширить направление научной работы и обратиться к вопросам, ранее остававшимся вне исследовательского поля.

Ключевые слова: революционное движение, народничество, политическая ссылка, самодержавие, историография, Тобольский Север.

О.А. Milevsky

NARODNIK'S EXILE TO THE TOBOLSK NORTH IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article provides an analysis of the modern historiographic situation associated with the study of the populist exile to the Tobolsk North. Attention is drawn to the fact that in the post-Soviet period, in connection with the «methodological pluralism» that has come, new opportunities have opened up in the study of this topic. Currently, scientists are actively using the «personal history» methodology, which includes a microhistoric approach, a history of everyday life, etc. All this allowed expanding the direction of scientific work and turning to questions that had previously remained outside the research field.

Key words: Revolutionary movement, Narodism, political exile, autocracy, historiography, Tobolsk north.

Тобольский Север с незапамятных времен играл в истории России особую роль. Российский ученый А.А. Дунин-Горкавич в конце XIX в. так определял границы этой огромной территории: на севере – Северный Ледовитый океан; на северо-востоке – от Енисейской губернии часть Обской губы, вся Тазовская губа и междуречье рек Пур и Таз. Восточную границу Тобольского Севера с Енисейской губернией составлял водораздел между реками Таз с одной стороны (в Енисейской губернии) и Пур и притоками Ваха – с другой (в Тобольской губернии). Юго-восточной границей Тобольского Севера являлся водораздел между рекой Обь и ее притоком Васюган. Южную границу составляли уезды: Тарский (по реке Демьянке), Тобольский и Туринский, а западную – губернии Пермская, Вологодская и Архангельская по Уральскому хребту и, наконец, северо-западную – часть Уральского хребта и Карское море [1, с. 2].

Поэтому неудивительно, что этот холодный, труднодоступный и малозаселенный край, правящая династия Романовых еще в XVIII в. приспособила для нужд ссылки туда опасных для трона и государства лиц. Первыми обитателями этой вместительной «тюрьмы без решеток» стали жертвы «дворцовых переворотов», начиная с А.Д. Меньшикова и заканчивая Б.Х. Минихом и А.И. Остерманом. В XIX в. Тобольский Север принимал сначала декабристов, а затем участников польского восстания 1863–1864 гг. Однако в постоянно используемое место ссылки «государственных преступников» этот регион превратился в годы революционного подъема 1870-х – начала 1880-х гг. Именно в этот период туда с регулярным постоянством начали поступать революционеры-народники.

История изучения народнической политической ссылки своими корнями уходит в конец XIX в. Первые работы по данной тематике выходили из-под пера представителей официальных ведомств и лиц с ними связанных (царские чиновники, юристы, жандармы и т.д.). Среди них можно назвать имена М.Н. Галкина-Враского [2], А.П. Соломона [1] и др. [3, 4.]. Они обращали внимание на проблемы пенитенциарной системы, организации, перевозки и содержания ссыльных и, естественно, освещали ситуацию с официальных позиций.

Примерно в это же время феномен политической ссылки – как проявление карательной политики царизма – изучался западными [6, 7, 8, 9], а также российскими либерально-демократическими общественными деятелями, писателями и публицистами [10, 11, 12, 13, 14]. В отличие от представителей власти они стремились показать всю порочность и аморальность системы ссылки вообще и политической в частности. А.Дж. Кеннан уделил внимание и положению ссыльных на севере Тобольской губернии,

в частности рассказал правду о смерти Л.А. Иванова и протестах ссыльных в Сургуте [7, с. 41].

В той или иной форме проблемы развития Сибири, связанные с негативным воздействием на нее уголовной ссылки, активно рассматривались в сибирской печати («Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение»), а так как в этих газетах сотрудничало много политических ссыльных (Ф.В. Волховский, П.А. Голубев, Д.А. Клеменц, С.Л. Чудновский, С.С. Синегуб и др.), то в завуалированной форме в этих изданиях критиковалась и вся система политической ссылки [15, 16.].

Современные исследователи отмечают особый вклад Н.М. Ядринцева в изучение проблем политической ссылки. В своих работах он весьма смело для того времени сформулировал главную задачу политической ссылки – «уничтожение народной оппозиции» [17, с. 63].

Один из ведущих современных историографов этого направления А.А. Иванов указывает, что, «отличаясь систематическим привлечением большого круга статистического и архивного материала, работы Н.М. Ядринцева представляют значительное явление во всей досоветской историографии» [17, с. 57]. К тому же Ядринцев оказался первым, за исключением правительственных чиновников, кто в своих исследованиях занялся и определением количественных показателей политической ссылки, причем рассматривал как раз данные (хотя не все. – *О.М.*), связанные с ее народническим этапом. В 1898 г. он опубликовал статистику политических преступников, сосланных в Сибирь по данным Тобольского приказа о ссыльных (с 1870 г. приказ находился в Тюмени). За основу Ядринцев взял данные за 1879 г. и составил сводную таблицу, в которой разделил осужденных на 4 вида: каторжане, сосланные на поселение, сосланные на житье и высланные административным порядком, а также привел цифры сосланных по каждой категории [18, с. 315].

В период Первой русской революции либеральные историки (В.Я. Богучарский, сотрудники журнала «Былое», «Русское богатство») также затрагивали в своих публикациях различные аспекты политической ссылки XIX в., фокусируя свое внимание преимущественно на ее ужасах и произволе властей по отношению к ссыльным. После революции 1905 г. стали появляться работы самих бывших политических ссыльных – Л.Г. Дейча, С.Л. Чудновского, Ф.Я. Кона и др. Но никто из тогда писавших не отбывал ссылку на Тобольском Севере, а вышедшие работы, принадлежащие бывшим ссыльным и описывавшие этот регион, в основном носили этнографо-краеведческий характер, где самой ссылке уделялось очень мало места, как, например, в книге В.В. Бартенева [19].

Что же касается изучения именно политической ссылки в Тобольскую губернию, в том числе и в ее северную часть, то здесь можно отметить не-

сколько интересных статей. Например, И.М. Ляховецкий (В. Майский) охарактеризовал положение ссыльных в Тобольской губернии [20]. К.В. Жданов исследовал профессиональный состав ссыльных, прошедших через Тюменскую тюрьму [21].

Стоит отметить, что и в сочинениях официальных лиц, равно как и в статьях публицистов «демократической волны», а также в воспоминаниях того времени политическая ссылка на Тобольский Север специально не освещалась, а упоминалась только в более широком контексте изучения и анализа западносибирской ссылки. И только после событий «Великой русской революции» 1917–1922 гг. стали появляться отдельные работы, посвященные истории политической ссылки именно в этот удаленный регион Севера Западной Сибири.

Большую роль в изучении политической ссылки, как важнейшего элемента карательной политики царизма в то время сыграли историко-революционные журналы, особенно издаваемые Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев («Пути революции», «Кандалный звон» и др.) и, конечно, центральный орган этого общества журнал «Каторга и ссылка» (1921–1935). Одной из центральных задач этих журналов являлось освещение истории политической ссылки и каторги [22] и неудивительно, что именно в этих изданиях опубликован очень большой массив документальных материалов о политической ссылке, в том числе и работы, затрагивающие различные аспекты истории политической ссылки на Тобольский Север [23, 24, 25, 26, 27, 28]. В тот же период времени выходило и большое количество воспоминаний бывших политкаторжан, в которых в той или иной степени нашло отражение положение ссыльных в Западной Сибири, в том числе и на Тобольском Севере [29, 30].

После плодотворных для изучения народнической политической ссылки 1920-х – начала 1930-х гг. с 1935 г. насупил фактический запрет на изучение народничества, совпавший с закрытием Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и журнала «Каторга и ссылка». В связи с этим на десятилетия оказалось замороженным и изучение народнической ссылки, в том числе на Тобольский Север.

Этот период в нашей исторической науке очень точно охарактеризовал известный историк революционного движения и отечественной общественной мысли Б.П. Козьмин, отметив, что «болезнь эта заключается в том, что в историографии темы (имеется ввиду российское революционное движение второй половины XIX в. – *О.М.*) весьма часто исследовательский подход подменялся судебно-прокурорским» [31, с. 4].

После наступления «хрущевской оттепели» в начале 1960-х гг. интерес к истории народничества вспыхнул с новой силой, следовательно, вернулись и к активному изучению политической ссылки. В частности, по-

явилась пятитомная «История Сибири», в которой достойное место отводилось освещению политической ссылки [32, с. 109–130]. Увидели свет интересные сборники документов из местных архивов, в частности архивов Тюменской области, где немало места уделено как раз документам и комментариям, посвященным политическим ссылным, отправленным на Тобольский Север [33, с. 306–333]. Среди многообразия выходящих в эти годы научных статей, сборников и диссертаций, посвященных тематике политической ссылки [34, 35], в плане изучения народнической ссылки на Тобольский Север особенно выделяется имя Ларисы Павловны Роцевской. Начав свои исследования в 1960-е гг., она выпустила несколько очень содержательных статей, охватывающих различные аспекты народнической ссылки в этот регион. На большом архивном материале она показала все крайности карательной политики царизма, изучав положение сосланных в этот край «лесов и болот» шести членов «Южнороссийского рабочего союза» [36].

Именно Л.П. Роцевская первой из историков освободительного движения обратилась к выяснению причин и фактической стороны «Сургутского протеста» [37, 38], явившегося предтечей «Якутской» и «Карийской» трагедий. На обильном архивном материале она показала, что вся вина за события в Сургуте 1888 г. и последовавшие затем кровавые события в Якутске 1889 г., в которых принимали участия и переведенные туда сургутские ссылные, лежит на непродуманной и зачастую чрезмерной репрессивной политике местной администрации, осуществляемой при полном поощрении центральных властей.

Кроме того, ее перу принадлежат и специальные статьи, посвященные научным изысканиям политических ссылных на Обском Севере [39] и их сотрудничеству с Тобольским краеведческим музеем [40]. Свои научные изыскания Л.П. Роцевская обобщила в большом учебном пособии [41] и выпущенной ею в 1983 г. фундаментальной монографии, в которой она определенное место уделила и различным аспектам и специфике ссылки на Тобольский север [42].

Современный период изучения народнической ссылки на Тобольский Север ознаменовался выходом книги В.Ф. Ретунского, освещающей, хотя и весьма лапидарно, ряд эпизодов из истории политической ссылки в Зауралье, где нашлось место и нескольким сюжетам из жизни политических преступников на Тобольском Севере [43, с. 135–151]. Достаточно информативной является и коллективная монография о Сургуте, где отдельный раздел отведен политической ссылке [44, с. 274–280]. Много в это время для возвращения к жизни забытых имен политссылных делали и местные историки-краеведы, особенно Ф.Я. Показаньев [45, с. 34–39, 73–77].

Однако действительно важной вехой, серьезно повлиявшей на дальнейший ход работ по данной тематике, стало появление, благодаря усилиям Л.П. Рощевской и краеведа В.К. Белобродова, книги «Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века» [46]. В этом издании наряду с известными ранее историкам работами С.П. Швецова, В.В. Бартенева и И.Я. Неклепаева помещены и не публиковавшиеся ранее архивные находки, в том числе очень информативные воспоминания Д.Д. Лейвина о пребывании в Сургуте [46, с. 12–33].

К тому же во вступительной статье и особенно в приложениях и комментариях, написанных Л.П. Рощевской, содержится очень ценная, хотя и краткая информация биографического характера о государственных преступниках, отбывавших ссылку в различных населенных пунктах Тобольского Севера [46, с. 411–425]. Еще одним важным научным результатом стала публикация Л.П. Рощевской «списка политических ссыльных, содержащихся в северных колониях Западной Сибири во второй половине XIX в.» [46, с. 400–410].

Выход в свет этой книги фактически открыл новую веху в изучении народнической ссылки на Тобольский Север. Тем более, что ее появление пришлось на эпоху смены методологических парадигм в российской исторической науке. Марксизм и вытекавший из него классовый подход, являвшийся основополагающим для советских историков, перестал быть «единственно правильным и верным», хотя справедливости ради надо отметить, что он и сегодня полностью не потерял своего научного значения. В постсоветский период в гуманитарном знании наступил «методологический плюрализм». Это принесло немалую пользу и для исследования различных проблем освободительного движения в России, в том числе по «ссылочной» тематике.

Историографическая революция последней трети XX в., в рамках которой произошел знаменитый «антропологический поворот», серьезно повлияла и на изучение политической ссылки. В настоящее время в связи с расширением методологического инструментария исследований стало возможным применять некоторые теоретические новации к изучению политической ссылки. Не остались в стороне и современные исследователи народнической ссылки.

В последние годы появилось несколько статей югорских историков О.А. Милевского [47, 48, 49, 50] и В.Я. Мауля [51, 52], написанных в рамках методологии «personal history», включающей в себя и микроисторический подход. При этом вслед за Х. Медиком, под микроисторией авторы этих работ понимали «не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях», характеризуя такой подход «интересом к преимущественно частным историческим "микромирам", или "малым жизненным мирам",

тем самым "малым областям"[53, с. 193, 195], в центре которых стоит отдельный человек», при этом совсем необязательно он должен представлять из себя крупную историческую личность. Вот и публикации выше названных историков, посвящены личностям «второго плана», отбывавших ссылку на Тобольском Севере.

Обращение к подобным историческим персоналиям оказалось чрезвычайно эффективным при воссоздании более полной картины российской политической ссылки, ведь в самых отдаленных «медвежьих углах» Российской империи зачастую находились не только крупные революционеры или общественные деятели, намного чаще «ссылную судьбу» разделяли именно рядовые участники оппозиционных движений или даже случайные жертвы обстоятельств.

В рамках истории повседневности вполне успешно пытается работать начинающая исследовательница политической ссылки на Тобольский Север В.А. Яковчук [54].

Не забыто и изучение карательной политики самодержавия по отношению к ссылным революционерам-народникам. При разработке этой проблемы, берущей начало еще от научных работ Л.П. Роцевской, на основе большого фактического материала, рассмотренного через призму изучения «ссылной биографии» отдельных людей, современные исследователи (О.А. Милевский, В.А. Яковчук) пришли к выводам, опровергающим многочисленных современных адептов самодержавия, которых немало и среди научной общественности, о якобы излишней гуманности властей к противникам существующего политического строя.

Знакомство с архивными документами и анализ действий как центральной, так и местной власти отчетливо показывает всю непродуманность и опасность политики, проводимой властями как в отношении политических преступников, так и лиц, являвшихся таковыми только в глазах наиболее ретивых слуг царизма, как раз для сохранения стабильности правящего режима.

Фактически именно «державные держиморды» своими непродуманными и зачастую излишне жестокими действиями плодили врагов трона, отправляя в «места не столь отдаленные» сотни людей лишь слегка скомпрометированных в глазах властей. А в ссылке, столкнувшись с ее реалиями и еще большим произволом на местах, таковые уже превращались в настоящих противников самодержавия.

Особенно взрывоопасная ситуация сложилась как раз на севере Тобольской губернии. Уверенные в своей правоте и безнаказанности представители губернской администрации всех уровней буквально провоцировали ссылных на открытые конфликты с властями. Они «сеяли ветер», а бурю уже пожали в Восточной Сибири и Якутской области. Следствием

сначала «Сургутского протеста», а затем событий, разразившихся в Якутске и на Каре, стало еще более обострившееся противостояние власти и радикальной оппозиции внутри страны, что привело в начале 1900-х гг. к новому революционному подъему. С другой стороны, эти события, получившие мировую огласку [46, с. 261–263], нанесли серьезный удар по престижу российской власти, а западное общественное мнение стало склоняться к поддержке русских революционеров [57, с. 669].

Помимо рассмотренных проблем в настоящее время исследователи уделяют много внимания и вопросам социокультурного воздействия народнической ссылки на регион Тобольского Севера. Так, весьма содержательны статьи местных историков, посвященные изучению участия сургутской колонии политссыльных в археологических изысканиях, в первую очередь в раскопках на Барсовой горе [58, 59].

Активно изучается научно-просветительская деятельность ссыльных народников в более широком контексте. Установлено, что именно политссыльные из числа народников (С.П. Швецов, И.Я. Неклепаев, В.В. Барте-нев) внесли серьезный вклад в этнографо-географическое изучение края [61, с. 62, 76–84, 91–95]. Исследованием природно-ресурсного потенциала, а также традициями охотничьего промысла жителей Сургутского и Березовского округов, занимался ссыльный народоволец В.Я. Яковлев (Богучарский). Он стал одним из первых, кто заговорил о необходимости охраны местной фауны от варварских способов охоты [61, с. 84–86].

Кроме того, ссыльные всячески содействовали и оказывали посильную помощь не только российским (А.И. Якобий (Якоби), С.М. Чугунов), но и иностранным путешественникам (К. Папай, Б. Мункачи, С. Соммье и др.), посещавшим эти края, тем самым внося свою лепту в изучение жизни и быта финно-угорских народов Тобольского Севера [61, с. 87, 92–93, 96–98].

Ведущую роль политические ссыльные сыграли и в становлении сибирской метеорологии. Причем с конца 1870-х гг. ссыльные использовали не только простейшие приборы, но и создавали первые регулярно действующие метеостанции. Такие стационарные метеорологические станции находились в Березове, Сургуте, Обдорске и селе Кондинском. Среди ссыльных, занимавшихся метеоисследованиями, можно назвать имена Л.А. Иванова, М.А. Цукермана, И.А. Гервасия и др. [61, с. 98–99].

Таким образом, очевидно, что за последние десятилетия историки и краеведы очень много сделали для дальнейшей разработки темы народнической политической ссылки на Тобольском Севере. Также можно смело утверждать, что в Сургуте формируется научное направление по изучению этой весьма актуальной и сегодня проблематики.

Список использованных источников и литературы

1. *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Т. 1: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. СПб., 1995.
2. *Галкин-Враской М.Н.* Записки начальника Главного тюремного управления. Поездка в Сибирь и на о. Сахалин в 1881–1882 гг. Б.М., 1888.
3. *Соломон А.П.* Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения: Для высочайшего утверждения комиссии о мерах по отмене ссылки. СПб., 1900.
4. *Фойницкий И.Я.* Управление ссылки // Сборник государственных знаний. СПб., 1880. Т. 8. С. 149–251.
5. *Фельдштейн С.Г.* Ссылка: Очерки ее генезиса, значения, истории и современного положения. М., 1893.
6. *Windt H.* Сибирь и ссылка перед судом англичанина. From Peking to Calais by Land. London, 1889 // Русское обозрение. 1890. №6. С. 881–886.
7. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.) Т. 2. СПб., 1999.
8. *Кеннан Дж.* Тюремь в России. СПб., 1906.
9. *Маккензи Уоллес Д.* Россия. Т. 2. СПб., 1881.
10. *Комков В.* «Сухая гильотина»: (Очерк современной политической ссылки в России) // Образование. 1908. № 8. С. 34–52.
11. *Максимов С.В.* Сибирь и каторга // Собр. соч. в 7 т. Т. 2. М., 2010.
12. *Цебрикова М.К.* Каторга и ссылка. СПб., 1907.
13. *Чехов А.П.* Из Сибири. Остров Сахалин. Фельетоны, статьи, записные книжки, дневники. 1882–1904 // Собр. соч. в 12 т. Т. 10. М., 1963.
14. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892.
15. *Чудновский С.Л.* Колонизационное значение уголовной ссылки // Русская мысль. 1886. № 10. С. 40–66.
16. *Чудновский С.Л.* Ссылка в Тобольскую губернию за последние 10 лет // Тобольские губернские ведомости. 1886. № 6.
17. *Иванов А.А.* Сибирская политическая ссылка XVII-начала XX в., в исследованиях современников. Иркутск, 2013.
18. *Ядринцев Н.М.* Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь // Записки Русского географического общества по отделению статистики. 1898. Т. 6. С. 311–395.
19. *Бартенев В.В.* На крайнем Северо-западе Сибири. СПб, 1896.
20. *Майский В.* Характеристика современной политической ссылки в Тобольской губернии // Сибирские вопросы. 1907. № 16. С. 7–14.
21. *Жданов К.В.* Политическая ссылка в Тобольскую губернию // Сибирские вопросы. 1909. № 35. С. 41–43.
22. Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1931: Каталог изд. М., 1931.
23. *Орлов М.П.* В Пельмской ссылке // Каторга и ссылка. 1930. № 11. С. 115–138.
24. *Швецов С.П.* К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119–128.
25. *Швецов С.П.* 1 марта 1881 года в Сургуте // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 130–138.

26. *Швецов С.П.* Н.Я. Фалин // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 215–218.
27. *Сургутянин.* Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.
28. *Подбельский Ю.Н.* Культурное наследие Сургутской политической ссылки (К столетию смерти декабриста А.И. Шакирева) // Уральское краеведение. 1928. № 2. С. 210–215.
29. *Лазарев Е.Е.* Моя жизнь. Прага, 1935.
30. *Чудновский С.Л.* Из давних лет. М., 1934.
31. Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.
32. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968.
33. Наш край в документах и иллюстрациях. Тюмень, 1966.
34. *Фильгус В.Е.* Революционные демократы А.И. Иконников и Ф.П. Некрасов в тобольской ссылке // Тюменский государственный педагогический институт. Ученые записки. Т. 33. Исторический сборник. Вып. 1 (6). 1967. С. 115–133.
35. *Ушакова Л.А.* Советская историография сибирской народнической ссылки (70-х – середина 90-х годов XIX в.). Новосибирск, 1985.
36. *Роцевская Л.П.* Члены Южнороссийского союза рабочих в Тобольской ссылке // Тюменский государственный педагогический институт. Ученые записки. Т. 33. Вып. 1 (6) 1967. С. 133–165.
37. *Роцевская Л.П.* «Сургутская история» (волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1977. С. 48–84.
38. *Роцевская Л.П.* Навечно и еще 10 лет // Урал. 1976. С. 129–130.
39. *Роцевская Л.П.* К истории изучения Обского Севера в последней четверти XIX в // Природа и природные ресурсы Тюменской области: Тезисы докладов на конференции 21–23 ноября 1973 г. Тюмень, 1973. С. 113–115.
40. *Роцевская Л.П.* Тобольский губернский музей и политические ссыльные конца XIX в // Материалы научной конференции, посвященной 100-ию Тобольского историко-архивного музея заповедника. Свердловск, 1975.
41. *Роцевская Л.П.* История политической ссылки в Западной Сибири второй половины XIX в. (60 – нач. 80-х годов). Учебное пособие для студентов исторического факультета по спецкурсу. Тюмень, 1976.
42. *Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983.
43. *Ретунский В.Ф.* Государственные преступники. Станицы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут, 1992.
44. *Показаньев Ф.Я.* Город древний, город славный. Сургут, 1994.
45. Древний город на Оби: История Сургута. Научно-художественное издание. Екатеринбург, 1994. С. 274–280.
46. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / сост. Л.П. Роцевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург, 1998.
47. *Милевский О.А.* «Хождение по мукам» Гавриила Глико: Из истории политической ссылки времен царствования Александра III // Новый Исторический Вестник. № 1 (63). 2020. С. 90–115.
48. *Милевский О.А.* «Мы жертвою пали...»: ссыльная биография К.Н. Филиппова // Сибирская ссылка: Сб. науч. стат. Вып. 9 (21). Иркутск, 2019. С. 382–399.

49. *Милевский О.А.* Рабочий-революционер В.Я. Мрачковский в политической ссылке на Обском Севере // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 3 (72). 2021. С. 158–176.

50. *Милевский О.А.* С.П. Швецов в Сургутской ссылке // Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX вв.: население хозяйство, культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 160-летию со дня рождения Сергея Порфировича Швецова. Горно-Алтайск, 2018. С. 24–34.

51. *Мауль В.Я.* Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») // Вестник Рязанского университета. 2017. № 1 (54). С. 7–17.

52. *Мауль В.Я.* Сибирская ссылка в судьбе крестьянского вожака «Чигиринского заговора» (эпизод из истории революционного движения) // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: Сборник статей Всероссийской научной конференции. Сургутский государственный университет. 24–25 ноября 2017. Сургут, 2017. С. 32–40.

53. *Медик Х.* Микроистория // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1994. Вып. 4. С. 193–202.

54. *Яковчук В.А.* Повседневная жизнь политических ссыльных г. Сургута в 1870–1890-е гг. (на основе письменных источников) // Россия и мир: история и современность: тезисы VI всероссийской конференции студентов и молодых учёных. Сургут, 2018. С. 56–58.

55. *Троцкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности (1866–1895). М., 1979.

56. *Милевский О.А.* Анатомия протестов политических ссыльных Западной Сибири в 1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. Т. 19. № 3. 2020. С. 654–672.

57. *Челякин Ю.П., Шатунов Н.В.* История изучения археологических памятников Барсовой горы // Барсова гора: 110 лет археологических изысканий / под. ред А.Я. Труфанова и Ю.П. Челякина. Сургут, 2002. С. 40–57.

58. *Зайцева Е.А.* История археологических исследований Сургутского Приобья (конец XIX – 90-е годы XX в.) // Вестник угроведения. № 1 (8) 2012. С. 116–131.

59. *Милевский О.А.* Научно-исследовательская деятельность ссыльных народников по изучению Тобольского Севера: конец 1870-х–1890-е гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: Сборник статей Всероссийской научной конференции. Сургутский государственный университет. 24–25 ноября 2017. Сургут, 2017. С. 18–31.

60. *Милевский О.А.* Политическая ссылка 1860–1890-х годов на Тобольский Север: социокультурный контекст. Книга для учителей. Тюмень, 2017.

61. *Яковчук В.А.* Особенности половой морали русского населения Обского севера второй половины XIX века (по трудам политических ссыльных) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (66). С. 113–122.

Л.Я. Лурье

«ВОСПОМИНАНИЯ» СЕРГЕЯ ДЕГАЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье публикуются комментированные «воспоминания» Сергея Дегаева – полицейского агента и одновременно фактического главы «Народной воли» в 1883 г. Написанные в США и в 1909 г. опубликованные в газете «Голос Москвы» «воспоминания» содержат версию «дегаевщины», которая противоречит официальной народо-вольческой точке зрения. Согласно «воспоминаниям», Дегаев сотрудничал с начальником петербургской охраны Г.П. Судейкиным с согласия народо-вольческого заграничного центра. Выдвигаемая Дегаевым версия выглядит, как кажется, убедительно. Ее поддерживают и другие источники, как известные, так и впервые введенные в оборот.

Ключевые слова: политический сыск, департамент полиции, Народная воля; дегаевщина, Сергей Дегаев.

L.Ja. Lurie

THE MEMOIRS OF SERGEY DEGAEV AS A HISTORICAL SOURCE

The memoirs of Sergey Degaev are published in the paper, accompanied by a brief historical commentary. Sergey Degaev used to be a secret police agent and at the same time a *de facto* leader of the radical revolutionary party of *Narodnaya Volya* (lit. “People’s will”). The memoirs were written in Russian in the USA, where Degaev had emigrated to, and in 1909 published in volumes 45, 46, 53 of the newspaper *Golos Moskvyy* (lit. “The Voice of Moscow”). The text of the memoirs provides a point of view on *degaevshchina* that seems to be an apparent contradiction with the official position of *Narodnaya Volya* party. According to the memoirs, the authorities of *Narodnaya Volya* abroad were well informed about Degaev’s collaboration with Georgy Sudeykin (the inspector of Okhrana in Saint Petersburg) – and had nothing against it. The Degaev’s version seems to be credible and corresponds with other sources, well-known along with new ones.

Key words: Okhrana, Police Department, Narodnaya Volya (People’s Will) party, degaevshchina, Sergey Degaev.

«Дегаевщина», которой Н.А. Троицкий посвятил обстоятельную обобщающую статью [1], по-прежнему таит много загадок. Они не разгаданы и

в специально посвященных предательству Сергея Дегаева двух монографиях [2; 3].

Главные вопросы – какова степень участия заграничного центра «Народной воли» в заговоре Судейкина – Дегаева? Насколько серьезны были планы «полицейского пронунциамента»?

Нам кажется, что ответы на эти вопросы содержатся отчасти в «воспоминаниях» Сергея Дегаева, опубликованных в 1909 г. газетой «Голос Москвы».

26 декабря 1908 г. в центральном органе партии эсеров газете «Знамя труда» появилось официальное сообщение: легендарный Евно Азеф, руководитель прославленной Боевой организации партии, оказался агентом Департамента полиции. Последовали запросы в Государственной думе: как на государственной службе мог оказаться человек, на руках которого – кровь убитых эсерами дяди царя, великого князя Сергея Александровича, и министра внутренних дел Вячеслава Плеве?

Дискуссии об Азефе продолжались весь 1909 год. Возник острый интерес к провокаторам и провокации вообще. Для самих бывших агентов это было опасно. В 1908 г. Федор Курицын, выдававший в 1870-е «южных бунтарей», был убит в Ташкенте эсером Гринбергом.

На этом фоне в трех номерах популярной газеты «Голос Москвы» появляется материал, основанный на мемуарах Сергея Дегаева [4]. Первые два подвала подписаны «Fields», третий – «W. F.»

Через несколько лет известный разоблачитель провокаторов Л.П. Меньшиков раскрыл автора публикации: под псевдонимом «Fields» печатался не кто иной, как Владимир Дегаев, младший брат Сергея («Fields» – по-русски «Полевой», девичья фамилия матери Дегаевых). Он к этому времени перебрался в США, служил одним из российских консулов в нью-йоркском представительстве и печатался как спецкор в Америке в русских газетах [5; 6].

Старший брат – Сергей Дегаев – в это время давно получил американское подданство и под именем Александр Пелл служил профессором математики в Институте Армора в Чикаго.

Публикуя «воспоминания» брата, Владимир преследовал две цели: скрыть, в целях безопасности, его следы от русских «охотников на провокаторов» и по возможности объяснить и обелить его предательство.

По сведениям «Fields», Сергей Дегаев умер в августе 1908 г. в Новой Зеландии, где преподавал математику. Их с автором корреспонденции общий знакомый послал ему записки Дегаева, которые автор корреспонденции частично пересказывает, частично цитирует.

«<...> Воскресение мертвых теперь в моде¹. Великие люди – Фигнер, Морозов, Тригони² и др. снова появились среди живущей публики. Но публика требовательна, и потому, кроме воскрешения великих мертвецов, ей понадобилось воскресить и тех, которые, по ее мнению, не принадлежат к этой категории. Один из таких людей – Сергей Дегаев, недавно был сделан предметом ряда статей и сообщений в журналах и газетах³. До сих пор оценка его поступка и сопровождавших этот поступок событий была всецело односторонняя. Все было взято из статей, помещенных в «Вестнике Народной Воли» и писанных Львом Тихомировым⁴. Так как Тихомиров принадлежал уже с незапамятных времен к партии реакции (хотя во время писания этих статей он и принадлежал к группе эмигрантов, живших в Париже), то нельзя вполне полагаться на его объяснения⁵. В настоящее время все очень либерально настроены, потому чрезвычайно легко осуждать людей, которые в ужасные времена 1882 года и последующих годов старались бороться против тогдашних порядков. Дегаев несомненно совершил преступление против личности Рогачева, Ашенбреннера и других офицеров⁶, и никакие оправдания по этому поводу не были бы уместны, но он никогда не чувствовал себя виноватым перед Верой Фигнер, хотя она и была арестована по его указанию. Причину он эту видел в том, что Фигнер продолжала, вопреки всем указаниям здравого смысла и фактов, вести дело “Народной Воли” по старому плану, не имея ни людей, ни способности руководить этим делом, результатом чего было водворение Судейкина и его игра в революцию, и затем многочисленные аресты, без каких-либо результатов для партии. Ближайшей причиной разоблачений Дегаева был арест его и жены, в чем Фигнер была непосредственно виновата. Она послала в Одессу для сношений с Дегаевым, который с своей женой устроили там тайную типографию, молодого чело-

¹ Пунктуация оригинала сохранена.

² В октябре 1905 года члены Исполнительного комитета «Народной воли» В.Н. Фигнер, Н.А. Морозов и М.Н. Тригони были освобождены. Все трое провели в Шлиссельбурге более 20 лет.

³ См., например: [7; 8; 9; 10].

⁴ См.: [11].

⁵ Л.А. Тихомиров официально разорвал свои отношения с «Народной волей» в 1888 г.

⁶ По словам М.А. Панькиной, «военная организация “Народной воли” действительно была выдана агентом полиции целиком и полностью» [12, с. 69]. Преданные Дегаевым поручик Н.М. Рогачев и лейтенант А.П. Штромберг были казнены; подполковник М.Ю. Ашенбреннер провел 20 лет в Шлиссельбурге; ближайший приятель Дегаева капитан Н.Д. Похитонов сошел там с ума и умер.

века, по имени Спандони⁷, который был раньше арестован в Одессе и которого там знали все сыщики и жандармы. Этот человек был причиной ареста Дегаевых, Суровцева, Колюжной и др.⁸. Он подошел днем к Дегаеву на улице, когда тот вышел из библиотеки, что было замечено сыщиком, уже давно следившим за ним; сыщик последовал за Дегаевым, который и был арестован. Всем известно, как в старые времена охранялась типография, вспомните, что говорил по этому поводу Александр Михайлов⁹, – такая изумительная неряшливость показала Дегаеву, что Фигнер или совсем не дорожила жизнью своих друзей, или же была неспособна выбирать друзей. Провал типографии с Грачевским в Петербурге¹⁰, бегство Полонской с Тихомировым за границу¹¹, – все указывало на полное разрушение старой партии и непригодность старой системы. Поэтому Дегаев с глубоко обдуманном намерением решился на поступок, который – он знал заранее – обречет его имя на бесславление, но от которого он ожидал результатов как тактических, так и стратегических; стратегический был – устройство новой организации за границей для террора; тактический – удаление Толстого, Судейкина, Скандракова, Катанского, Победоносцева¹². Но планы его не были вполне приведены в исполнение по причине чрезвычайного усердия Судейкина – именно ареста типографии в Харькове¹³, где была арестована, несмотря на сильный, ожесточенный

⁷ Спандони-Басманджи, Афанасий Афанасьевич, (1853–1906). В народническом движении с 1878. Отбыл ссылку в Сибири. Принят Верой Фигнер в ИК «Народной воли». По «Процессу четырнадцати» в 1884 г. приговорен к 15 годам каторги.

⁸ Вместе с С.П. Дегаевым арестованы были его жена (с 1881 г.) Л.Н. Дегаева (1860–?), Д.Я. Суровцев (1852–1925), приговоренный в 1884 г. по «Процессу четырнадцати» к 15 годам каторги, М.В. Колюжная (1864–1889) – в 1884 г. покушалась на начальника Одесского ГЖУ А.М. Катанского; приговорена к 20 годам каторги, покончила жизнь самоубийством.

⁹ А.Д. Михайлов основал и курировал несколько подпольных типографий «Земли и воли» и «Народной воли», разработал принципы конспирации для типографов. Конкретных его высказываний на этот счет мы не обнаружили.

¹⁰ Член ИК «Народной воли» М.Ф. Грачевский арестован 4 июня 1882 г. в Петербурге в динамитной мастерской; типографий у народovolьцев в Петербурге в это время не было.

¹¹ М.Н. Ошанина (Полонская) эмигрировала в марте 1882 г., Л.А. Тихомиров – в августе 1882.

¹² Д.А. Толстой – министр внутренних дел; Г.П. Судейкин – инспектор Петербургского охранного отделения; А.С. Скандраков – начальник Московского охранного отделения., К.П. Победоносцев – обер-прокурор Синода; А.М. Катанский – начальник Одесского губернского охранного отделения.

¹³ Типография в Харькове была обнаружена полицией 22 июня 1883 г. Арестованы Феофан Крылов, Анастасия Осинская, Любовь Чемоданова (подробнее – ниже).

протест Дегаева, 2-жа Осинская¹⁴, которая окончила самоубийством в Петербурге.

Дегаев увидел, что Судейкин, несмотря на полный контроль, который он имел над организованной революцией, все еще хочет охотиться за людьми и ожидая, что жертвы, бесполезные и в которых он был бы виноват как провокатор, кем он никогда не был, будут отныне очень часты, так как они были необходимы для повышения Судейкина – он решил, что Судейкин должен быть убит, если даже другая часть плана будет брошена. Летом 1883 года, под предлогом завязки сношений с Тихомировым, он ездил за границу, открыл свою душу этому господину и 2-же Полонской¹⁵ и спросил их мнения относительно своего плана. Оба, Тихомиров и Полонская, высказали свое мнение о неумении Веры Фигнер руководить движением, об ее упрямстве, и сказали, что игра, которую ведет Дегаев с Судейкиным, очень опасна. Но оба, зная Дегаева, верили ему вполне и выразились в том духе, что его план может повести к новой организации за границей. Когда Дегаев уехал обратно в Россию – Полонская и Тихомиров начали иметь свои сомнения и требовали от Дегаева, чтобы весь план, за исключением казни Судейкина, был покинут и этот последний приведен в исполнение как можно скорее. В Петербурге Дегаеву удалось завести организацию, вполне неизвестную Судейкину. В ней были Лопатин¹⁶, Стародворский¹⁷, Конашевич¹⁸, Росси¹⁹ и Куницкий²⁰. Последний

¹⁴ Анастасия Андреевна Осинская (сестра повешенного землевоза Валериана Осинского, гражданская жена Феофана Крылова) повесилась в Доме предварительного заключения 31 октября 1883 г.

¹⁵ М.Н. Ошанина.

¹⁶ Г.А. Лопатин (1845–1918) осенью 1883 г. по просьбе Л.А. Тихомирова и М.Н. Ошаниной вернулся из эмиграции в Россию, самостоятельно разоблачил Сергея Дегаева, организовал убийство Г.П. Судейкина. В 1887 г. по «Процессу двадцати одного» приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

¹⁷ Н.П. Стародворский (1863–1918) в октябре 1883 г. был вызван в Петербург и участвовал в убийстве Судейкина. В 1887 г. по «Процессу двадцати одного» приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Подавал прошение о помиловании. Стал секретным агентом Департамента полиции.

¹⁸ В.П. Конашевич (1860–1915) в октябре 1883 г. был вызван в Петербург и участвовал в убийстве Судейкина. В 1887 г. по «Процессу двадцати одного» приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Сошел с ума в заключении. Умер в Казанской психиатрической больнице

¹⁹ С.А. Росси – народоволец, принимал участие в убийстве Судейкина. Арестован на его похоронах. Дал обширные откровенные показания.

²⁰ С.Ч. Куницкий (1861–1886). Студентом Института путей сообщения входил в 1881 году в организованный Дегаевым (тоже учившимся в институте) студенческий кружок. До апреля 1883 г. жил в Санкт-Петербурге, участвовал в деятельности «Народной воли», организовывал тайную типографию вместе с Шебалиным, Дембским и др.

знал всю историю, чем Тихомиров был очень недоволен²¹. Куницкий верил в Дегаева до конца своей жизни. Вся эта организация знала отношение Дегаева к Судейкину; много раз разговоры на конспиративной квартире в Петербурге велись об свиданиях, которые Дегаев имел с Судейкиным, и там же развивались планы. Дегаев стоял за то, чтобы по окончании всего люди в этой организации ехали за границу и жили бы там до поры до времени. Как известно, только такой план и удался впоследствии, когда Сипягин и Плева²² были уничтожены. Никаких угроз со стороны других членов организации не было. Дегаев руководил всем.

Петр Якубович помнит, вероятно, как он изложил мысли Дегаева по случаю кончины Тургенева в подпольном листке²³. Сергей Иванов²⁴ пожелал, и был единственным человеком, который был готов убить Дегаева, но он ничего не знал об отношениях последнего с Судейкиным. С другой стороны, Дегаев сохранил Иванова, как одного из самых выдающихся людей партии. Таким образом, Дегаев сам, по своей инициативе, выполнил план казни Судейкина, предупредив всех, кого можно было, уехать за границу, и сам с большим риском оставил столицу, даже без заграничного паспорта. В Либаве он должен был жить целую неделю, пока Куницкий не привез ему паспорт какого-то поляка коммивояжера; он прошел на паром мимо жандарма, отбирающего паспорта – в одной руке паспорт, другая на рукоятке револьвера в кармане; он очевидно был очень спокоен,

Когда затем Дегаев, по его словам, донес на него, бежал в Варшаву, чтобы стать посредником между партиями «Народная воля» и «Пролетариат». Участвовал в убийстве Судейкина. Арестован 28 июня 1884 г., приговорен к смертной казни и повешен 16 (28) января 1886 г. в Варшавской крепости.

²¹ По свидетельству Тихомирова, «Стародворского и Конашевича пригласил Куницкий, и после этого Дегаев уже не мог отговариваться тем, что у него нет помощников [13, с. 442].

²² Министр внутренних дел Д.С. Сипягин был убит 2 (15) апреля 1902 г. членом боевой организации партии эсеров Степаном Балмашовым, министр внутренних дел В.К. Плева – 15 (28) июля 1904 г. членом Боевой организации партии эсеров Егором Сазоновым.

²³ Прокламация «И.С. Тургенев» написана народовольцем П.Ф. Якубовичем. Отпечатана в нелегальной типографии и распространялась 27 сентября 1883 г. в Петербурге в день похорон Тургенева.

²⁴ С.А. Иванов (1858–1927). Народоволец. В 1879 г. сослан в Архангельскую губернию. В начале 1881 г. вернулся в Петербург и поступил в университет. В апреле 1881 г. сослан в Сибирь на 5 лет. Бежал из ссылки. В начале 1883 г. приехал в Петербург, работал в народовольческой типографии. На Парижском съезде «Народной воли» в конце января – начале февраля 1884 г. избран в Центральную группу. Организовал изготовление бомб в Луганске и типографию в Ростове-на-Дону. 18 января 1886 г. был арестован. 26 мая – 4 июня 1887 г. судился по «Процессу двадцати одного», приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Освобожден осенью 1905 г.

ибо не возбудил ни малейшего подозрения; малейшее движение со стороны жандарма было бы сигналом смерти для них обоих. Куницкий сторожил все время на набережной.

Сам Дегаев, по приезде в Париж, явился к Лаврову и затем пошел к Полонской и Чернявской (последняя ничего не знала о деле). Тихомиров, Полонская, Чернявская²⁵ и Салова²⁶ были там, когда Дегаев объяснил Чернявской и Саловой его преступления и сказал сам, что если для интересов партии нужна его жизнь, он готов совершить самоубийство, и партия может объявить о казни его, как шпиона. После этого он вышел из комнаты и ждал решения. От него самоубийства не потребовали, а решили, что ему лучше уехать и исчезнуть на время.

Хотя Дегаев рассказал все этим лицам, хотя Лопатин и др. знали давно все касающееся этой истории – им никогда не приходило в голову убить Дегаева²⁷ – напротив, он был ими посвящаем во все секреты личные и партийные, потому что они знали, что это не было предательство для спасения себя, а принесение себя в жертву, чтобы расстроить полицейскую машину.

Все эти толки о планах Судейкина заместить Толстого посредством покушения на него – чистый вымысел г. Тихомирова. Дегаев играл с Судейкиным, но он сомневался в том, чтобы Судейкин всерьез думал об этих планах. Дегаев играл искусно роль человека, абсолютно преданного интересам Судейкина, много говорил с ним об его великих государствен-

²⁵ Г.Ф. Чернявская (1854–1936). Член одесского кружка «Южных бунтарей». В июле 1879 г. вступила в «Народную Волю». В 1881 г. была «хозяйкой» московской народовольческой типографии. Работала в 1882 г. в Тифлисе и Харькове с Сергеем Дегаевым. Эмигрировала весной 1883 г. и жила в Париже с Марией Ошаниной.

²⁶ Н.М. Салова (1860–1941). Летом 1880 г. в Петербурге вступила в «Народную волю». В 1882 г. уехала в Харьков, затем в Одессу. Была одним из лидеров одесской организации «Народной воли». В конце октября 1882 г. по поручению В.Н. Фигнер отправилась в Швейцарию и передала Л.А. Тихомирову предложение Н.К. Михайловского вступить в переговоры со «Священной дружиной». Участвовала в Парижском съезде «Народной воли» в конце января – начале февраля 1884 г., была избрана в Распорядительную комиссию. В июне 1887 г. судилась по «Процессу двадцати одного» и была приговорена к смертной казни, замененной двадцатилетней каторгой.

²⁷ Это не так. Г.А. Лопатин: «Лицу, которое сопровождало Дегаева, при его бегстве, было поручено, в случае ареста Дегаева, застрелить его, причем было даже указано, что самое верное – выстрелить Дегаеву прямо в ухо» [14, с. 208]. Сопровождал Дегаева на Варшавский вокзал, в Либаву, на пароход С.Ч. Куницкий: «Я все время нащупывал в кармане заряженный револьвер. Надеяться на то, что Дегаев в случае ареста опять не выдаст всех их [народовольцев] и все, что знал, не приходилось <...> Выбора не было. В случае появления жандармов мне предстояло убить сначала его, а затем себя. Дегаев знал о грозившей ему опасности <...> Мы не разговаривали друг с другом» [15, с. 47].

ных способностях, хотя он ничего не видел в нем, кроме лишенного совести сыщика. Этот прием Дегаева заставил Судейкина умалить настоящий характер Дегаева. Судейкин был очень увлечен собой и потому даже грубая лесть со стороны Дегаева принималась им за чистую монету. Судейкин, несомненно, хитрил с Дегаевым и подозревал секретную от Судейкина организацию, старался выследить его. Раз Дегаев заметил сыщика Сидрина²⁸, который изображал извозчика и ездил за Дегаевым по Невскому. Говорить о трусости Дегаева положительно нелепо. Никто не был бы в состоянии пробыть два года в обстановке, в которой он был в Петербурге в 1882–83 году, кто не обладал бы железной волей и неустрашимостью.

Его поездка безо всякого оружия на свидание с Сергеем Ивановым²⁹, когда тот был готов убить его и когда Дегаев успел убедить его в том, что подозрения неосновательны, доказывают, что смерти он не боялся и защищаться не был намерен.

Только второе покушение на Судейкина было успешно; первое, за неделю перед вторым, было неудачно³⁰ потому, что Судейкин послал вперед дворника и сам остался внизу. Дегаев ему не отворил дверей, и тот ушел

²⁸ «Дегаев раньше жил сженой, Судейкин – большой приятель Дегаева – часто посещал супругов, по делам и без дел, ел и пил у них, засиживался до поздней ночи. Он является очень часто со своим племянником и вместе с тем казначеем, Судовским, а другой его приближенный человек и чуть ли тоже не родственник, Сидрин (простой шпион), бывает у Дегаевых чуть не каждый день. Вообще – отношения вполне интимные, и Судейкин, при всей своей осторожности и подозрительности, здесь очевидно ничего не опасается. В ноябре месяце г-жа Дегаева собирается уехать за границу; Судейкин дает ей деньги, дает фальшивый заграничный паспорт. Он полагает, что она едет следить за эмигрантами. Дегаев, оставшись один, для полного успокоения Судейкина, просит его дать ему слугу из шпионов. Просьба, разумеется, удовлетворяется и какой-то сыщик, шурин Сидрина, делается лакеем Дегаева, проживая, впрочем, под фальшивым видом, якобы сына дьячка, Константина Александрова» [15, с. 48].

²⁹ См. выше.

³⁰ Из обвинительного заключения по «Процессу двадцати одного»: «Судейкин к назначенному часу не приехал, и это так сильно встревожило Дегаева, вообще трусливого по природе, что минут через десять он вышел из ватерклозета и попросил их удалиться из своей квартиры. В это время раздался звонок у входной двери, и все поспешно заняли свои места. Дегаев вошел в ватерклозет и увидел, что звонит дворник, почему и не отпер двери; а вслед за этим Дегаев услышал внизу лестницы голос Судейкина, который спрашивал, дома ли Дегаев. Узнав об этом, он, Стародворский и Конашевич послали Дегаева вниз пригласить Судейкина, но последний успел уже сесть в карету и уехать».

<https://ftc.rsl.ru/pages/f67764c1428e3de26f30847ea3447d95496e219f165936c131baf57a0a77a2bbd32abe6ebe33b4b6>

с дворником. Требовалась, очевидно, не малая доза смелости и хладнокровия, чтоб объяснить почему его не было дома и почему шпион, живший на квартире Дегаева, был услан для того, чтобы удачнее заманить Судейкина и сделать его уверенным в полной безопасности. Нужно было быть удивительно самоуверенным, чтобы убедить шпиона послушаться непосредственного приказания Судейкина не отлучаться из квартиры второй раз.

Во время самой казни Дегаев принял на себя инициативу. Борьбы, как описывают газеты, не было; был жалкий крик «ай, ай», и желание убежать. Судейкин, хотя гигант и вооруженный, был захвачен врасплох и растерялся. Сообщение о том, что Дегаев выказал трусость – низкая ложь, и если кто растерялся, так это был Стародворский.

Защищать Дегаева трудно. Но надо помнить обстановку, среди которой революционеры жили в то время. Люди были разделены на категории – великие люди и стадо. Среди стада людей выбирали, они жертвовали собой, но жалости к ним не было. О Конашевиче, например, Лопатин выразился, что, мол, “чем скорее этот господин будет захвачен, тем лучше – как мученик он сделает больше, чем как деятель”. Дегаев делал то, что революционеры настоящего времени делают с меньшей братией. Что Дегаев обладал недюжинным характером, – можно видеть из его дальнейшей борьбы. Мысль о самоубийстве ему никогда не приходила в голову.

Несмотря на предупреждение Дегаева – Лопатин и другие начали снова организацию в то время, когда всего лучше было бы действовать без организации. Опять была наделана масса мучеников и никаких результатов. Но почему Лопатин, который был причиной ареста чуть ли не ста человек³¹, потому что преступно носил при себе адреса лиц, прощен и занимает место в галерее борцов за свободу, а Дегаев помещен в разряд предателей? Генерал, ведущий в засаду по своей глупости целую армию,

³¹ 6 октября 1884 г. Герман Лопатин был арестован. Он, по словам Б.Д. Оржиха, «был сущим ребенком в конспиративном отношении. Разъезжая по всей России, собирая и объединяя различные революционные и полезные общественные элементы, он заносил в свою книжку-листовку всех и все под их настоящими именами, большею частью с самыми непростительными для революционера-организатора комментариями и характеристиками, как, например, “Ейск, Лука Колегаев – банкир революции, дал три тысячи, обещал еще”, “Луганск, такой-то – техник, прекрасно prepares бомбы”, и далее характеристики целого ряда членов, группы, и т.д. и т.п. Он наивно мечтал и упорно утверждал, что проглотит все записи в случае ареста. Но жандармы <...> вырвали у него листки с адресами прежде, чем он дал себе отчет, что он арестован. Найденные при нем документы и записи позволили раскрыть всю сеть революционной организации» [16].

более преступен, чем полководец, жертвующий частью своей армии, чтобы с остатком нанести сильнейший удар неприятелю.

Дегаев не был предателем, хотя и выдал Веру Фигнер и офицеров. Он добровольно принял на себя весь позор и предоставил партии дать ей собственные объяснения его поступку. Крайне странно видеть отношение людей совершенно спокойное к Льву Тихомирову, который изменил “Духу Святу” борьбы, восторженное по отношению к Лопатину, и презрительно-негодующее по отношению к человеку, которой одно время был руководителем партии.

Сосчитайте жизни загубленных отступничеством г. Тихомирова, разбитые идеалы, потерянную веру в прогресс и в порядочность людей! Вспомните людей на скамьях подсудимых, людей сосланных и казненных из-за преступной глупости и халатности Лопатина и будьте милосердны к Дегаеву, который перенес весь позор и остался человеком столь же независимым и бесстрашным, каковым он был в ужасные годы – 1881 и 1882 – в России»³².

Цель братьев Сергея и Владимира Дегаевых двоякая. Во-первых, во вступлении к «Воспоминаниям» утверждается, что они – посмертные, дескать, Сергей Дегаев умер недавно в Новой Зеландии. Значит, мстители не будут искать.

Во-вторых, «Воспоминания» Сергея Дегаева – ответ на народовольческие мемуары, появившиеся в «Былом», ответ персональный и личный. Его главный адресат – заграничное руководство «Народной воли», Тихомиров и Ошанина, которые, в отличие от него, по-прежнему рассматривались народовольческой историографией и мемуаристикой как герои без страха и упрека.

Между тем 28 декабря 1883 (9 января 1884) г. в Париже С.П. Дегаев оставляет «заявление» заграничному народовольческому центру, где содержатся два важнейших утверждения:

1. «Я исключительно сам, не посоветовавшись ни с кем из членов организации, вошел в сношения с Судейкиным и прибегнул к выдаче революционеров, чтобы войти к нему в доверие. Организация была поставлена обо всем этом в известность только в то время, когда все уже было приготовлено для совершения факта и нужны были только сообщники для помощи в этом деле, которых могла быть доставить только организация;

2. Вследствие подозрений, явившихся у некоторых лиц, я, для их успокоения сознавшись в сношениях с Судейкиным, сказал, что будто об этом мною уже сообщено некоторым известным лицам партии. На самом

³² См.: [4].

деле последнее было мною выдуманно в видах ограждения факта от провала, который бы необходимо случился, если бы лица, у которых возникли подозрения, подняли тревогу и шум.

С. Дегаев³³».

Первое утверждение соответствует действительности: Сергей Дегаев заключил свое соглашение с С. Судейкиным в одесской тюрьме по собственной воле, без санкции от руководства «Народной воли».

А вот то, что народовольческое руководство узнало о сношениях Дегаева с Судейкиным, и это не было выдуманно – вовсе не ложь, а самая что ни на есть правда. «Заявление» Дегаева 1884 г. написано под давлением «заграничников». Его цель – обелить Л.А. Тихомирова и М.Н. Ошанину. О предательстве Дегаева то ли с мая, то ли с сентября 1883 г. за границей знали, по крайней мере, эти двое.

«Заявление» Сергея Дегаева – итог соглашения народовольческого центра с предателем: его не казнят, а выпускают на волю, взамен ответственность за арестованных и казненных в период «дегаевщины» берет на себя сам Дегаев.

Однако сразу возникает вопрос об интерпретации мотивации предательства, совершенного Дегаевым.

Сергею Петровичу и активно выступавшему в его защиту Владимиру Петровичу Дегаевым картина произошедшего представлялась так. Один из руководителей «Народной воли», Сергей Дегаев, арестованный в Одессе, решает пойти на сговор с Судейкиным не от трусости, а из политических соображений. Он считал возможным, пусть и во временном союзе с инспектором тайной полиции, переформировать находящуюся в глубоком кризисе «Народную волю» и заодно совершить покушения на нескольких крупных сановников. Такая интерпретация тем более убедительна, что Дегаев, как мы знаем, получил согласие Л.А. Тихомирова и М.Н. Ошаниной на то, чтобы он некоторое время продолжал свои отношения с Г.П. Судейкиным.

Официальная версия народовольческого центра – как только руководство партии узнало о двойной игре Дегаева, оно потребовало от него убить Судейкина, постараться спасти от ареста тех, кто ему известен, эмигрировать; руководство партии никакого отношения к «дегаевщине» не имеет (она – результат предательства одного человека) – становится достоянием общественности³⁴.

³³ См.: [16, с. 149].

³⁴ См.: [3, с. 11; 11, с. 96–99]. Статьи С.М. Степняка-Кравчинского в «Общем деле» (1883, № 57, с. 13–14; 1884, № 58, с. 12–13) и в «Daily news»; публикации в «Times» и в известной в Великом княжестве Финляндском газете «Hufvudstadsbladet» («По

Сергей Дегаев и примкнувший к нему за границей младший брат Владимир писали Тихомирову и Ошаниной негодующие и даже угрожающие письма. Вот одно из них, от января 1884 г.: «Вы *знаете* и *верите*, что я еще не в последний раз был революционером, а потому не портьте мне моих планов, иначе я буду защищаться и хоть тем, например, что и другие постольку же виноваты в “знании и недонесении”, как я в совершении поступка. Забудьте меня до того времени, когда я сам о себе не напомним опять. Или, если для вас необходимо публично возмущаться, то делайте это так, чтобы немного политики было в факте, а не просто злодейство» [17, с. 154–155].

Эта полемика в то время осталась неизвестна общественности, а потом и вовсе прекратилась. «Народная воля» была разбита, Дегаевы искали свое счастье в США, Лев Тихомиров из революционера превратился в монархиста, ушла из жизни Мария Ошанина. И вот, теперь уже на страницах «Былого», превратившийся в США в Александра Пелла Сергей Дегаев читает рассказы о своем предательстве.

«Воспоминания» – ответ на эти рассказы. Не случайны личные нотки прежде всего против тех, кто пишет о его предательстве – Льва Тихомирова («изменил “Духу Святу” борьбы», «сосчитайте жизни загубленных отступничеством г. Тихомирова, разбитые идеалы, потерянную веру в прогресс и в порядочность людей»), Афанасия Спандони («молодой человек, который был раньше арестован в Одессе и которого там знали все сыщики и жандармы. Этот человек был причиной ареста Дегаевых, Суровцева, Колюжной и др.»).

Главной виновницей кризиса в «Народной воле» Сергей Дегаев называет преданную им Веру Фигнер: «Он никогда не чувствовал себя виноватым перед Верой Фигнер, хотя она и была арестована по его указанию. Причину он эту видел в том, что Фигнер продолжала, вопреки всем указаниям здравого смысла и фактов, вести дело “Народной воли” по старому плану, не имея ни людей, ни способности руководить этим делом, результатом чего было водворение Судейкина и его игра в революцию, и затем многочисленные аресты, без каких-либо результатов для партии. Ближайшей причиной разоблачения Дегаева был арест его и жены, в чем Фигнер была непосредственно виновата».

Более того – «Тихомиров и Полонская высказали свое мнение о неумении Веры Фигнер руководить движением, об ее упрямстве, и сказали, что игра, которую ведет Дегаев с Судейкиным, очень опасна. Но оба, зная

поводу напечатания в № 269 финляндской газеты статьи об убийстве подполковника Судейкина» – ГАРФ. Ф. 102, 1884, 3-е делопроизводство. Д. 834. Лл. 1–7), не говоря уже о сообщении Тихомирова в «Вестнике “Народной воли”».

Дегаева, верили ему вполне и выразились в том духе, что его план может повести к новой организации за границей».

Похоже, что Дегаев пишет правду. Почти текстуальные совпадения в инвективах о Вере Николаевне – у теоретика «Народной воли» и знаменитого предателя. Ни о ком из членов ИК Лев Тихомиров не отзывался так презрительно, как о Вере Фигнер: «Вера Фигнер <...> была плохой организаторшей, органически неспособной космотрительности, не умела различать людей и вечно рвалась к блестящим и трескучим делам; фантазия в ней чрезмерно преобладала над разумом, так что она была настолько же полезна, насколько опасна» [19, с. 176]. «У нее было полное отсутствие конспиративных способностей. Страстная, увлекающаяся, она не имела понятия об осторожности. Ее близким другом сделался Дегаев, который впоследствии выдал ее самым бессовестным образом» [13, с. 312].

Для понимания роли Тихомирова и Ошаниной в «дегаевщине» ключевой вопрос: продолжительность их сотрудничества с заведомым предателем. В «воспоминаниях» Дегаева точное время его «признания» заграничникам не указано: «Летом 1883 года, под предлогом завязки сношений с Тихомировым, он ездил за границу, открыл свою душу этому господину и г-же Полонской». В версии Дегаева май 1883 г., который часто называется в качестве месяца первой его поездки за границу, никак не может быть временем этого события: ведь, согласно его тексту, это произошло после того, как 22 июня 1883 года была арестована типография в Харькове³⁵.

Однако в любом случае, думается, что и Дегаев, и Тихомиров с Ошаниной придерживались принципа «генерал, ведущий в засаду по своей глупости целую армию, более преступен, чем полководец, жертвующий частью своей армии, чтобы с остатком нанести сильнейший удар неприятелю». Во имя величия цели (вначале – убийства при помощи Г.П. Судейкина нескольких царских сановников, потом – убийства самого Судейкина) вполне возможно пожертвовать несколькими товарищами по партии.

И даже если прямое сотрудничество Дегаева и Тихомирова продолжалось только осенью 1883 г., Судейкин все это время не мог не получать от своего агента информацию. «Во всеподданнейшей записке от 12 декабря 1884 г., подписанной П. Дурново, исполнявшим в то время обязанности директора департамента полиции, <...> сообщалось, что “первые указания

³⁵ Народолюбец Л.А. Кузнецов писал 22 мая 1935 г. историку народолюбчества Рувиму Кантору о находящейся у него рукописи арестованного в Харькове Феофана Крылова «Кошмарное дело», где тот настаивал: «Арест народолюбческой типографии и его при ней был совершен с молчаливого согласия Л.А. Тихомирова. Точнее: о выдаче этой типографии Дегаевым Тихомиров знал до ее ареста. Не желая дискредитировать партию, Крылов об этом молчал долгие годы» [24].

на преступную деятельность арестованного 16-го [не 16-го, а 15] минувшего ноября дворянина Якубовича получены были осенью 1883 года от известного Дегаева, вследствие чего за Якубовичем тогда же было учреждено специальное наблюдение, продолжавшееся, таким образом, более года» [19, с. 130]. Дегаев выдал жандармам и арестованных в начале 1884 г. С. Усову, С. Кривенко, В. Караулова.

Возмущение против сговора заграничного центра с предателем в 1884 г. едва не привело «Народную волю» к расколу. Петр Якубович возмущался тем, что «заграничный народофильский центр, до того времени считавшийся последним остатком Исполнительного комитета и хранителем его традиций, что этот центр знал о предательской роли Дегаева, что он знал о том, что Дегаев, державший главные нити народофильской организации, является в то же время агентом Судейкина, и что, зная это, он не только допустил Дегаева действовать в среде русской организации, но и сам руководил его действиями» [20, с. 125].

Те же обвинения – в составленных Михаилом Овчинниковым «Вопросах», на которые российские народофильцы требовали ответить Марию Ошанину и Льва Тихомирова (март 1884): «На каком основании лица, живущие за границей, узнав в августе месяце об истинном значении Дегаева, не сообщили об этом немедленно в Россию <...> Вопрос о Стасе³⁶, знавшем истинную роль Дегаева еще в апреле 1883 года» [19, с. 137].

Роптал Герман Лопатин: посылая его в Петербург, парижане «не посмели сказать ему правды из опасения, что он, из нравственной безразличности, отшатнется навек от группы, среди которой мог зародиться и существовать так долго такой ужасный политический разврат» [22, с. 14].

Тем не менее, историография народофильства тщательно обходила тему ответственности Льва Тихомирова и Марии Ошаниной за многочисленные жертвы дегаевщины. В этом смысле народническая (близкая в 1900-е – начале 1930-х гг. к эсерам) традиция – напоминает марксистско-меньшевистскую (в случае с Яковом Стефановичем). Тихомирову прощают даже переход на позиции крайнего монархизма и национализма: аргумент заключается в том, что он искренне идейно переменялся и никого не выдал. Нет. В начале он все-таки позволил Дегаеву безнаказанно отдать в руки жандармов несколько десятков человек, многие из которых были казнены, умерли в тюрьмах, провели десятилетия на каторге.

И ведь не даром в своем знаменитом «завещании» предупреждал товарищей Александр Михайлов, специально останавливаясь на «Старике» (так в «Народной воле» называли Льва Тихомирова): «Завещаю вам, братья, беречь и ценить нашего доброго Старика, нашу лучшую умственную

³⁶ Имеется ввиду польский революционер и народолюбец С.Ч. Куницкий.

силу. Он не должен участвовать в практических предприятиях – он к ним не способен. Вам надо сознавать это, а ему не следует себя обманывать».

Думается, что окончательно «точки над и» в этой истории могут быть поставлены в случае находки двух документов.

Во-первых, это письменные «показания» Дегаева, данные им, скорее всего, после ареста в Одессе в 1883 г. Они были предъявлены на предварительном следствии по «Процессу четырнадцати» в сентябре 1884 г., но в обвинительное заключение не вошли. В.Н. Фигнер ходатайствовала о прочтении показаний Дегаева. «Она заявила, что она имела в виду те показания, которые были предъявлены ей при дознании генерал-майором Середой и в которых изложены были сведения о деятельности многих ее товарищей по обвинению. Председатель объявил, что этих показаний в деле нет. Подсудимые Штромберг и Ашенбреннер заявили, что им также предъявлялись эти показания, а Василий Иванов добавил, что в предъявленном ему при дознании показании Дегаева было упомянуто, что Дегаев слышал от Фигнер, что он, Иванов, был освобожден из тюрьмы офицером Тихоновичем» [23, с. 201].

Николай Рогачев сказал на процессе: «Из показаний негодяя Дегаева я понял, что это торговец, который предавал своих товарищей и сообщников судя по ценности каждой головы» [23, с. 210].

Список выданных Дегаевым пополнялся с момента его ареста и вплоть до убийства Судейкина. По косвенным данным его восстановила М.А. Панькина [3, с. 115–126]. Остались ли какие-нибудь записи у Судейкина? Куда его архив делся после смерти?

Второй, еще более ценный не разысканный источник – «ведомость», составленная Дегаевым в Париже во время народовольческого суда над ним.

Упоминания об этой ведомости находим в работах С.Н. Валка середины 1920-х гг. «“Показания” Дегаева – та тетрадь его признаний, которая была им написана после убийства Судейкина, когда Дегаев явился в Париж, где был устроен суд над ним. Тетрадь эта сохранилась до наших дней. Уничтожив свой парижский архив перед отъездом в Россию, Тихомиров ее захватил, однако, с собою. В 1906 он передал ее В. Бурцеву, который опубликовал из нее лишь некоторые отрывки» [19, с. 164].

Или: «В записях, которые Дегаев сделал после своего побега за границу вслед за убийством Судейкина, находим следующую заметку о филере Зарудном: “Довольно интеллигентный, так что Судейкин думал приказать ему открыться Якубовичу и предложить свои услуги революционерам”. Отрывок копии этих заметок имеется в Музее Революции СССР. Впрочем, эта копия возбуждает ряд сомнений, которые возможно разрешить, лишь имея подлинник» [19, с. 130, 135].

Список использованных источников и литературы

1. *Троицкий Н.А.* Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 2. С. 125–133.
2. *Pipes R.* The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia. New Haven; London, 2003.
3. *Панькина М.А.* Ночь после битвы. Дегаевщина и кризис в партии «Народная воля». М., 2018.
4. Из записок предателя // Голос Москвы. 1909. № 45. С. 1; №46. С. 1; № 53. С. 1
5. Нечто новое о дегаевщине // Утро России. 1913. 11 мая.
6. Дегаев в Америке // Утро России. 1913. 4 мая; 6 мая.
7. *Прибылева-Корба А.П.* Сергей Петрович Дегаев // Былое. 1906. № 4. С. 1–17.
8. «Дегаевщина» (материалы и документы) // Былое. 1906. № 4. С. 18–38.
9. *Спандони А.А.* Страницы из воспоминаний // Былое. 1906. № 5. С. 14–38.
10. *Маклецова (Дегаева) Н.П.* Судейкин и Дегаев // Былое. 1906. № 8. С. 265–272.
11. *Тихомиров Л.А.* В мире мерзости и запустения: по поводу казни Судейкина // Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 96–99.
12. *Панькина М.А.* Дегаевщина: к вопросу о размерах провокации // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 2. С. 64–74.
13. *Тихомиров Л. А.* Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000.
14. Убийство подполковника Судейкина (из архива В.Л. Бурцева) // На чужой стороне. 1925. № 9. С. 205–218.
15. *Кон Ф.Я.* За пятьдесят лет. Т. 1–2. М., 1936.
16. *Оржих Б.Д.* В рядах «Народной воли»: электронный ресурс [URL:https://pseudology.org/Otjikh/chast_01.htm; дата обращения 01.07.2021]
17. Лавров. Годы эмиграции: архивные материалы в двух томах. Т. 2: От «Вперед!» к группе старых народовольцев / публ. Б.М. Сапира. Dordrecht; Boston, 1974.
18. Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 124–195.
19. К истории процесса 21. (Письма и показания П.Ф. Якубовича) / публ. С.Н. Валка // Красный архив. 1929. Т. 5 (36). С. 122–179
20. К истории процесса 21. (Письма и показания П.Ф. Якубовича): [продолжение] / публ. С.Н. Валка // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 102–137.
21. К истории процесса 21. (Письма и показания П.Ф. Якубовича): [окончание] / публ. С.Н. Валка // Красный архив. 1930. Т. 1 (38). С. 70–108.
22. *Лопатин Г.А.* Автобиография. Показания. Письма. Статьи. Стихотворения. Пг., 1922.
23. «Мы не террористы»: «Записки для памяти» о процессе «14-ти». 1883 г. / публ. Н.А. Троицкого // Исторический архив. 2000. № 1. С. 201–215.
24. Переписка Р.М. Кантора и А. Кузнецова // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 420. Оп. I. Д. 71. С. 2.

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

УДК [94(470–17):355.48(485)]|1611/1612|+929Замятин

Я.Н. Рабинович

Г.А. ЗАМЯТИН О ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЯХ ШВЕДСКОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА ГАНСА МУНКА В 1611–1612 ГГ. И КОНТРМЕРАХ ВОЖДЕЙ ПОДМОСКОВНОГО И НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЙ

В работе рассматривается политика руководителей Подмосковного и Нижегородского ополчений по отношению к шведской экспансии на севере страны в Смутное время. Исследуются взгляды историка Смуты Г.А. Замятина по данному вопросу.

Ключевые слова: Смутное время, Нижегородское ополчение, Каргополь, Белоозеро, Устюжна, Ганс Мунк, князь Д.М. Пожарский.

Ya.N. Rabinovich

G.A. ZAMYATIN ABOUT MILITARY OPERATIONS OF THE SWEDISH COMMANDER HANS MUNK IN 1611-1612. AND COUNTERMEASURES OF THE LEADERS OF THE MOSCOW AND NIZHNY NOVGOROD MILITIAS

The paper examines the policy of the leaders of the Moscow Region and Nizhny Novgorod militias in relation to the Swedish expansion in the north of the country during the Time of Troubles. The views of the historian of the Troubles G.A. Zamyatin on this issue.

Key words: Time of Troubles, Nizhny Novgorod militia, Kargopol, Beloozero, Ustyuzhna, Hans Munch, Prince D.M. Pozharsky.

В 26 выпуске Историографического сборника была опубликована одна из работ историка Смутного времени начала XVII в. Германа Андре-

евича Замятина (1882–1953) и кратко рассмотрен его творческий путь [1, с. 71–128]. Было подчеркнуто, что наиболее плодотворный в плане научных достижений период жизни Г.А. Замятина (с 1938 до конца 1952 г.) был связан с пребыванием и преподаванием в Молотове (Перми) на кафедре всеобщей истории Пермского педагогического института. Однако многим трудам Г.А. Замятина, написанным в Перми, была уготовлена печальная судьба: они не были опубликованы ни при жизни ученого, ни после его кончины, а некоторые из рукописей не найдены до настоящего времени.

Среди рукописей ученого, которые хранятся в фонде Замятина в НИОР РГБ (Москва), находится и опубликованная в 2019 г. в Новгородском историческом сборнике работа о походах шведского военачальника Ганса Мунка [2, с. 394–456; 3].

Данная работа Г.А. Замятина объемом в 4,5 а.л. состоит из 4-х глав и заключения. Время написания этого труда можно установить лишь приблизительно. К 1940 г. уже была окончательно уточнена структура будущей докторской диссертации. В первом очерке этой диссертации, посвященном походам шведов к Кольскому острогу, Сумам и Соловецкому монастырю, были разобраны Замятиным отдельные моменты, связанные с походами Ганса Мунка [4, с. 47–77; 5].

После защиты докторской диссертации (июнь 1943 г.) [6, с. 104–116] Замятин вновь вернулся к этому труду, который был окончательно написан в 1948–1949 гг. и отправлен в Москву для публикации и журнале «Исторические записки». Работа имела название «Из истории борьбы русского народа со шведской интервенцией в начале XVII века». Отзыв на нее был неутешительный для Замятина (см. Приложение № 1) [7]. Автору было под различными предлогами отказано в публикации. Из письма Г.А. Замятина И.П. Шаскольскому от 22 июня 1952 г. мы узнаем, что работа о походах Мунка была отправлена в журнал «Исторические записки» довольно давно, когда ответственным секретарем журнала была М.В. Рожкова. Но после этого М.В. Рожкову сменил И.У. Будовниц, и работа осталась непечатанной (см. Приложение № 2) [8].

Первая глава [2, с. 396–415] начинается краткой характеристикой темы. Вначале автор указывает цели и задачи труда, а также хронологические и территориальные рамки данного исследования. После краткого анализа международной обстановки, сложившейся в 1611–1612 гг., Замятин характеризует основные источники, среди которых мы видим около сотни документов, опубликованных в дореволюционных отечественных изданиях, а также в Стокгольме и Гельсингфорсе, ряд литературных памятников и сочинений польских и голландских современников событий. Не обошел своим вниманием автор и архивные материалы, прежде всего

документы из архива Делагарди в Тарту, а также документы из московских и шведских архивов.

Переходя к историографии вопроса, автор вынужден констатировать, что об этих событиях только кратко сообщают шведские военные историки, а отечественные исследователи ни единым словом не упоминают о походах Ганса Мунка.

Замятин приводит сведения о биографии своего героя Ганса Мунка. Такое повышенное внимание к личности шведского офицера вызвало недовольство ряда «чиновных историков» в Москве. И.У. Будовниц писал, что у Замятина герой – не русский народ, а шведский военачальник. При этом редактор «Исторических записок» подчеркивал «скрупулезнейшие изыскания» ученого, который привёл подробные данные о биографии Мунка, его продвижениях по службе и т.д. [7].

Особое внимание Замятин уделил роли Мунка в качестве посла к руководителю Подмосковного ополчения П.П. Ляпунову. В результате посольства Мунка был принят Приговор ополчения 23 июня 1611 г. о готовности ополченцев признать царем шведского королевича. Другими этапами биографии Мунка можно назвать его участие в боях в Карелии летом 1614 г., а также его прибытие с крупным отрядом в Ладогу летом 1616 г. ещё до начала переговоров в Столбово. Общий вывод Замятина о Мунке – этот финский дворянин служил шведам не за страх, а за совесть.

Много внимания автор уделил характеристике операций Мунка в Заонежье с сентября 1611 до апреля 1612 г. Цель этих операций – сбор налогов и приведение местных жителей к присяге шведскому королевичу. В документах, которые привел Замятин, говорится, что местное население, заонежские мужики, отказывались платить в 1610–1611 г. деньги в Москву. Причины отказа платить налоги Замятин не объясняет. Возможно, местное население, которое ранее исправно платило деньги правительству Василия Шуйского и помогало М.В. Скопину-Шуйскому вести борьбу с тушинцами, теперь не желало присягать польскому королевичу Владиславу, отказалось признавать власть поляков в Москве и польского ставленника боярина Ивана Михайловича Салтыкова в Новгороде.

Особое внимание Замятин уделил разбору такого источника, как «Лист Ганса Мунка Максиму Васильевичу»: датировал этот документ, а на основе других сведений выяснил фамилию адресата – Максим Васильевич Лихарев. Выяснение даты и личности адресата помогло Замятину правильно интерпретировать данный документ. Из его анализа Замятин сделал вывод, что зимой 1612 г. Ганс Мунк безуспешно пытался силой и хитростью овладеть Сумским острогом («лисьими приемами», по выражению историка). Замятин также исследует предыдущие попытки шведов завладеть

Сумским острогом и Соловецким монастырем (походы Андерса Стюарта), раскрывает стратегическое значение Сумского острога.

В конце данной главы историк делает вывод, что в 1611 г. шведы пытались овладеть Сумским острогом с запада (со стороны Каянеборга) и с юга (с территории Обонежской пятины), применяя хитрость и силу. Общая цель шведов на севере – овладение Колой, Сумами и Соловками, захват всей Северной Карелии. Операции Мунка были частью операций более крупного масштаба.

Вторая глава начинается с характеристики обстановки в Московском государстве весной 1612 г., которая оказалась довольно благоприятной для шведов [2, с. 415–435]. К этому времени Эверт Горн разбил казаков у Боровичей, а князь Д.М. Пожарский выступил с рядом резких посланий против Псковского вора Сидорки и таким образом стал союзником Я. Делагарди в борьбе против Лжедмитрия III. Шведы в это время пытались установить контроль над территорией восточнее р. Волхов, они пишут грамоты в Каргополь, Белоозеро, Устюжну, призывая присоединиться к Новгородскому государству и присягнуть шведскому принцу, а заодно призывают беглецов-новгородцев вернуться домой.

Историк рассматривает действия шведов в отношении Белоозера после захвата Тихвина. При этом Замятин впервые определил точную дату присоединения Тихвина к шведско-новгородскому союзу (первая половина сентября 1611 г.). Что касается Белоозера, то в конце 1611 г. существовали подозрительные контакты воеводы Белоозера Степана Никифоровича Чепчугова с Новгородом и шведами, и только активные действия руководителей Нижегородского ополчения в Ярославле весной 1612 г. прервало эти контакты. Замятин указал на важное оборонное значение Белоозера для соседних областей. Он выяснил, что Ганс Мунк летом 1612 г. действовал со своим отрядом не только возле Белозерских засек, но даже в Заонежье, восточнее Онежского озера, в Каргопольском уезде, в Водлозерской волости.

Контрмеры белозерцев и ярославских властей сыграли свою роль в предотвращении дальнейшего расширения шведской экспансии на восток. Строительство засек в Белозерском уезде – это тоже часть оборонительных мероприятий властей ополчения против шведов. К сожалению, как пишет автор, детали этих операций у Белоозера остаются невыясненными. Это положение мало изменилось и через 60 лет. Лишь современный исследователь Адриан Селин в своем труде уделил внимание противодействию белозерцев и устюжан новгородским властям [9].

Замятин рассматривает переговоры Новгорода и Каргополя. Историк анализирует содержание грамоты новгородцев в Каргополь, которая не сохранилась, но сведения о ней имеются в более поздних источниках. Он

обратил внимание, что эти грамоты из оккупированного шведами Новгорода в Белоозеро и Каргополь написаны почти одновременно, в апреле – мае 1612 г., вскоре после получения сведений о присяге ополченцев Трубецкого и Заруцкого Псковскому вору Сидорке (эта присяга состоялась 2 марта 1612 г.). Замятин обратил внимание, что воеводы Каргополя ведут переговоры непосредственно с Мунком и с Новгородом. Но одновременно эти воеводы подчиняются Ярославскому правительству Минина и Пожарского. Узнав о появлении сборщиков из Новгорода в Водлозерской волости, воеводы Каргополя изменили отношение к шведам. Теперь оно стало не таким дружественным. Воеводы заявили Мунку решительный протест. В итоге возник крупный инцидент, подробности которого, как пишет Замятин, неизвестны. Воеводой Каргополя, как впервые выяснил Замятин, в это время был Алексей Иванович Зюзин. Замятин дает характеристику города и крепости Каргополя, говорит о выгодном его географическом положении и стратегическом значении, так как он прикрывал путь в Поморье.

В это время (весна 1612 г.) начинаются переговоры кн. Д.М. Пожарского и Я. Делагарди. Теперь вопрос о признании шведского королевича Карла Филиппа русским царем решается в общегосударственном масштабе. По отношению к отдельным территориям введен, говоря современным языком, «мораторий», теперь эти территории шведы не должны присоединять к Новгороду.

Замятин разбирает переговоры новгородского правительства Делагарди-Одоевского с Устюжной. Историк вновь повторяет свою мысль о значении присяги ополченцев Заруцкого и Трубецкого под Москвой Псковскому вору. Сведения об этой присяге, полученные на Севере в конце марта – начале апреля 1612 г., изменили отношение жителей северных городов к Подмосковному ополчению. Теперь северные города отказались помогать ополченцам Заруцкого и Трубецкого. С другой стороны, борьба шведов и новгородцев против поляков и Псковского вора сближала Новгород с Белоозером, Устюжной и Каргополем. Замятин говорит о мерах, предпринимаемых ярославскими властями Минина и Пожарского для обороны Устюжны от шведов.

Историк, ссылаясь на опубликованные ещё в 1911 г. источники, приводит интересные сведения о захвате Белоозера литовскими людьми, указывает точную дату этих событий (30 июля 1612 г.). Замятин писал, что не может указать на связь этих событий с действиями Ганса Мунка, так как в августе 1612 г. Мунк уже уехал в Прибалтику на остров Эзель. Можно добавить, что именно отправка всех воинских сил Новгородского правительства летом 1612 г. на западные рубежи для захвата Яма, Копорья Гдова и Ивангорода (там активно действовал против сторонников Лжедмитрия III

Эверт Горн) привела к активизации отрядов литвы и черкас на восточных границах, в районе Белоозера. Именно к этому времени относится захват и разорение Тихвинского монастыря черкасами [10].

Замятин сравнивает результаты походов Эверта Горна и Ганса Мунка и приходит к следующему выводу. Э. Горн одержал победу, так как города на западе (Ивангород, Ям, Копорье, Гдов) были отрезаны от Московского государства и не получали поддержки из центра. К этому можно добавить, что данные города поддерживали Псковского вора Лжедмитрия III, поэтому новгородцы, находясь в составе шведских отрядов, сражались против сторонников самозванца более активно. Ганса Мунка на востоке постигла неудача, так как города (Устюжна, Белоозеро, Каргополь) получали поддержку от Нижегородского ополчения, а до этого – от Подмосковного ополчения Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого.

По мнению Замятина, последствия операций Ганса Мунка все же не были безрезультатными для новгородских властей. Эти операции Мунка способствовали утверждению шведской власти в Обонежье, в том числе в Оштинском стане.

Шведы и в дальнейшем не оставляли попыток захвата этих земель. Весной 1613 г. воевода «Франстриук» (Франциск Стрийк. – *Я.Р.*) выступил в поход в район Белоозера и Устюжны. Шведы в итоге были разбиты московским войском правительства Михаила Романова под командованием кн. С.В. Прозоровского на Усть-реке [11]. В марте 1614 г. после поражения под Олонцем черкасы, находящиеся на шведской службе, соединились с отрядом Мунка на Тулмозере и планировали совместный поход на Белоозеро и Каргополь. Летом 1616 г. шведы вынашивали планы в случае срыва переговоров возле Тихвина идти отрядам Самуила Коброна и Ганса Мунка в Заонежские погосты, а Генрику Горну – в Устюжну.

В заключение данной главы Замятин делает вывод, что операции Мунка – это новый шаг на пути реализации «Великого плана» Швеции по захвату Колы, Сум, Соловецкого монастыря, Архангельска с округой с целью овладеть западной половиной Поморья и отрезать путь к Белому морю.

Третья глава посвящена сопротивлению местного населения Заонежских погостов действиям Ганса Мунка [2, с. 435–440]. Жители поднимали восстания, не желая признавать власть шведов. Замятин рассматривает меры, предпринимаемые в 1611–1612 гг. руководителями освободительного движения. Вожди Подмосковного ополчения, которые перед этим отправляли отряд М.В. Лихарева в Сумы, теперь снова посылают на север ратных людей и обеспечивают их финансирование из местных бюджетов. Замятин отметил враждебное отношение к шведам и новгородцам нового руководства ополчения (Трубецкого и Заруцкого) после убийства Прокопия Ляпунова.

Историк выделил три очага сопротивления шведам на севере, и предположил, что все эти силы действовали в тесном контакте. Это местное население, ратные люди из Белоозера, отряд М.В. Лихарева. В результате активного сопротивления шведской экспансии на севере было заключено местное перемирие. Время заключения этого перемирия совпадает с переговорами в Ярославле новгородских послов с князем Д.М. Пожарским. Это происходило вскоре после возвращения из Новгорода посланника Пожарского Степана Лазаревича Татищева [12, с. 316–324].

Новый этап борьбы со шведами начался вскоре после избрания Михаила Романова. Замятин выяснил прямую связь между походом к Новгороду московского войска боярина Д.Т. Трубецкого и отправкой воеводы Богдана Чулкова к Ладоге. По плану московского правительства Заонежье должно было стать базой для наступления на Новгород с севера. Замятин подробно остановился на оборонительных мерах в Заонежье Б. Чулкова, который построил здесь два укрепленных острожка. Эти меры были осуществлены своевременно, уже в январе 1614 г. защитники данных острожков, «охочие люди», сумели отразить все нападения черкас, вернувшихся в Заонежье после неудачного похода к Холмогорам.

Историк делает вывод, что эти «охочие люди» являлись участниками сопротивления шведам в более раннее время, ещё в 1612 году. Новое правительство Михаила Романова фактически продолжает политику вождей Подмосковного ополчения (Заруцкого и Трубецкого) по отношению к шведам, но действует при этом ещё более активно. Оборонительные меры сменяются наступательными действиями.

Четвертая глава в основном посвящена политике руководителей Нижегородского ополчения по отношению к шведам [2, с. 440–453]. Сравнивая меры, предпринимаемые Ярославским советом и руководителями Подмосковного ополчения, Замятин приходит к выводу, что вожди Нижегородского ополчения придерживались по отношению к шведам совершенно иной тактики. Эта тактика была более мирной, чем у казаков Трубецкого и Заруцкого, но более жесткой, чем у Ляпунова. Пожарский не был склонен идти на территориальные уступки шведам, как это делал Ляпунов в июне 1611 года.

Обстановка в стране зимой 1611–1612 г. стала более благоприятной для ополченцев, чем в июне 1611 г. после взятия поляками Смоленска. Теперь король Сигизмунд больше не угрожает ополченцам, он уехал в Варшаву, Ян Сапега умер в сентябре 1611 г., среди поляков в Москве не прекращаются разногласия. Угроза со стороны Польши ослабела. Но со стороны Швеции, наоборот, наблюдается угроза захвата новых территорий. Опасением за судьбу Поморья объясняются многие дальнейшие действия Пожарского, как дипломатические, так и военные. Это не только от-

правка в Новгород посла С.Л. Татищева, но и движение ополчения из Нижнего Новгорода не напрямую к Москве, а на север, поближе к шведам и к этим городам (к Вологде, Белоозеру и т.д.), т.е. – к Ярославлю.

Замятин не согласен с мнением П.Г. Любомирова о причинах изменения маршрута движения ополчения (нежелание соединиться с казаками Подмосковного ополчения); вместо движения к Суздалью–Владимиру–Москве, ополченцы двинулись к Ярославлю. Главной причиной движения ополчения к Ярославлю Замятин считает продвижение шведов по линии Тихвин – Белоозеро.

Причиной отправки Заруцким и Трубецким своих казаков к Ярославлю, в том числе отряда А. Просовецкого, Замятин также считает угрозу со стороны шведов. Другие историки объясняют эти меры вождей Подмосковного ополчения в первую очередь стремлением казаков помешать соединению Нижегородского ополчения с жителями Ярославля. Замятин указывает, что ещё ранее Заруцкий и Трубецкой посылали отряды на Ошту, а теперь они хотят защитить от шведов северные города. Кто займет Ярославль, тот и будет решать «шведский вопрос», защищать страну от шведов. В связи с продвижением шведов на восток Ярославль приобрел стратегическое значение. В вопросе о Ярославле произошло столкновение интересов обоих ополчений.

Замятин много внимания уделяет конкретным действиям Ярославского совета (в период пребывания ополчения в Ярославле). Об обстановке на севере Пожарский узнал более подробно из письма воеводы Белоозера и игумена Кирилло-Белозерского монастыря Матвея. Отправка посольства С.Л. Татищева в Новгород преследовала несколько целей. 1) Разведать положение в Новгородской земле, выяснить истинное состояние дел. 2) Заявить протест шведам, чтобы те прекратили присоединять другие города к Новгородскому государству. 3) Требовать, чтобы шведы вели отныне переговоры не с отдельными городами, а с Ярославлем, т.е. централизованным порядком. 4) Подчеркнуть, что единственная законная центральная власть в стране – это Ярославль.

Также С.Л. Татищев должен был сказать, что Ярославский совет является продолжателем дела Ляпунова (который проводил до самой своей смерти лояльную политику по отношению к шведам), поэтому отныне все условия договора Новгорода со шведами должны обсуждать руководители Нижегородского ополчения.

Все эти меры преследовали цель не допустить, чтобы шведы продолжали расширять своё господство. Здесь Замятин в объяснении причин отправки С.Л. Татищева следует за Новым летописцем. Пожарский считал, что нельзя одновременно воевать с двумя врагами. Надо готовиться к борьбе за Москву с поляками, а со шведами – заключить мирный договор,

тем самым избежать войны на два фронта. Таким образом, отправка посольства С.Л. Татищева – это дипломатические меры борьбы со шведской экспансией.

Ярославский совет также предпринимает оборонительные меры борьбы, заботится об укреплении Белоозера, отправляет воеводе С.Н. Чепчугову указ о строительстве нового острога, а также – указ на Вологду об отправке дополнительных припасов в Белоозеро (конец апреля – начало мая 1612 г.). Также был укреплен расположенный рядом Кирилло-Белозерский монастырь. Однако меры по укреплению Белоозера не были осуществлены в полном объеме. Другие враги, черкасы, в июле 1612 г. разорили Белоозеро. Возможно, вначале (май – июнь 1612 г.) все силы были брошены на строительство новых укреплений монастыря, поэтому черкасы, разорив не очень богатый город Белоозеро, который совсем не сопротивлялся, не отважились в июле напасть на монастырь.

Пожарский также предпринимает меры по укреплению Каргополя. Туда с Двины (Холмогор) отправляются ратные люди во главе с воеводой Г.Б. Долгоруким-Рощей. Из Ярославля также отправляются воеводы с ратными людьми в Устюжну.

Все эти оборонительные меры издавна находились в центре внимания многих исследователей, включая П.Г. Любомирова. Но историки не объясняли, почему именно в эти города отправляются отряды по решению Ярославского совета, приводят лишь общие фразы, типа «на случай нападения шведов». Главная причина укрепления Белоозера, Каргополя и Устюжны, по мнению Замятина – это известие о получении этими городами грамот из Новгорода с призывами присоединиться к Новгородскому государству, присоединиться к шведам. Меры Ярославского совета в отношении городов Белоозера, Каргополя, Устюжны – это меры по обороне всего Поморья от шведов.

В результате посольства Степана Татищева Ярославский совет добился некоторого успеха. Теперь шведы перестали рассылать грамоты по отдельным городам. Я. Делагарди ждал, что в Ярославле изберут Карла-Филиппа царем России, поэтому шведы не стали конфликтовать с Ярославлем по вопросу об этих городах. Но на Северо-Западе шведы продолжают своё наступление. Города Ивангород, Ям, Копорье, Гдов, на которые начали наступление шведы и новгородцы, были сторонниками Лжедмитрия III, а значит – противниками Ярославля.

Кратко остановившись на переговорах в Ярославле с новгородцами (посольство князя Ф.Т. Черново-Оболенского), Замятин сделал вывод, что эти переговоры не привели к желаемому результату, потому что Карл Филипп не прибыл в Новгород.

Более подробно Замятин рассмотрел второе посольство из Ярославля в Новгород Перфирия Секирина в августе 1612 г. Это посольство преследовало цель заключить договор о союзе. П. Секирин должен был вновь потребовать недопущения впредь ведения Новгородскими властями переговоров с отдельными городами «через голову» центральной власти в Ярославле. В отличие от переговоров Ляпунова со шведами Пожарский полностью отказывается от шведской военной помощи в борьбе с поляками за Москву. Эта отправка посольства П. Секирина в Новгород – новый шаг Ярославского совета по отношению к шведам и по защите северных городов. Пожарский стремился избежать открытой войны со шведами и при этом сохранить северные города.

Замятин выясняет причины поспешного похода ополченцев из Ярославля к Москве после почти полугодового стояния в Ярославле. Все исследователи указывают на известие о приближении гетмана Ходкевича к Москве. Но ведь Ходкевич и ранее неоднократно доставлял в Москву подкрепление, припасы и продовольствие. Замятин задает вопрос: почему Пожарский не ждет результатов посольства П.И. Секирина, почему он так твердо уверен в безопасности с Севера?

Шведы сами были заинтересованы в союзе с Нижегородским ополчением. Здесь сыграла свою роль не только длительная борьба Швеции и Польши (шведы хотели иметь Пожарского своим союзником в этой затянувшейся борьбе). Главное, по мнению Замятина, это неудачная война Швеции с Данией, ведь в это время вопрос стоял о самом существовании Швеции. О победах датчан в этой войне знали в Новгороде, хотя всячески пытались это скрыть. Но в Ярославле кн. Д.М. Пожарский знал об этих неудачах шведов. Возможно, в неофициальных беседах с Пожарским новгородский посол кн. Ф.Т. Черново-Оболенский рассказал о трагическом положении Швеции. Более точные сведения Пожарский получил 10 августа от Якова Шау («датский король силен, отнял у шведов многие города»). Война с Данией сковала все силы Швеции – это было на руку ополчению. Руководители Нижегородского ополчения сразу использовали эту благоприятную международную обстановку. Они теперь не опасаются крупных военных операций со стороны шведов, но при этом придерживаются мирной политики по отношению к Новгородскому правительству.

Все силы ополчения брошены против поляков, это привело к победе и к освобождению Москвы. Такая политика, подчеркивал Замятин, не просто искусная, она привела к «полному торжеству великого патриотического дела».

Общий вывод Замятина в данной главе – события в России стоят в тесной связи с событиями в Западной Европе, поэтому невозможно их рассматривать изолированно.

В **заключении** к своему труду Замятин подводит некоторые итоги и повторяет основные выводы, сказанные им в предыдущих главах [2, с. 453–455].

Этот труд Г.А. Замятина, написанный более 70 лет назад, до сих пор не утратил своего научного значения. Вряд ли кто из современных исследователей будет оспаривать основные положения данного сочинения Замятина. Его публикация в Новгородском историческом сборнике, а также данная статья – дань памяти выдающемуся исследователю Смутного времени Герману Андреевичу Замятину.

Приложение 1

Письмо И.У. Будовница Г.А. Замятину¹

Москва, 5 февраля 1951

Проф. Г.А. Замятину, Молотов.

Глубокоуважаемый Герман Андреевич, Ваше письмо от 22 января с.г. получено с большим опозданием. Отвечаю по пунктам.

Ваша статья «Из истории борьбы русского народа со шведской интервенцией в начале XVII в.», в свое время, вызвала ряд возражений со стороны членов редакции и не будет у нас помещена. Возражения эти сводятся главным образом к тому, что в центре внимания статьи находится не «борьба русского народа со шведской интервенцией», а борьба Ганса Мунка с русским народом.

В то время как о народной борьбе против шведской интервенции говорится только в общих чертах, без всяких конкретных данных, в статье на основе скрупулезнейших изысканий приводятся подробные данные о биографии Ганса Мунка, о его продвижении по службе и т.д.

Хуже всего, что шведы не показаны как интервенты: из их интервенционистских подвигов отмечается только то, что они собирали налог в заонежских и оштинских погостах, во всем остальном они даже как будто действуют на пользу Новгорода – «присоединяют» Тихвин к Новгороду, разбив казаков, добиваются прекращения их набегов на Новгородскую землю.

Отмечалось также, что статья велика для нас (4 1/2 листа).

Рукопись при сем возвращается.

НИОР РГБ. Ф. 618 (Фонд Г.А. Замятина). Картон № 9. Ед. хр. 31.

¹ Документы еще не пронумерованы, в папке находятся три письма Замятина Шаскольскому и отрывок из письма Шаскольского Замятину. Благодарю Г.М. Коваленко и Т.И. Шаскольскую за предоставление копий писем.

Письмо Г.А. Замятина И.П. Шаскольскому

22/VI-1952 г.

г. Молотов (обл.)

Искренняя благодарность Вам, Т. Шаскольский, за письмо.

Вы спрашиваете о моей работе о походах Ганса Мунка. Она представляет самостоятельную статью (стр. 100 на машинке). В статье рассмотрены операции Мунка не только в Карелии, но и в других местах. Когда была ответственным секретарем «Исторических Записок» М.В. Рожкова, я получил извещение, что статья о Мунке появится в одном из ближайших выпусков Записок. Но М.В. Рожкову сменил И.У. Будовниц, и статья осталась ненапечатанной.

Разумеется, мне было бы приятно видеть работу о борьбе за Корелу напечатанной². Против сокращения возражать не могу. Из статьи о Мунке можно взять то, что касается операций этого военачальника на территории нынешней Карело-Финской ССР. На доработку статьи потребуется некоторое время. Сейчас у меня горячая пора: приходится председательствовать на госэкзаменах.

Не откажитесь сообщить мне, какое решение примет дирекция Карело-Финского Института касательно моей работы о Кореле.

За сообщение о книге Grill о Я. Делагарди большое спасибо. Надо просмотреть ее перед тем, как начнут печататься Ученые Записки нашего Пединститута: я сдал туда свою работу об освобождении Тихвина, Гдова, Порхова и др. городов из-под власти шведов в 1613–1614 гг.³

Крепко жму Вашу руку и желаю успехов.

Г. Замятин

Адрес: г. Молотов (обл.). Ул. А.С. Попова д. 57, кв. 17.

Архив СПб ИИ РАН. Русская секция. Ф. 332. Оп. 1 (письма).

Список использованных источников и литературы

1. *Замятин Г.А.* Походы шведов в Поморье в начале XVII века / вступит. ст. и коммент. Я.Н. Рабиновича // *Историографический сборник.* Саратов, 2016. Вып. 26. С. 71–128.

² Речь идет о работе Г.А. Замятина, отправленной в Петрозаводск еще в 1951 г. и впервые опубликованной лишь в 2008 г. [13, с. 403–468].

³ Данная работа впервые была опубликована только в 2012 г. [14]

2. *Замятин Г.А.* Военные операции Ганса Мунка в Московском государстве в 1611–1612 гг. и контрмеры вождей Первого и Второго ополчений (вступи. статья, публикация Я.Н. Рабиновича) // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2019. Вып. 18 (28). С. 394–456.

3. *Замятин Г.А.* Военные операции Ганса Мунка в 1611–1612 гг. и контрмеры вождей 1 и 2 ополчения // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 618. Карт. 2. Ед. хр. 1.

4. *Замятин Г.А.* Походы шведов в Поморье в начале XVII в. // Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та. ист.-филол. факультет. 1941. Вып. 8. С. 47–77.

5. *Замятин Г.А.* Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII века // НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 2. Д. 3.

6. *Рабинович Я.Н.* Вокруг докторской диссертации историка Смуты Германа Андреевича Замятина «Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII века» // История и историческая память. Саратов, 2016. Вып. 13/14. С. 104–116.

7. Письмо И.У. Будовница Г.А. Замятину. Москва. 5 февраля 1951 г. // НИОР РГБ. Ф. 618 (Фонд Г.А. Замятина). Карт. № 9. Ед. хр. 31.

8. Письмо Г.А. Замятина И.П. Шаскольскому. Молотов. 22 июня 1952 г. // Архив СПб ИИ РАН. Русская секция. Ф. 332. Оп. 1 (письма).

9. *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

10. *Рабинович Я.Н.* Малые города Новгородской земли в Смутное время / под ред. Г.М. Коваленко. Вел. Новгород, 2013.

11. *Курбатов О.А.* Тихвинское осадное сидение. М., 2006.

12. *Рабинович Я.Н.* Степан Лазаревич Татищев: страницы биографии // Восьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 26-27 мая 2010 г. / под ред. С.П. Постникова. Екатеринбург, 2010. С. 316–324

13. *Замятин Г.А.* Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI – начале XVII вв. // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г.М. Коваленко. СПб., 2008. С. 403–468.

14. *Замятин Г.А.* «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613–1614 гг. / сост. А.Н. Одинок, Я.Н. Рабинович; под ред. Г.М. Коваленко. Великий Новгород, 2012. 212 с.

**ЦАРЬ ПЕТР I И ЕГО ВРЕМЯ
В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА:
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР¹**

Возросший в XX в. интерес к изучению личности Петра I и его реформ нашел отражение в многочисленных исследованиях немецких историков и публикациях источников по истории русско-немецких связей первой четверти XVIII в. Автор представил обзор немецких изданий о Петре I в XX столетии, по результатам которого обосновывается необходимость всестороннего осмысления петровских реформ и создания новой научной биографии Петра I с целью определения роли его личности в истории России.

Ключевые слова: Петр I, немецкая Россия XX века, историография петровских реформ.

М. Schippan

**ZSAR PETER I AND HIS TIME
IN GERMAN LITERATURE XX CENTURY:
BIBLIOGRAPHICAL REVIEW**

The increased interest in the study of Peter I and his reforms in the XX century was reflected in numerous studies of German historians and publications of sources on the history of Russian-German relations in the first quarter of the XVIII century. The author presented a review of German publications about Peter I in the XX century, which justified the need for a comprehensive understanding of Peter's reforms and the creation of a new scientific biography of Peter I in order to determine the role of his personality in the history of Russia.

Key words: Peter the I., German Historiography, 20th century, The Petrine reforms.

**Исследования времени национал-социалистического режима
(1933–1945)**

Некоторые немецкие историки, трудившиеся в период гитлеровского режима (1933–1945), публиковали в своих работах результаты научных исследований, не обращая внимания на идеологическую конъюнктуру и не

¹ Авторизованный перевод с немецкого Е.В. Ермакова. Обзор литературы XVIII–начала XX в. см.: *Шиппан М.* Царь Петр I и его время в немецкой литературе: библиографический обзор // Историографический сборник. Вып. 27. Саратов, 2020. С. 155–182.

заботясь о соблюдении терминологии национал-социалистической идеологии, как это показано в работе Габриэлы Кампхаузен [1].

К этим работам принадлежит исследование погибшего на войне немецкого историка Генриха Дёрриса (1912–1942), до настоящего времени представляющее ценность благодаря богатству использованных источников. Для изучения активной пропаганды и печатной политики царя в немецких территориях Г. Дёррис широко привлекал опубликованную при жизни царя публицистическую литературу, написанную по какому-либо случаю [2, 3, 4]. Трехтомная биография главного соперника Петра I – шведского короля Карла XII, опубликованная немецким историком Отто Хайнцем (1890–1969) [5, 6], остается до настоящего времени самым основательным исследованием об этом правителе. Во времена национал-социализма автор входил в состав пресс-политотдела Министерства иностранных дел. Его попытка реконструировать историю создания «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера была подхвачена Петером Брюне (1964–2013), чья последняя работа об авторе донесений о России Иоганне Готхильфе Фокеродте (1737) была посмертно издана Петером Хофманом [7, 8].

Некоторые популярные биографии царя, опубликованные во времена национал-социализма, как, например, написанные писателями Карлом Барцом (1900–1956), Эрхардом Брайтнером (1884–1943), Хайнаром Шилларом (1894–1955) или военный доклад критически настроенного к нацистскому режиму историка Ганса Хальмана (1897–1985), изучавшего германо-русские отношения во времена Германской империи [9, 10, 11, 12], не обнаруживали ярко выраженные политические тенденции и имели лишь небольшое отношение к национал-социалистической идеологии. Историк-социалист и журналист Курт Керстен (1891–1962), которому в 1937 г. было отказано в германском гражданстве, вынужден был эмигрировать уже в 1934 г. и его книга «Петр Великий. О сущности и причинах исторического величия» смогла появиться в изгнании в Амстердаме [13]. Активные борцы против режима были среди немецких историков России скорее исключением, как, например, исследователь эпохи Екатерины Великой Георг Закке (1902–1945), ставший жертвой национал-социализма [14].

Биография Петра I Рейнхарда Виттрама (1964)

В 1964 г. в ФРГ в издательстве «Ванденхёк & Рупрехт» в Геттингене вышла двухтомная биография царя Петра I Рейнхарда Виттрама (1902–1973), которая только по объему (1132 страниц!) до сегодняшнего дня является образцовым сочинением о русском царе [15, 16, 17, 18, 19]. Интерес к истории прибалтийских провинций привел Виттрама к проведению исследований о Петре I [20, 21, 22, 23, 24]. Работая с 1941 г. ординарным

профессором в университете в Познани, функционировавшем в период немецкой оккупации Польши в 1939–1945 гг., и являясь членом НСДАП, он стремился «преобразовать» национал-социалистскую идеологию рас и народов [25]. Будучи одним из обвиненных в участии в деятельности нацистского режима, Виттрам, впрочем, частично признал свою вину как «ложный путь консерватора» и попытался в своих работах о Петре I, вышедших после 1945 г., без антироссийской враждебности и предрассудков представить царя как одного из авторов международной системы европейских держав XVIII в. Его биография основывается на использовании многочисленных архивов в Вене, Северной Германии и Швеции. Петр I представлен у Виттрама как личность, захваченная идеями европейского Просвещения.

«Немецко-славянская взаимность» у Эдуарда Винтера (1896–1982) и его школы

Следуя программному сочинению словацкого просветителя Яна Коллара «О литературной взаимности между отдельными славянскими племенами и наречиями» (1837), уроженец города Гроттау в Богемии (Габсбургская монархия) бывший католический священник Эдуард Винтер (1896–1982) [26, 27] совместно с ленинградским литературоведом Павлом Наумовичем Берковым (1896–1969) разработал концепцию «немецко-славянской взаимности». Специально эпохе Петра I им посвящены несколько содержательных исторических работ [28, 29]. Современные биографические исследования об Эдуарде Винтере отмечают его творчество в Богемии до 1945 г. и подчеркивают его изворотливость и верность политическому режиму в Германской Демократической Республике после переезда в Галле в 1949 г., а затем в Восточный Берлин, где он работал в университете имени Гумбольдта и Академии наук. Научная деятельность Винтера в ГДР по изучению эпохи Петра I представлена в ряде исследований [30, 31, 32, 33, 34, 35, 36]. Многочисленные немецко-русские культурные взаимосвязи были подвергнуты Винтером «модернизации» из-за стремления к открытию как можно большего количества новых фактов из истории немецко-славянской взаимности в XVIII в. Он сосредоточился прежде всего на ранних формах духовного развития, таких как «ранний гуманизм», «раннее Просвещение» и «ранний либерализм». Эти словообразования встречаются в названиях его монографий 1964, 1966 и 1968 гг. [37, 38, 39]. Все предстало у него в положительно окрашенных тонах. Таким образом, Винтер избежал показа «теневых сторон» в реально осуществляемой царем Петром I политике [40], а также проявления страха и тревоги перед «русской опасностью» в Западной Европе, начиная со второго десятилетия XVIII века. Частично они были вполне оправданными, но

замалчивались до 1989 г. в ГДР и Советском Союзе. Притом, что о них писали Карл Маркс и Фридрих Энгельс, ряд произведений которых о России и славянских народах были запрещены. Эдуард Винтер категорически выступал против тезиса о якобы существующем «западно-восточном уклоне» в культурном развитии и против «западно-европейского культуртрегерства», что соответствовало государственной доктрине ГДР, направленной против Западной Германии Конрада Аденауэра.

Так, в австрийских и российских современниках императора Иосифа I (1678–1711) и Петра I, а также в их советниках Феофане Прокоповиче и принце Евгении Савойском (1663–1736) Эдуард Винтер уже видел представителей «раннего Просвещения». Это означало, что в хронологическом отношении сначала в царской России, стране с самой строгой системой крепостничества в Европе, еще до прихода к власти прусского короля Фридриха II существовал режим «просвещенного абсолютизма» [41]. В его написанном совместно с Гюнтером Мюльпфордтом собрании биографий «Судьбы еретиков» [42] царь Петр I и Феофан Прокопович появились в качестве представителей эпохи Просвещения.

Из школы Эдуарда Винтера вышел берлинский историк Петер Хофман (род. в 1924 г.), который в 1988 г. издал «иллюстрированную историческую тетрадь» о Петре I [43]. В своих мемуарах, опубликованных вторым изданием в 2018 г., он рассказывает о своем профессиональном становлении и при этом постоянно обращается к основополагающим идеям, которые он получил от Винтера [44]. Петер Хофман опубликовал ряд сочинений о Петре I и его эпохе [45, 46, 47].

Гюнтер Мюльпфордт (1921–2017), автор многочисленных исследований о «средне-немецком Просвещении» в «университетском квадрате» Галле/Заале, Лейпциг, Виттенберг, Йена [48, 49, 50, 51], названном так самим Мюльпфордтом, был в окружении Эдуарда Винтера единственным ученым, который, несмотря на членство в правящей партии, был репрессирован в 1958 г. лично первым секретарем Вальтером Ульбрихтом и до 1983 г. отстранен от службы.

Рано ушел из жизни Иоахим Тетцнер (1928–1958), автор исследования о Генрихе Вильгельме Лудольфе (1655–1712), который, будучи автором русской грамматики «Grammatica Russica» (Оксфорд, 1696) и другом пиетистов из Галле, поддерживал оживленные связи Августа Гермманна Франке с Россией [52].

Конрад Грау (1932–2000) представил в своей диссертации первую всестороннюю немецкоязычную биографию русского горного специалиста, географа и историка Василия Никитича Татищева (1686–1750) [53, 54].

В Галле трудился ученик Винтера Эрих Доннерт (1928–2016), опубликовавший биографии Петра I в ГДР, а затем в ФРГ [55, 56, 57].

«Вуппертальский проект» Льва Копелева

В проводимом в Германии с 1985 г. имагологическом исследовании «образа другого» в Германии и России в XVIII в. заслуги принадлежали прежде всего высленному из Советского Союза литературоведу и правозащитнику Льву Копелеву (1912–1997) (другу писателя Генриха Бёлля (Кёльн) и Кристи Вольф (1929–2011), самой известной писательницы Германской Демократической Республики и биографа Генриха Гейне), а также его коллегам: Мехтхильду Келлеру, Карлу Хайнцу Корну (1954–2019) и руководителю «Вуппертальского проекта» Рейнеру Шпрунгу. В 1991 г., когда посвященные царю Петру I статьи уже были опубликованы, в Восточный Берлин прибыли Лев Копелев и Мехтхильд Келлер, чтобы привлечь сотрудников академических институтов, закрытых в том году Сенатом Берлина, для разработки дальнейших томов этого издания [58, 59, 60, 61].

Работы по внешней и внутренней политике в царствование Петра I

Опубликованные до 1986 г. немецкоязычные исследования внешней политики России были проанализированы в статьях изданного Клаусом Цернаком «Справочника по истории России» [62]. Из внешнеполитических исследований исключительно важное значение придается богатой источниками двухтомной монографии Вальтера Медигера (1915–2007), посвященной в основном кровопролитным столкновениям держав в Северной Германии в 1706–1721 гг. [63, 64]. Указанная монография была издана после того, как Вальтер Медигер в 1952 г. опубликовал хронологическое продолжение своих исследований о «возвышении Московии» в период, когда в течение десятилетий после царствования Петра I руководители внешней политики России Г.И.Ф. Остерман и А.П. Бестужев-Рюмин по существу продолжили его государственно-политическую концепцию и опирались на союзы с морскими державами Британией и Голландией, а также с Габсбургским императорским двором, чтобы противостоять поддерживаемой Францией антироссийской политике изоляции царской империи с помощью «Сердечного согласия» («Восточного барьера»), состоявшего из Швеции на севере и Османской империи на юге [65].

Начало «негативной польской политики» во времена Петра I

Работавший сначала в Гиссене, затем во Франкфурте-на-Майне и, наконец, в Свободном университете Берлина Клаус Цернак (1931–2017) учился в Упсале и посвятил свою жизнь исследованию крупных исторических регионов восточной части Центральной Европы и Северо-Восточной Европы. С 1978 г. он имел особые заслуги в разворачивании (западно)

германо-польской дискуссии о школьных учебниках, в рамках которой паритетная комиссия стремилась очистить от легенд и предрассудков учебные программы и учебные пособия обеих стран. Особо ожесточенные столкновения в петровское время между царской армией и польскими повстанцами, организованными в различные антиветтинские конфедерации (Веттины – представители саксонского королевского и княжеского рода, в том числе, Август Сильный, он же – Фридрих Август I Саксонский и Август II Польский. – *Е.Е.*), особенно с Тарноградской конфедерацией 1715 г., будут понятными, если учесть, что образованное в 1569 г. Польско-литовское выборное королевство, простиравшееся от Черного до Балтийского моря, в течение длительного времени изолировало Россию от контактов с протестантской Западной Европой, польские католические вельможи принимали участие в попытках миссионерской деятельности в России, а в начале XVII в. Москва на протяжении нескольких лет была занята польскими войсками. Названием «негативная польская политика» Клаус Цернак обозначил стремление к достижению прочного влияния на политику Речи Посполитой, связанное с насильственным вмешательством в дела Польши царя Петра I после заключения договора 1697 г. между курфюршеством Бранденбургским и Россией, а также с оккупацией польско-литовского выборного королевства после 1715/1716 годов. «Три черных орла» в гербах России, Австрии и Пруссии обрушились на «белого орла» Польши, что в долгосрочной перспективе повлекло за собой ее «растерзание», разделы Польши в 1772, 1793, 1795, 1815 и 1939 гг. Фундаментальный труд Клауса Цернака «Польша и Россия. Два пути в европейской истории» (1994) обеспечил сопоставление развития Польши и России за более чем тысячелетнюю общую историю. Два принципа столкнулись друг с другом в непосредственной географической близости: Петр I основал самодержавную империю в Петербурге, которой противостояла все более распадающаяся польская дворянская республика, в которой дворянские реформаторы, сначала с помощью саксонских веттинцев, тщетно пытались реформировать государство и проложить путь Просвещению [66].

Столкновение в Великой Северной войне (1700–1721), самой долгой войне в Европе XVIII века, Клаус Цернак включил в историю ликвидации господства Швеции в Балтийском регионе [67, 68, 69, 70, 71, 72]. Среди учеников Клауса Цернака был Мартин Шульце Вессель, который в своей диссертации изучил отношения России с Пруссией с 1697 г. [73]. Начиная с изучения истории Берлина и Бранденбурга, а также Восточной Пруссии, которая с 1945 г. больше не входила в состав немецкого государства, исследовались отношения между царем Петром и курфюршеством Бранденбург-Прусским [74, 75, 76, 77, 78, 79, 80]. В отношениях между царем Пет-

ром и Саксонией особую роль всегда играло то обстоятельство, что она соседствовала с польской дворянской республикой, с которой была объединена в личную унию при Веттинах с 1697 по 1763 г. [81, 82, 83, 84, 85]. Австрийско-российские отношения не были подробно охарактеризованы в указанных работах, потому что поездки Петра I через основные страны Габсбургской монархии здесь не рассматривались. По этим вопросам следует, прежде всего, обратиться к многочисленным работам Искры Шварц [86]. Несколько исследований касаются дипломатов царя Петра [87, 88].

Внутренние реформы в России

Военным реформам, в частности созданию и оснащению постоянной армии, разработке военного законодательства и военной подготовке были посвящены монография Петера Хофмана и несколько его отдельных исследований [89, 90, 91]. В продолжение работ шведского историка права Класа Петерсона государственные и административные реформы были исследованы Фридрихом Бертольдом Кайзером и Михаэлем Шиппаном [92, 93, 94]. В приложении к работе Михаэля Шиппана «Возникновение коллегий в России во времена Петра I» представлена просопографическая база данных более чем 135 иностранных чиновников, служащих и офицеров, которые трудились в коллегиях Петра I [94]. В центре исследований по истории экономического и социального устройства России находились имущественные вопросы и положение крестьянства, развитие производства на заводах и мануфактурах, рассмотренные в докторской диссертации Петера Хофмана. При этом новое представление об экономической и социальной политике при царе Петре I основывалось в основном на исследованиях советских историков [95, 96, 97].

«Культурная политика» царя Петра I обобщенно представлена в неопубликованной до настоящего времени докторской диссертации Конрада Грау [98, 99, 100, 101]. Многочисленные исследования посвящены культурным учреждениям петровского времени, из которых здесь можно упомянуть созданную в 1714 г. Кунсткамеру [102, 103, 104], куда был передан доставленный в 1713 г. в Санкт-Петербург Готторпский глобус [105, 106, 107, 108].

Русская православная церковь во времена Петра I

Начиная с XVI в., русская православная церковь находилась под наблюдением протестантских богословов, которые в своей борьбе с римско-католической церковью занимались выяснением исторических истоков разделения церквей и искали общности с «греками». Миротлюбивые планы церковной унии были разработаны, как их представил Франц Ксавер Кифль (1869–1928), на основе выдающихся проектов Готфрида Вильгельма

Лейбница [109, 110, 111]. Во время визита во Петра I Францию в 1717 году католическими священнослужителями Сорбонны был преподнесен царю проект церковного союза. Лютеранский богослов Йенского университета Иоганн Франц Будде (1667–1729) выступил против этого устремления и указал на общие черты между протестантской и русской православной церковью [112, 113, 114]. Царь распорядился, чтобы возникшей в 1716 г. чешско-русской группой переводчиков были переведены на русский язык хорошо известные ему энциклопедии И.Ф. Будде и Й. Гюбнера, однако результат этой работы сохранился только в рукописном виде [115, 116].

В Федеративной Республике Германии (1949–1990), где в отличие от Германской Демократической Республики, вопросы веры и церкви всегда сохраняли решающее влияние на государство и общество, на передний план также вышли церковно-исторические исследования о православной Восточной Церкви и ее отношении к Западным церквям. Здесь также можно назвать диссертацию о русском православии в эпоху Петра Великого Ганса Коха (1894–1959) из Лемберга (с 1772 по 1918 г. город Львов официально носил название Лемберг. – *Е.Е.*), который в период национал-социализма стал «душой» переселения 550 000 немецких людей и кому правительством рейха было поручено создание института, а также многочисленные исследования родившегося в Москве протестантского богослова Роберта Штуппериха (1904–2003) и опубликованную после Второй мировой войны «Историю русской церкви» Игоря Смолича и Грегори Фриза [117, 118, 119, 120, 121].

Вдохновители, соратники и помощники царя Петра I

Обилие литературы и изданий источников посвящено всемирно известному ученому Готфриду Вильгельму Лейбницу (1646–1716) и его связям с Россией [122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134]. Продвигается вперед научное издание его работ, посвященных исследованию Китая [135, 136, 137], и его переписки [138, 139].

Отдельные работы посвящены важнейшим помощникам Петра I, таким как ливонский генерал и дипломат Иоганн Рейнгольд фон Паткуль (1660–1706) [140], государственный реформатор и камералист из Гамбурга Генрих Фик (1678–1750) [141, 142, 143]. Организатор горного дела в Олонечкой области и на Урале генерал-лейтенант Георг Вильгельм фон Геннин (1676–1750) происходил не из Голландии, как часто указывается в литературе, а из Зигена в Вестфалии [144]. Дипломат Генрих Иоганн Фридрих Остерман из Бохума (1687–1747) и строитель каналов и генерал Бурхард Кристоф фон Миних (1683–1767) [145, 146, 147, 148, 149] в течение десятилетий после смерти Петра I заняли лидирующие позиции в российской государственной системе. Русский купец и изобретатель Иван Тихо-

нович Посошков (1652–1719) принадлежал к тем людям, не происходившим из дворянства и не принадлежавшим к бюрократии, которые заботились о судьбах всей российской государственности, но за это наткнулись на недопонимание и оказались в заключении [150]. Уроженец Санкт-Петербурга Эрик Амбургер (1907–2001) в течение десятилетий собирал биографические данные о немцах, приезжавших в Россию, в Московскую Немецкую слободу, в столицу на Неве, основанную в 1703 г., а также в другие районы страны [151, 152, 153, 154].

Германия–Россия. Этапы общей истории

В 2018 г. был опубликован результат совместного труда немецких и российских авторов, посвященный «долгому XVIII веку» [155]. Большую часть авторов составляли исследователи русского происхождения. Вместе с семью немецкими учеными они написали в общей сложности 36 статей. Для создания представления о Священной Римской империи германской нации были привлечены Хорст Мёллер, Вольфганг Нойгебауэр, Гельмут Нойхаус и Франк-Лотар Кролль. Были рассмотрены имперские территории Гольштейн, Ганновер и Брауншвейг-Вольфенбюттель, которые занимали видное место в политике Петра I, кроме того, Баден, Вюртемберг и Саксония-Веймар, а также Австрия (статья Ольги Хавановой). Династические брачные связи русского правящего дома с преимущественно немецкими княжескими домами исследовали Николай Петрухинцев, Сергей Искюль и Клаус Шарф. Михаэль Г. Мюллер и Борис Носов для изображения польско-литовской выборной монархии в период с 1697 по 1763 г., использовали концепцию Клауса Цернака о «негативной польской политике». Готфриду Вильгельму Лейбницу было посвящено сразу две статьи (Сергей Искюль, Кирилл Осповат). Зато о предпринимательстве и торговле не было написано ни одной статьи, хотя еще основанная при Петре I прусско-российская торговая компания (1724–1738) и балтийская торговля представляются перспективными темами. В отличие от большинства работ школы Эдуарда Винтера и «Западно-восточного отражения» Льва Копелева была предложена не только «история успеха», но и приняты во внимание военные противостояния, беспощадность во время ведения войны и тяготы зависимого населения (например, у Акселя Готтхарда и Сергея Польского). Противоречивые точки зрения редко сталкиваются в этом томе. Майя Лавринович и Клаус Шарф выработали в своей статье совместную позицию о значении Немецкой слободы для молодого Петра I.

Необходима новая биография царя Петра I

Предстоящий в 2022 г. 350-летний юбилей царя Петра I может быть поводом для размышлений о том, как можно использовать возросшую в

последние десятилетия публикацию исследовательской литературы и источников, чтобы на новой основе оценить по достоинству его личность и реформаторскую деятельность. Более 55 лет прошло с момента появления научной биографии Рейнхарда Виттрама 1964 г. Для удовлетворения потребности публики в наглядном изображении обстоятельств жизни царя получили распространение, прежде всего в Западной Германии, популярные биографии Петра I швейцарского дипломата, политического деятеля и писателя Анри Валлотона (1891–1971) [156, 157], родившегося в Москве эмигранта Анри Труайя (1911–2007), происходившего из армянской купеческой семьи, которого на самом деле звали Лев Тарасов и который кроме биографии Петра I создал более 100 литературных произведений [158, 159, 160, 161], или недавно умершего американского историка Роберта К. Масси (1929–2019) [162], а также собрание иллюстративных документов у Рейнхольда Неймана-Ходица (1926–1999) [163].

Для разработки новой биографии Петра I важны представления о том, что Россия не только открыла «окно в Европу» (Франческо Альгаротти, 1739) и вступила в оживленные взаимоотношения с европейскими странами, но и выступала в качестве посредника между Европой и Азией. Если в немецкой литературе, естественно, на первый план выходили контакты Петра с европейским Западом, то не следует забывать, что царь всегда имел в виду политические и торговые интересы царской империи в отношениях с Османской империей, Персией и Индией, а также с соседним Китаем [164, 165, 166, 167]. В Германии эти азиатские крупные регионы находились с XVII века в центре внимания ученых в области теологии, истории и географического востоковедения. Россиеведение и востоковедение были тесно связаны между собой. Вышедшее по случаю персидского похода Петра I 1722–1723 гг. обширное изложение неизвестного автора позволяет распознать эту связь между россиеведческим и востоковедческим интересом [168].

В вопросе о пользе и об издержках петровских преобразований для России и ее населения необходимо в связи с ведущими работами П.Н. Миллюкова, Б.Н. Миронова и Е.В. Анисимова выработать критерии для определения, какие последствия имели реформы для подъема государственной экономики, а также для жизни миллионов простых людей в России. Петр I создал в России прежде всего «военное государство». Армия выступала как единственное государственное средство для достижения отдаленных земель. Исходя из работ Юрия Николаевича Смирнова о русской гвардии при царе Петре I, необходимо изучить, какова была роль «военного фактора» в России в первых десятилетиях XVIII в. по сравнению с Европой. База источников для исследований будет расширена, если будет продолжено издание писем и бумаг Петра [169] после 1713 г.

Между тем следует отметить, что инициатива важных реформ и новых законов исходила прежде всего от самого Петра Великого. Примечательно, что со времени появления сочинения Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918) «О роли личности в истории» [170] больше не вышло ни одной работы на эту тему. Спустя десятилетия, когда исследования на Востоке и Западе были сосредоточены главным образом на структурах и более или менее долгосрочных процессах, и временами выдвигался тезис о «взаимозаменяемости ведущих личностей», а биографии переходили в область более или менее популярных и полу-беллетристических сочинений, новая биография царя Петра I может обратить внимание на то, что такие исторические деятели в России, как Екатерина Великая, царь-реформатор Александр II, Ленин, Сталин или Горбачев, весьма существенно повлияли на ход развития страны.

Список использованных источников и литературы

1. *Camphausen G.* Die wissenschaftliche historische Russlandforschung im Dritten Reich 1933–1945. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris, 1990.
2. *Dörries H.* Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Großen. Studien zur zeitgenössischen Publizistik und Staatenkunde (Osteuropäische Forschungen. Neue Folge; 26). Königsberg; Berlin, 1939.
3. *Dörries H.* Dunkle Existenzen und dunkle Machenschaften im Schatten Peters des Großen // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas 4 (1939). S. 111–135.
4. *Dörries H.* Peter des Großen Beziehungen zu Danzig 1716/17 und die Begründung der russischen Agentur // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte I (1954). S. 23–44.
5. *Haintz O.* König Karl XII. von Schweden. Bd. 1–3. Stockholm, 1936–1958.
6. *Haintz O.* Karl XII. und Peter der Große vor Pultawa 1709 // Preußische Jahrbücher CCXV (1929). S. 30–47, 136–157.
7. *Haintz O.* Peter der Große, Friedrich der Große und Voltaire. Zur Entstehungsgeschichte von Voltaires „Histoire de l’Empire de Russie sur Pierre le Grand“ (Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und literaturwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1961. Nr. 5). Mainz, 1962.
8. *Brüne P.* Johann Gotthilf Vockerodt und sein Einfluß auf das Rußlandbild Friedrichs des Großen und Voltaires. Hrsg. von Peter Hoffmann. Mit einem Nachwort von Michael Schippan. Berlin, 2018.
9. *Bartz K.* Peter der Große. Berlin, 1936.
10. *Breitner E.* Peter der Große Zar. Rußland an der Wende. Berlin, 1936.
11. *Schillar H.* Peter der Große. Selbstherrscher aller Reußen. Dresden, 1941.
12. *Hallmann H.* Karl XII. und Peter der Große. Bonn, 1944.
13. *Kersten K.* Peter der Große. Vom Wesen und den Ursachen historischer Größe. Amsterdam, 1935.
14. *Hoelzer V.* Georg und Rosemarie Sacke. Zwei Leipziger Intellektuelle und Antifaschisten. Leipzig, 2004.

15. *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bd. 1–2. Göttingen, 1964.
16. *Wittram R.* Peter der Große. Der Eintritt Rußlands in die Neuzeit. Berlin; Göttingen; Heidelberg, 1954.
17. *Wittram R.* Peters des Großen erste Reise in den Westen. Hermann Aubin zum 22. Dezember 1955 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge 3 (1955). Heft 4. S. 373–403.
18. *Schmidt Chr.* Alte Dogmen und neue Fragen: Rußland im 18. Jahrhundert // *Das Achtzehnte Jahrhundert*. Zeitschrift der Deutschen Gesellschaft für die Erforschung des 18. Jahrhunderts 31/1 (2007). S. 65–78.
19. *Białkowski B.* Reinhard Wittram an der «Reichsuniversität Posen». Die Illusion einer baltischen Variante des Nationalsozialismus // *Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich*. Hrsg. von Michael Garleff. Bd. 2. 2. durchgesehene und ergänzte Auflage. Köln; Weimar; Wien, 2008. S. 353–384.
20. *Wittram R.* Geschichte der baltischen Deutschen. Grundzüge und Durchblicke. Stuttgart; Berlin, 1939.
21. *Wittram R.* Geschichte der Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918. Umrisse und Querschnitte. München, 1945.
22. *Wittram R.* Peter der Große und Livland. Zur Kernfrage des Nordischen Krieges // *Deutschland und Europa*. Historische Studien zur Völker- und Staatenordnung des Abendlandes. Festschrift für Hans Rothfels. Düsseldorf, 1951. S. 233–269.
23. *Wittram R.* Eine Göttinger Lobrede auf Peter den Großen aus dem Jahre 1750 // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen 1: Philologisch-historische Klasse* (1951). S. 1–6.
24. *Wittram R.* Patkul und der Ausbruch des Nordischen Krieges // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen* (1952) 9. S. 201–232.
25. *Wittram R.* Der Deutsche als Soldat Europas. Posen, 1943.
26. *Winter E.* Deutsch-slawische Wechselseitigkeit, besonders in der Geschichte der Wissenschaft. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Gesellschaftswissenschaften; 4). Berlin, 1981.
27. *Jarosch G.* Bibliographie der wissenschaftlichen Arbeiten Eduard Winters // *Wegbereiter der deutsch-slawischen Wechselseitigkeit*. Mit Unterstützung zahlreicher Freunde der deutsch-slawischen Wechselseitigkeit hrsg. von Eduard Winter (†) und Günther Jarosch. Berlin, 1983. S. 413–448.
28. *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert (Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik 2). Berlin, 1953.
29. *Winter E.* Russland und das Papsttum. Bd. 2. Berlin, 1964.
30. *Luft I.* Eduard Winter zwischen Gott, Kirche und Karriere. Vom böhmischen katholischen Jugendbundführer zum DDR-Historiker. Leipzig, 2016.
31. Die Rezension von Peter Hoffmann zu Nr. 30 (Luft I.) // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 3 (2017). S. 288–290.
32. Josephinismus zwischen den Regimen. Eduard Winter, Fritz Valjavec und die zentraleuropäischen Historiographien im 20. Jahrhundert. Hrsg. von Franz Leander Fillafer / Thomas Wallnig (Schriftenreihe der Österreichischen Gesellschaft zur Erforschung des 18. Jahrhunderts; 17). Köln; Wien, 2017.
33. *Němec J.* Zpráva o originalitě a přizpůsobení se sudetoněmeckého historika. Brno, 2017.

34. *Hoffmann P.* Absolutismus und Aufklärung in Russland in der Sicht der deutschen Geschichtsschreibung nach 1945 (Zur Einordnung der Forschungen Eduard Winters) // Deutsch-russische kulturelle und wissenschaftliche Wahrnehmungen und Wechselseitigkeiten vom 18. bis 20. Jahrhundert. Hrsg. von Ingrid Kästner / Wolfgang Geier (Europäische Wissenschaftsbeziehungen; 11). Aachen, 2016. S. 23-40.
35. *Schippan M.* 100 Jahre Berliner Forschungen zum Thema «Rußland im 18. Jahrhundert» // Berliner Jahrbuch für Osteuropäische Geschichte 1 (1995). S. 7–27.
36. *Schippan M.* Vergleichende Forschungen in der DDR zur osteuropäischen Geschichte der Frühen Neuzeit // Berliner Jahrbuch für Osteuropäische Geschichte. 1996/1. Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht (1996). S. 391–411.
37. *Winter E.* Frühhumanismus. Seine Entwicklung in Böhmen und seine Bedeutung für die Kirchenreformbestrebungen im 14. Jahrhundert. Berlin, 1964.
38. *Winter E.* Frühaufklärung. Der Kampf gegen den Konfessionalismus und die deutsch-slawische Begegnung in Mittel- und Osteuropa. Beiträge zur Geschichte des religiösen und wissenschaftlichen Denkens; 6). Berlin, 1966.
39. *Winter E.* Frühliberalismus in der Donaumonarchie. Religiöse, nationale und wissenschaftliche Strömungen von 1790–1868. Berlin, 1968.
40. *Erren L.* «Tödlicher Jähzorn»? Die Gewalttaten Peters des Großen in der Wahrnehmung von Zeitgenossen und Historikern // Zeitschrift für historische Forschung 40 (2013) 3. S. 293–428.
41. *Winter E.* Petrinismus und Josefinismus. Russisch-österreichische Wechselbeziehungen in der Aufklärung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (1977) 9. S. 1046–1054.
42. *Winter E.* unter Mitarbeit von Mühlpfordt G. Ketzerschicksale. Christliche Denker aus 9 Jahrhunderten. 2. Auflage. Zürich; Köln, 1983.
43. *Hoffmann P.* Peter der Große. Zar und Reformier (illustrierte historische hefte; 49). Berlin, 1988.
44. *Hoffmann P.* In der hinteren Reihe. Aus dem Leben eines Osteuropa-Historikers in der DDR. 2. Auflage. Berlin, 2018.
45. *Hoffmann P.* Zur deutschen Rußlandkunde und zum deutschen Rußlandbild des 17. und 18. Jahrhundert // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 8 (1978). S. 700–712.
46. *Hoffmann P.* St. Petersburg – Stadt und Hafen. Berlin, 2003.
47. *Hoffmann P.* Studien zur Kultur- und Wissenschaftsgeschichte sowie zu den deutsch-russischen Beziehungen des 18. und 19. Jahrhunderts (18. – 1. Hälfte des 19. Jahrhunderts). Hrsg. von Lothar Kölm / Michael Schippan. Frankfurt am Main, 2015.
48. *Mühlpfordt G.* Halle-Leipziger Aufklärung: Kernstück der mitteldeutschen Aufklärung. Halle (Saale), 2011.
49. *Mühlpfordt G.* Populäraufklärung und Bildungsmacht. Johann Hübner – Werk und Wirkung // Gesellschaft und Kultur Rußlands im 18. Jahrhundert. Hrsg. von Erich Donnert. Bd. 2 (Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg 1983/21. C 28). Halle/Saale, 1983. S. 232–264.
50. *Mühlpfordt G.* Gelehrtenrepublik Leipzig. Wegweiser- und Mittlerrolle der Leipziger Aufklärung in der Wissenschaft // Leipzig. Aufklärung und Bürgerlichkeit. Hrsg. von Wolfgang Martens (Zentren der Aufklärung, III. Wolfenbütteler Studien zur Aufklärung; 17). Heidelberg, 1990. S. 39–101.
51. *Mühlpfordt G.* Rußlands Aufklärer und die Mitteldeutsche Aufklärung: Begegnungen, Zusammenwirken, Partnerschaft // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Bildung. Hrsg. von Conrad Grau / Serguei Karp / Jürgen Voss (Wolfenbütteler Forschungen; 74). Wolfenbüttel, 1997. S. 83–171.

52. *Tetzner J. H. W.* Ludolf und Russland. Berlin, 1955.
53. *Grau C.* Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev (1686-1750) (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas; 13). Berlin, 1963.
54. *Schippam M.* Conrad Grau und die Erforschung der europäischen Aufklärung // Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät der Wissenschaften zu Berlin 98 (2008). S. 31–41.
55. *Donnert E.* Peter der Große. Göttingen, 1987.
56. *Donnert E.* Peter der Große. Leipzig, 1988.
57. *Donnert E.* Peter (I.) der Große // Die russischen Zaren 1547–1917. Hrsg. von Hans-Joachim Torke. München, 1994. S. 155–178.
58. *Kopelew L.* West-östliche Spiegelungen. Russen und Rußland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis ins 20. Jahrhundert. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew. Reihe A. Bd. 1: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 9. - 17. Jahrhundert. Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Ursula Dettbarn und Karl-Heinz Korn. München, 1985.
59. *Kopelew L.* West-östliche Spiegelungen. Russen und Rußland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis ins 20. Jahrhundert. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew. Reihe A Bd. 2: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Hrsg. von Mechthild Keller. München, 1987.
60. *Kopelew L.* West-östliche Spiegelungen. Russen und Rußland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis ins 20. Jahrhundert. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew. Reihe B. Bd. 2: Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Hrsg. von Dagmar Herrmann unter Mitarbeit von Karl-Heinz Korn. München, 1992.
61. *Hübner E.* Peter der Große. Auch Deutschland lag im Westen; Christian Lübke: Von Peters «Vedomosti» zu Karamzins Journalen // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Hrsg. von Dagmar Herrmann unter Mitarbeit von Karl-Heinz Korn (West-östliche Spiegelungen. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder. Reihe B, Bd. 2). München, 1992. S. 227–268.
62. Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 2: 1613–1856. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. Hrsg. von Klaus Zernack. Stuttgart, 1986.
63. *Mediger W.* Mecklenburg, Rußland und England-Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Bd. 1–2. Hildesheim, 1967.
64. *Wick P.* Versuche zur Errichtung des Absolutismus in Mecklenburg in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Territorialabsolutismus. Berlin, 1964.
65. *Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Großen. Braunschweig, 1952.
66. *Zernack K.* Polen und Russland. Zwei Wege in der europäischen Geschichte. Berlin, 1994.
67. *Zernack K.* Der große Nordische Krieg // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 2: 1613–1856. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. Stuttgart, 1986. S. 246–286.
68. *Zernack K.* Der große Nordische Krieg // Nordosteuropa. Skizzen und Beiträge zu einer Geschichte der Ostseeländer. Lüneburg, 1993. S. 157–202.

69. *Zernack K.* Die skandinavischen Reiche von 1654 bis 1772 // Handbuch der europäischen Geschichte. Hrsg. von Theodor Schieder. Bd. 4: Europa im Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung. Stuttgart, 1968. S. 511–548.
70. *Zernack K.* Das Zeitalter der nordischen Kriege von 1558 bis 1809 als frühneuzeitliche Geschichtsepoche // Zeitschrift für Historische Forschung 1 (1974). S. 55–79.
71. *Zernack K.* Schweden als europäische Großmacht der frühen Neuzeit // Historische Zeitschrift 232 (1981). S. 327–357.
72. *Zernack K.* Der große Nordische Krieg und das europäische Staatensystem. Zu den Grundlagen der preußisch-polnischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. In: Ders.: Preußen – Deutschland – Polen. Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen. Hrsg. von Wolfram Fischer / Michael G. Müller (Historische Forschungen; 44). Berlin, 1991. S. 261–278.
73. *Schulze Wessel M.* Rußlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697–1947. Stuttgart, 1995.
74. *Koehne B. von.* Berlin, Moskau, St. Petersburg. 1649–1763. Ein Beitrag zur Geschichte der freundschaftlichen Beziehungen zwischen Brandenburg-Preußen und Rußland. Berlin, 1882.
75. *Forstreuter K.* Preußen und Rußland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Großen (Göttinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft; 23). Göttingen, 1955.
76. *Hassinger E.* Brandenburg-Preußen, Rußland und Schweden 1700–1713 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes; 2). München, 1953.
77. *Schippan M.* Zar Peter I. in Brandenburg-Preußen // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands 44 (1996). S. 19–43.
78. *Schippan M.* Die russische Botschaft in Berlin zur Fridericianischen Zeit // Fridericianische Miniaturen. Hrsg. von Jürgen Ziechmann 4. Bremen, 1997. S. 182–198, 284–298.
79. *Schippan M.* Mächtepolitik und Aufklärung an Spree und Neva // Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert). Ausstellungskatalog. Hrsg. von Lew Kopelew / Karl-Heinz Korn / Rainer Sprung. Köln, 1997. S. 195–216.
80. *Schippan M.* Zar Peter der Große in Havelberg im November 1716 // Havelberg – kleine Stadt mit großer Vergangenheit. Hrsg. von der Stadt Havelberg. Halle, 1998. S. 119–132.
81. *Weber K. von.* Die Besuche Peter des Großen in Dresden // Archiv für die Sächsische Geschichte XI (1873) S. 337–350.
82. *Donnert E.* Vom Bündnis zur Gegnerschaft – Peter der Große und August der Starke im Nordischen Krieg // Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert). Wanderausstellung durch Deutschland und Rußland. Dokumentation. Hrsg. von Lew Kopelew / Karl-Heinz Korn / Rainer Sprung. Köln, 1997. S. 153–168.
83. *Kobuch A.* Sachsen-Polen und Rußland im Großen Nordischen Krieg. Aspekte der Zusammenarbeit zwischen König August II. von Polen und Zar Peter I. von Rußland // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlpfordt. Bd. 3: Aufbruch zur Moderne. Hrsg. von Erich Donnert. Weimar; Köln; Wien, 1997. S. 499–530.
84. *Syndram D.* Peter und August – eine «Entente cordiale» zwischen Rußland und Sachsen // Rußland und Sachsen in der Geschichte. Dresdner Hefte. Beiträge zur Kulturgeschichte. 21. Jg. Heft 74. 2/2003. S. 4–12.
85. *Schippan M.* Peter der Große in Sachsen // Sachsen und Russland. Sächsische Heimatblätter. Zeitschrift für Sächsische Geschichte, Landeskunde, Natur und Umwelt. 65. Jahrgang. 2 (2019). S. 103–111.

86. Die Flucht des Thronfolgers Aleksej. Krise in der «Balance of Power» und den österreichisch-russischen Beziehungen am Anfang des 18. Jahrhunderts. Hrsg. von Iskra Schwarz (Austria: Forschung und Wissenschaft. Geschichte; 16). Berlin; Münster; Zürich, 2019.
87. *Amburger E.* Das diplomatische Personal des russischen Auswärtigen Dienstes unter Peter I. // Das Vergangene und die Geschichte. Festschrift für Reinhard Wittram zum 70. Geburtstag. Hrsg. von Rudolf von Thadden. Göttingen, 1973. S. 298–311
88. *Altbauer D.* The Diplomats of Peter the Great // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. 28 (1980). S. 1–16.
89. *Hoffmann P.* Peter der Große als Militärreformer und Feldherr. Frankfurt am Main, 2010.
90. *Hoffmann P.* Reformen im russischen Bildungswesen unter Peter I. Militärpolitische Aspekte // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte 2 (1995). S. 81–95.
91. *Hoffmann P.* Militärische Ausbildungsstätten in Russland als Zentren der Aufklärung // Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825). Hrsg. von Gabriela Lehmann-Carli / Michael Schippan / Birgit Scholz / Silke Brohm (Aufklärung und Europa). Berlin, 2001. S. 249–260.
92. *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception (Rättshistoriskt Bibliotek; XXXIX). Stockholm, 1979.
93. *Kaiser F.B.* Der europäische Anteil an der russischen Rechtsterminologie der petrinischen Zeit // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 9 (1973). S. 75–333.
94. *Schippan M.* Die Einrichtung der Kollegien in Rußland zur Zeit Peters I. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte; 51). Wiesbaden, 1996.
95. *Hoffmann P.* Rußland im Zeitalter des Absolutismus 1649–1789 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas; XXX). Berlin; Vaduz, 1988.
96. *Ordega S. von.* Die Gewerbepolitik Rußlands von Peter I. bis Katharina II. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Gewerbelebens. Tübingen, 1885.
97. *Leontief W.* Peter der Große Seine Wirtschaftspolitik und sein angeblicher Merkantilismus. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 2 (1937). S. 234–271.
98. *Grau C.* Petrinische kulturpolitische Bestrebungen und ihr Einfluß auf die Gestaltung der deutsch-russischen wissenschaftlichen Beziehungen im ersten Drittel des 18. Jahrhunderts. Phil. Habilitationsschrift. Berlin, 1966 (Maschinenschrift, Computerabschrift durch Peter Hoffmann im Besitz des Verfassers).
99. *Grau C.* Der petrinische Kulturpolitiker Jakob Bruce (1670–1735). Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas 20/2 (1976). S. 25–41.
100. *Donnert E.* Kultur und Wissenschaften im Reformwerk Peters des Großen // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlpfordt. Hrsg. von Erich Donnert. Bd. 7. Köln, 2008. S. 685–696.
101. *Hinz W.* Peters des Großen Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit. Phil. Diss. Leipzig, 1931 // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge 8 (1932). S. 349–447.
102. *Baur D., Plaßmeyer P.* Physikalische Apparate und mechanische Spielereien – Peters I. Besuche in Dresden, in der kurfürstlichen Kunstkammer und in den Werkstätten // Palast des Wissens. Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Großen. Hrsg. von Brigitte Buberl/Michael Dückershoff im Auftrag des Museums für Kunst- und Kulturgeschichte Dortmund und des Schlossmuseums Gotha. Bd. 2: Beiträge. München, 2003. S. 105–115.
103. *Scodock C.* Zwei kaiserliche Sammlungen in St. Petersburg im 18. Jahrhundert. Die Kunstkammer Peters I. und die Anfänge der Staatlichen Eremitage unter Katharina II //

Museen und fürstliche Sammlungen im 18. Jahrhundert. Museums and Princely Collections in the 18th Century. Internationales Kolloquium des Herzog Anton Ulrich Museums Braunschweig und des Instituts für Kunstgeschichte der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Braunschweig, 3.-5. März 2004. Braunschweig, 2007. S. 17–22.

104. *Kopaneva N.* Die Kunstkammer Peters des Großen und die Akademie der Wissenschaften St. Petersburg. Das Museum und die Entstehung der modernen Wissenschaften (1714–1747) // Ordnen – Vernetzen – Vermitteln. Kunst und Naturalienkammern der Frühen Neuzeit als Lehr- und Lernorte. Halle, 2018. S. 283–296.

105. *Willms U.* Zar Peter der Große, der Zimmermann Christoffer de Hio und der Götter Globus. Rendsburg, 1990.

106. *Karpeev E.P.* Der grosse Götter Globus. St. Peterburg, 2003.

107. *Guratzsch H.* Der neue Götter Globus. 3., veränderte Auflage. Schleswig, 2006.

108. *Jensen M.* Das Weltwunder von Götter. Schleswig, 2008.

109. *Kiefl F.X.* Der Friedensplan des Leibniz zur Wiedervereinigung der getrennten christlichen Kirchen. Aus seinen Verhandlungen mit dem Hofe Ludwigs XIV., Leopolds I. und Peters des Großen. Paderborn, 1903.

110. *Amburger E.* Geschichte des Protestantismus in Rußland. Stuttgart, 1961.

111. *Stupperich R.* Peter der Große und die Russische Kirche. Ausgewählte Aufsätze II (Bellorophon I. Studien zur antiken und christlichen Kultur- und Religionsgeschichte). Möhnesee, 2004. S. 45–63.

112. *Buddeus J.F.* Erörterung der Frage Ob eine Vereinigung Der Römisch-Catholischen und Rußischen Kirchen zu hoffen sey? Durch Veranlassung einer Schrifft, welche Einige Lehrer der Sorbonne zu Paris Sr. Czaaris. Majestät Bey Dero hohen Gegenwart überreicht [...]. Aus dem Lateinischen ins Teutsche übersetzt von T.E. Jena, 1719.

113. *Buddeus J.F.* Ecclesia Romana Cum Ruthenica Irreconciliabilis Seu Scriptum Aliquod Doctorem Quondam Sorbonicorum Augustissimo Russorum Imperatori [...]. Jena, 1719.

114. *Stupperich R.* Feofan Prokopovič und Johann Franz Buddeus // Peter der Große und die Russische Kirche. Ausgewählte Aufsätze II (Bellorophon I. Studien zur antiken und christlichen Kultur- und Religionsgeschichte). Möhnesee, 2004. S. 193–202.

115. *Feyl O.* Beiträge zur Geschichte der slawischen Verbindungen und internationalen Kontakte der Universität Jena. Jena, 1960. S. 115–116.

116. *Schippan M.* Vasilij Nikitič Tatišev und sein Lexikon. Zu den Anfängen der Enzyklopädistik in Russland im 18. Jahrhundert // Weltwissen. Das Eigene und das Andere in Enzyklopädien und Wörterbüchern des 18. und frühen 19. Jahrhunderts. Hrsg. Ina Ulrike Paul. Wiesbaden, (in Satz). S. 162–185.

117. *Koch H.* Die russische Orthodoxie im petrinischen Zeitalter. Ein Beitrag zur Geschichte westlicher Einflüsse auf das ostslavische Denken. Breslau, 1929.

118. *Stupperich R.* Staatsgedanke und Religionspolitik Peters des Großen. Diss. Berlin, 1934.

119. *Stupperich R.* Peter der Große und die Russische Kirche. Ausgewählte Aufsätze II (Bellorophon I. Studien zur antiken und christlichen Kultur- und Religionsgeschichte). Möhnesee, 2004.

120. *Wittram R.* Peters des Großen Verhältnis zur Religion und zu den Kirchen. Gabe, Vernunft, Leidenschaft. München, 1952.

121. *Smolitsch I.* Geschichte der russischen Kirche. Bd. II. Hrsg. von Gregory L. Freze (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte; 45). Berlin, 1991.

122. *Posselt M. von.* Peter der Grosse und Leibniz. Dorpat; Moskau, 1845.

123. *Bittner K.* Slavica bei G.W. Leibniz // Germanoslavica 1 (1931/32). S. 3–31, 161–234, 509–557.
124. *Richter L.* Leibniz und sein Rußlandbild. Berlin, 1946.
125. *Benz E.* Leibniz und Peter der Große. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftsgeschichte seiner Zeit. Berlin, 1947.
126. *Faak M.* Leibniz und Rußland // Spektrum. Mitteilungsblatt für die Mitarbeiter der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 12 (1966). S. 350–353.
127. *Boetticher M. von.* Leibniz und Rußland. Begegnungen zwischen Leibniz und Peter dem Großen // Reformen für Rußland. Leibniz und Peter I. und der Transformationsprozeß der Gegenwart. DAMU–Hefte Lomonossow 3/1998. Berlin, 1998. S. 9–18.
128. *Hancke H.* Sie trafen sich in Torgau. Vor dreihundert Jahren auf Schloß Hartenfels. Leibniz und Peter der Große // Sächsische Heimatblätter. Zeitschrift für sächsische Geschichte, Denkmalpflege, Natur und Umwelt. Bd. 58 (2012) 2. S. 136–141.
129. *Luckscheiter S.* Die erste Europa-Reise Peters des Großen im Spiegel des Leibniz-Nachlasses (1697-1698). Mit Quellenmaterial und einem Anhang (Hefte der Leibniz-Stiftungsprofessur 9). Hannover, 2012.
130. *Luckscheiter S.* Auskünfte für und von Leibniz über Zar Peter I. und die große russische Gesandtschaft (1697-1698) // Komma und Kathedrale, Tradition, Bedeutung und Herausforderung der Leibniz-Edition. Hrsg. von Wenchao Li. Berlin, 2012. S. 293–299.
131. *Schippam M.* Der «Solon Russlands» und der Zar. Gottfried Wilhelm Leibniz, Peter der Große und die europäischen Wissenschaftsbeziehungen // G.W. Leibniz und die gelehrte Welt Europas um 1700 (Europäische Wissenschaftsbeziehungen; 6). Hrsg. von Berthold Heinecke / Ingrid Kästner. Aachen, 2013. S. 133–153.
132. *Roll Chr.* Barbaren? «Tabula rasa»? Wie Leibniz sein neues Wissen über Russland auf den Begriff brachte. Eine Studie über die Bedeutung und Vernetzung gelehrter Korrespondenzen für die Ermöglichung aufgeklärter Diskurse // Umwelt und Umweltgestaltung. Leibniz' politisches Denken in seiner Zeit. Göttingen, 2015. S. 307–358.
133. *Stuber R.* Leibniz' Bemühungen um Russland: eine Annäherung // 1716 – Leibniz' letztes Lebensjahr. Unbekanntes zu einem bekannten Universalgelehrten (Gottfried Wilhelm Leibniz Bibliothek. Forschung; 2). Hrsg. von Michael Kempe. Hannover, 2016. S. 203–239.
134. *Мезин С.А.* Петр I, Лейбниц и Сперанский // Российская история. 2011. № 1. С. 115–120.
135. *Leibniz G.W.* Sämtliche Schriften und Briefe. Preußische Akademie der Wissenschaften zu Berlin [später:] Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin [später:] Akademie der Wissenschaften der DDR [jetzt:] Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, Leibniz-Forschungsstelle Hannover der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen beim Leibniz-Archiv der Gottfried-Wilhelm-Leibniz-Bibliothek Hannover (Hgg.). Darmstadt [später:], Leipzig [jetzt:]. Berlin, 1923–2012.
136. *Leibniz G.W.* Der Briefwechsel mit den Jesuiten in China (1689–1714). Hrsg. und mit einer Einleitung versehen von Rita Widmaier. Textherstellung und Übersetzung von Malte-Ludolf Babin. Französisch/lateinisch-deutsch (Philosophische Bibliothek 548). Hamburg, 2006.
137. *Leibniz G.W.* Briefe über China (1694–1716). Die Korrespondenz mit Barthélemy des Bosses S. J. und anderen Mitgliedern des Ordens. Hrsg. und kommentiert von Rita Widmaier und Malte-Ludolf Babin. Textauswahl und Einleitung von Rita Widmaier. Textherstellung und Übersetzung von Malte-Ludolf Babin. Französisch/lateinisch/italienisch – deutsch. Hamburg, 2017.

138. Gottfried Wilhelm Leibniz – Kurfürstin Sophie von Hannover: Briefwechsel. Hrsg. von Wenchao Li. Aus dem Französischen von Gerda Utermöhlen und Sabine Sellschopp. Hannover, 2017.
139. Leibniz-Biographien. Eberhard, Johann August: Gottfried Wilhelm Freyherr von Leibnitz; Eckhart, Johann Georg von: Lebensbeschreibung des Freiherrn von Leibnitz. Hildesheim; Zürich; New York, 1982.
140. *Erdmann Y.* Der livländische Staatsmann Johann Reinhold von Patkul. Ein abenteuerliches Leben zwischen Peter dem Großen, August dem Starken und Karl XII. von Schweden. Berlin, 1970.
141. *Cederberg A.R.* Heinrich Fick. Ein Beitrag zur russischen Geschichte des 18. Jahrhunderts (Acta et Commentationes Universitas Tartuensis-Dorpatensis; XVII, 1). Tartu-Dorpat, 1930.
142. *Kizevetter A.* Heinrich Fick in russischen Diensten // Germanoslavica. Vierteljahrsschrift für die Erforschung der germanisch-slavischen Kulturbeziehungen I (1931/32). S. 593–601.
143. *Hofmann H. von.* Heinrich Fick und seine Ahnen // Baltische Hefte 4 (1958). S. 256–259.
144. *Lück A.* Georg Wilhelm Henning. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen. Gründer der Stadt Swerdlowsk // Siegerland. Blätter des Siegerländer Heimatvereins e.V. 49/1 (1972). S. 9–24.
145. *Bittner K.* Beiträge zur Geschichte des Lebens und Wirkens Heinrich Johann Friedrich (Andrej Ivanovič) Ostermanns // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. 5 (1957). S. 106–126
146. *Klueting H. und E.* Graf Ostermann (geboren in Bochum 1687). Urkunden und Regesten. «Ostermanniana» des Algemeen Rijksarchief Den Haag. Amsterdam, 1972.
147. *Klueting H. und E.* Heinrich Graf Ostermann. Von Bochum nach St.Petersburg 1687 bis 1747. Bochum, 1976.
148. Ein Deutscher am Zarenhof. Heinrich Graf Ostermann und seine Zeit. 1687–1747. Hrsg. von Johannes Volker Wagner / Bernd Bonwetsch / Wolfram Eggeling. Essen, 2001.
149. *Berg B.* Burchard Christoph Reichsgraf von Münnich (1683–1767). Ein Oldenburger in Zarendiensten (Oldenburger Studien; 71). Oldenburg, 2011.
150. *Brückner A.* Iwan Possoschkow. Ideen und Zustände in Rußland. Leipzig, 1878.
151. *Amburger E.* Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen; I/14). Gießen, 1961.
152. *Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917 (Studien zur Geschichte Osteuropas; 10). Leiden, 1966.
153. *Amburger E.* Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Rußlands vom 15. bis zum 19. Jahrhundert (Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens; 42). Wiesbaden, 1968.
154. *Amburger E.* Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Russland. Ausgewählte Aufsätze. Hrsg. von Klaus Zernack (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa; XVII). Wiesbaden, 1982.
155. Deutschland – Russland. Bd. 1: Das 18. Jahrhundert. Hrsg. von Horst Möller, Claus Scharf, Wassili Dudarew und Maja Lawrinowitsch (Deutschland – Russland Stationen gemeinsamer Geschichte – Orte der Erinnerung. Hrsg. von Helmut Altrichter, Wiktor Ischtschenko, Horst Möller und Alexander Tschubarjan im Auftrag der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen). Berlin; Boston, 2018.
156. *Vallotton H.* Peter der Große. Rußlands Aufstieg zur Weltmacht. München, 1960.

157. *Vallotton H.* Peter der Große. Rußlands Aufstieg zur Weltmacht. 2., durchgesehene Auflage. München, 1978.
158. *Troyat H.* Peter der Große. Eine Biographie. Düsseldorf, 1981.
159. *Troyat H.* Peter der Große. Eine Biographie. Hersching, 1990.
160. *Troyat H.* Pierre le Grand. Paris, 2007.
161. *Hoffmann P.* Rezension zu: Henry Troyat: Peter der Große. Eine Biographie. , 1981 // Hoffmann P. Studien zur Kultur- und Wissenschaftsgeschichte sowie zu den deutsch-russischen Beziehungen des 18. und 19. Jahrhunderts. Gesammelte Aufsätze, anlässlich des 90. Geburtstages. Hrsg. von Lothar Kölm / Michael Schippan. Frankfurt am Main u. a., 2015. S. 233.
162. *Massie R.K.* Peter der Große. Sein Leben und seine Zeit. Königstein/Ts., 1982.
163. *Neumann-Hoditz R.* Peter der Große. Mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. 6. Auflage. Reinbek bei Hamburg, 2003.
164. *Unverzagt G.J.* Die Gesandtschaft Ihres Käyserl. Majest. Von Groß-Rußland an den Sinesischen Käyser, Wie solche Anno 1719. Aus St. Petersburg nach der Sinesischen Haupt- und Residentz-Stadt Peking abgefertiget: Bey dessen Erzählung die Sitten und Gebräuche der Chineser, Mongalen und anderer Tartarischer Völcker zugleich beschrieben, und mit einigen Kupffer-Stücken vorgestellt werden. Lübeck, 1725.
165. *Lange L.* Reise nach China. Mit einem Nachwort von Conrad Grau. Weinheim, 1986.
166. *Renner A.* Peter der Große und Russlands Fenster nach Asien // Historische Zeitschrift 316 (2018) 1. S. 71–96.
167. *Wittram R.* Peters des Großen Interesse an Asien. Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Bd. 1. Philologisch-historische Klasse (1957) 1. S. 1–25.
168. Der allerneueste Staat von Casan, Astracan, Georgien und vieler andern, dem Czaren, Sultan und Schach, zinsbaren und unterthanen Tartarn, Landschaften und Provinzien: samt einer kurzen Nachricht von der Caspischen See, dem Daria-Strom; ingleichen von dem Persischen Hof, und dessen allerneuesten Staats- und Kriegs-Verfassung, zur Erläuterung der Russisch- und Persischen Kriegs-Operationen entworfen [...]. Nürnberg, 1723.
169. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I–XIII/2. St. Peterburg; Moskva, 1887–2003.
170. *Plechanow G.* Über die Rolle der Persönlichkeit in der Geschichte. Über materialistische Geschichtsauffassung. Berlin, 1982.

«ОПИСАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ»: РУКОПИСЬ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВОЛЬТЕРА¹

Рукопись «Описание С.-Петербурга и его окрестностей» из библиотеки Вольтера впервые подвергнута специальному изучению. В этом оригинальном сочинении российская столица представлена как молодой интенсивно развивающийся город, уже обладающий многочисленными достопримечательностями. Описание города ведется по островам и районам. Авторы статьи приходят к выводу, что «Описание» было составлено в 1757–1760 гг. К его созданию имел отношение М.В. Ломоносов, но авторами могли быть И.К. Тауберт или Я. фон Штелин, использовавшие в своей работе российские источники.

Ключевые слова: Вольтер, Пётр I, Санкт-Петербург, М.В. Ломоносов, И.К. Тауберт, Я. фон Штелин, А.И. Богданов, библиотека Вольтера.

S.A. Mezin, A.E. Kulakov

"THE DESCRIPTION OF ST. PETERSBURG AND ITS ENVIRONS": A MANUSCRIPT FROM THE VOLTAIRE LIBRARY

The manuscript "Description of St. Petersburg and its environs" from the Voltaire Library has been subjected to special study for the first time. In this original essay, the Russian capital is presented as a young, intensively developing city that already has numerous attractions. The city is described by islands and districts. The authors of the article come to the conclusion that the "Description" was compiled in 1757–1760. M.V. Lomonosov was involved in its creation, but the authors could have been I.K. Taubert or J. von Stählin, who used Russian sources in their work.

Key words: Voltaire, Peter I, St. Petersburg, M. V. Lomonosov, J.C. Taubert, J. von Stählin, A.I. Bogdanov, the Voltaire Library.

Приняв в начале 1757 г. предложение российского Двора написать историю Петра Великого, Вольтер с большой энергией принялся за дело. Уже к августу того же года был готов «легкий набросок» первых восьми глав, в том числе географическое описание России с характеристиками городов [1], в первую очередь – Санкт Петербурга.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-42006.

Рукопись начальных глав «Истории Российской империи при Петре Великом», посланная в Петербург, вызвала критику российских академиков. Замечания касались и вольтеровского описания столицы. В частности, известна ремарка М.В. Ломоносова на эту тему:

«Санктпетербург не хорошо описан, инде мало, инде излишно. Должно сделать хорошее описание и перевести. Вместить новое строение, Петергоф, Сарское Село и прочее» [2, с. 91].

По-видимому, в соответствии с пожеланием Ломоносова для французского историка было составлено описание Петербурга – «Description de S. Pétersbourg et de ses environs» («Описание С.-Петербурга и его окрестностей») [3, л. 377–382]. Оно сохранилось в составе библиотеки Вольтера и представляет собой рукопись на 5 листах (235х375 мм), написанную четким почерком по-французски. К описанию Петербурга в сборнике примыкает «Description de la ville de Moscou» («Описание города Москвы») [3, л. 382–383]. А по содержанию своеобразным дополнением записки о Петербурге является небольшая рукопись «Eroques des principaux bâtimens publics à S. Pétersbourg» («Время [строительства] главных общественных зданий в С.-Петербурге») [3, л. 221–222].

Вышеназванное описание Петербурга, несомненно, заслуживает внимания с точки зрения его содержания, датировки, источников и авторства. Также встает вопрос о том, как использовал Вольтер присланную ему информацию о российской столице.

«Описание С.-Петербурга и его окрестностей» открывается небольшим историческим введением:

«Санкт-Петербург – новая столица Российской империи. Этот город построен в устье реки Невы. Его размеры и величие зданий справедливо возводят Петербург в ряд крупнейших и наиболее красивых городов Европы. Город обязан появлением и развитием своему основателю Петру Великому, от которого он получил и свое название. Бессмертный монарх выбрал в 1703 году место, чтобы заложить этот город после взятия принадлежавшей шведам крепости Ниеншанц. Война и слишком большая удаленность от Москвы, древней столицы российских правителей, стали причиной того, что с самого начала большинство домов в городе строились только из дерева, но все эти деревянные дома превратились с течением времени в прекрасные дворцы и особняки»².

Далее следует характеристика основных частей города в соответствии со сложившейся к середине XVIII в. топографией – по островам, кварталам, «сторонам». Это разделение в основном совпадало с офици-

² Здесь и далее перевод с фр. А.Е. Кулакова.

альным административным районированием, утвержденным императрицей Анной Ивановной в 1737 г. [4, с. 272].

«Остров крепости» (ныне – Заячий остров. – Авт.) занят шестиугольной крепостью, внутри которой находятся собор Св. Петра и Павла с красивыми курантами и позолоченным шпилем, а также комендантский дом, Монетный двор, склады и казармы, которые «с давних пор используются по тому же назначению, что и Бастилия в Париже».

Санкт-Петербургский остров (Городовой остров, ныне – Петроградская сторона), по словам автора, начал застраиваться первым, о чем свидетельствует и сохранившийся маленький деревянный дом, в котором Петр I жил при закладке города. Однако из-за трудности преодоления Невы в межсезонье аристократия перебралась отсюда на Адмиралтейскую сторону или на Васильевский остров. Судя по описанию, выдающихся построек на Санкт-Петербургском острове не имеется. Оставшиеся здесь служащие, торговцы и ремесленники живут в деревянных домах. На отдельном – Аптекарском – острове расположен ботанический сад.

Васильевский остров в отличие от первого имеет «весьма правильную застройку». Две главные улицы («перспективы» – нынешние Большой и Средний проспекты) пересекаются двадцатью пятью «линиями». «Большинство домов внутри острова деревянные, но красиво построенные». Набережная Большой Невы застроена солидными кирпичными домами, среди которых здания Академии наук, библиотеки, «кабинета природных редкостей с обсерваторией» (Кунсткамеры), длинное четырехэтажное здание, в котором заседают Сенат, Синод и другие ведомства империи (здание Двенадцати коллегий), дворец Меншикова, ставший Кадетским корпусом, Морской кадетский корпус, наконец, порт и галерная верфь на краю острова.

Адмиралтейский квартал представлен как самая красивая часть города:

«В части, находящейся между Невой и Мойкой, нет ни одного деревянного строения, но за Мойкой еще сохранилось несколько таковых. Их количество уменьшается по мере того, как возводятся другие здания из кирпича. Таким образом, в скором будущем мы больше не увидим здесь ни одной деревянной постройки».

Башня Адмиралтейства с позолоченным шпилем «служит немалым украшением городу». В этой части столицы расположены императорские дворцы: старый Зимний дворец Петра I, временный Зимний дворец «рядом с Большой перспективой (будущий Невский проспект. – Авт.) на Мойке», строящийся Зимний дворец на берегу Невы, Летний дворец на Фонтанке. В последнем случае речь идет о Летнем дворце Елизаветы Петровны, выстроенном Ф.Б. Растрелли в 1741–1743 гг.:

«Летний дворец построен на Фонтанке посреди императорского сада. Дворец построен из дерева и поддерживается кирпичными сводами. Это здание красиво не только само по себе, но его расположение делает его чрезвычайно приятным для пребывания здесь летом. Грот в саду, украшенный античными статуями, обладает исключительной красотой, оранжерея прекрасно содержится, а фонтаны создают самое благоприятное впечатление. В саду большое количество мраморных статуй прекрасной работы».

К числу достопримечательностей этого района автор отнес императорскую аптеку на Миллионной улице, гордостью которой была фарфоровая посуда для лекарств, строящийся на Большой перспективе Гостиный двор, Аничков дворец с садом на Фонтанке, принадлежавший тогда А.Г. Разумовскому.

Московский квартал, расположенный за Фонтанкой справа от перспективы, ведущей к Александро-Невской лавре, простирается до Ямской слободы, где начинаются дороги на Москву и на Нарву. Вдоль берега Фонтанки расположились дома вельмож с красивыми садами. В этом районе находятся казармы Семеновского и Измайловского полков, а также зверинец (Слоновый двор) вблизи Александро-Невского монастыря.

Литейный квартал ограничен берегами Невы и Фонтанки и лежит слева от перспективы. Здесь расположены Литейный двор, верфь для постройки малых судов (Партикулярная верфь), казармы Преображенского и Конногвардейского полков. В этом районе ведется грандиозное строительство нового женского (Смольного) монастыря. На его возведение «уже потрачено около миллиона рублей и вероятно потребуется еще столько же, чтобы его завершить».

Выборгская сторона «расположена на правом берегу Большой Невы и на Малой Невке, другом рукаве этой реки». Там находятся сухопутный и морской госпитали, голландский пивоваренный завод, а также остатки разрушенной шведской крепости Ниеншанц.

В заключительной части «Описания С.-Петербурга и его окрестностей» перечислены самые красивые городские дома вельмож (графа П.Б. Шереметева, И.И. и П.И. Шуваловых, барона С.Г. Строганова, С.К. Нарышкина, князя Кантемира, гофмаршала Д.А. Шепелева, «покойного» князя А.М. Черкасского, канцлера А.П. Бестужева и др.). В качестве выдающихся построек названы Александро-Невская лавра, Петропавловский, Исаакиевский, Казанский соборы и ряд церквей. Всего, по сведениям автора, в столице насчитывается более сорока «русских церквей», пять лютеранских церквей, три реформатских, католические церковь и монастырь. Здесь же дана краткая справка о фабриках и заводах Петербурга.

Завершается описание обзором загородных дворцов и резиденций: Екатерингофа, Анненгофа. Елизаветгофа, строящегося дворца в Стрельне. Указано, что на петергофской дороге «стоят загородные дома, превосходящие друг друга по красоте». Наиболее подробно описаны Царское Село и Петергоф:

«Царское село входит в их число, а по своему великолепию это здание превосходит все остальные. Оно находится в двадцати пяти верстах от Петербурга. Все прекрасное, что выдуманно искусством до сегодняшнего дня, было употреблено в оформлении этого дворца. Можно составить себе представление о богатстве, царящем в интерьерах дворца, по золоту, щедро потраченному на оформление фасада и внешние украшения. Эрмитаж, находящийся посреди сада, не имеет себе равных в великолепии. Охотничий домик, возведенный посреди парка, заслуживает быть увиденным благодаря прекрасным картинам, написанным умелой рукой и изображающим самых разнообразных животных [ср.: 5, Т. 2, с. 24]. Готовится строительство акведуков, которые должны будут питать водой фонтаны, недостающие пока в саду».

«Петергоф – еще один дворец, построенный Петром Великим в тридцати верстах от Петербурга. Искусство ничего не пожалело, чтобы довести до совершенства это место, и без того щедро украшенное природой. Дворец расположен на примерно шестидесятифутовой возвышенности. Перед дворцом и за ним находятся прекрасные сады, которые украшаются колоссальным количеством фонтанов и каскадов, а также великолепным гротом. Фонтаны выбрасывают воду на такую большую высоту и в таком объеме, что они значительно превосходят фонтаны Версаля и Сен-Клу. Неповторимо в этих фонтанах и то, что они могут работать все лето без всякого опасения недостатка воды. Из этого дворца открываются чрезвычайно приятные виды на Петербург, на Кронштадт и на море. Из числа зданий, находящихся в садах, заслуживают быть увиденными Эрмитаж Марли и Монплеизир, в особенности последний за прекрасную коллекцию живописи [ср. 5, Т. 2, с. 12–32]. Это было излюбленное место пребывания Петра Великого, когда он приезжал в Петергоф».

Один абзац посвящен описанию Кронштадта и его большого канала, сооружение которого «было начато Петром Великим и было доведено до совершенства императрицей Елизаветой в 1752 году».

Когда было составлено «Описание С.-Петербурга и его окрестностей»? Понятно, что оно не могло появиться ранее, чем Вольтер принялся за написание «Истории», а его петербургские помощники решили составить для него подходящее описание российской столицы. Мнение Ломоносова по этому поводу было высказано осенью 1757 г. [2, с. 564], а А.П. Бестужев-Рюмин, названный канцлером, попал в опалу и лишился высшего

чина в феврале 1758 г. Таким образом, «Описание» могли составить уже в конце 1757 – начале 1758 г. В пользу более широкой датировки косвенно свидетельствует информация о строящемся Зимнем дворце, который начали возводить по проекту Растрелли в 1754 г. «на месте бывшего Зимнего дворца, разрушенного *несколько лет назад* до фундамента. В скором времени он будет полностью завершен и не будет уступать ни одному дворцу европейского монарха своим великолепием, размерами, хорошим вкусом в планировке и украшениях, которыми он должен быть снабжен». Для датировки документа важно иметь в виду и время отправки его Вольтеру, о чем речь пойдет далее.

Рассматриваемый здесь Санкт-Петербургский текст является оригинальным и не связан напрямую ни с одним из известных нам описаний российской столицы, составленных иностранцами в первой половине XVIII в. [см.: 6, 7]. Перед русскими помощниками Вольтера стояла задача представить французскому историку именно современный и оригинальный текст. Главная идея, которую автор проводил через все сочинение: Петербург – это молодой, но динамично развивающийся город, уже не уступающий по красоте и величию европейским столицам. Его существенное отличие от европейских городов – обилие построек из дерева. При этом подчеркивалось, что регулярная каменная застройка уже преобладает в центре города, украшенном множеством красивых дворцов и церквей.

Автор, имевший собственное представление о топографии и архитектуре Петербурга, тем не менее, мог воспользоваться первым отечественным описанием новой столицы, составленным библиотекарем Академии наук А.И. Богдановым в 1751 г. [8]. Рукопись его «Описания Санкт-Петербурга» имела в Академии наук и была доступна ученому сообществу. Труд Богданова отличался богатством фактического материала, но был сложным по структуре и тяжелым по языку. Текстуальная близость дает основания предположить, что из рукописи Богданова автор мог позаимствовать ряд исторических фактов и характеристик, касающихся застройки Петербургского и Васильевского островов, «хоромцев брусчатых» Петра I, захоронений Петропавловского собора, смерти царя в старом Зимнем дворце, описания Смольного монастыря [8, с. 115–116, 137, 141, 314.] и др. В пользу того, что автор петербургского «путеводителя» для Вольтера пользовался трудом Богданова косвенно свидетельствует и тот факт, что еще одна посвященная Петербургу рукопись, отправленная Вольтеру, – «Время [строительства] главных общественных зданий в С.-Петербурге» – целиком составлена на основе материалов Богданова. В ней разбросанные по тексту даты и сведения о важнейших постройках Петербурга петровского времени сведены в краткий хронологический перечень.

Кто мог быть автором «Описания С.-Петербурга и его окрестностей»? На этот вопрос попытался ответить М.Б. Свердлов в своей книге, посвященной Ломоносову-историку [9, с. 696–697]. Он отметил, что Ломоносов был инициатором создания «Описания», а его содержание соответствует замечаниям русского ученого. Действительно, мы находим в нем все намеченные Ломоносовым сюжеты: развернутые характеристики Царского Села и Петергофа, упоминание красивых загородных домов на Петергофской дороге, информацию о строительстве нового Зимнего дворца и Смольного монастыря. Исследователь сделал вывод, что «Описание» было создано в Географическом департаменте «под смотрением» Ломоносова и им отредактировано [9, с. 697].

К близким выводам об авторстве Ломоносова пришли в своей статье Н.А. Копанев и Н.П. Копанева [10]. По особой нумерации рукописей они попытались восстановить состав первой посылки документов Вольтеру 1758 г. и приписали Ломоносову все важнейшие документы из реконструированного ими списка (№№ 1–13), в том числе и «Описание С.-Петербурга и его окрестностей». Однако построения авторов нельзя признать корректными. Интересующий нас документ не входил в состав первой посылки Вольтеру, о чем прямо свидетельствует письмо И.И. Шувалова от 9/20 декабря 1760 г. [11, № 9482]. А поскольку на рукописи имеется номер (№ 5), написанный особым почерком, что названо Копаневыми в качестве главного археографического признака принадлежности к первой посылке, то следует признать этот признак недействительным. Авторы также не приняли во внимание указание в письме И.И. Шувалова к Г.Ф. Миллеру от 21 августа 1759 г. на то, что «вся тяжесть» трудов по подготовке первых материалов для французского историка легла на И.К. Тауберта, и большая часть из того, что было отправлено «до сих пор Вольтеру – это работа Тауберта» [12, р. 1258]. Копаневы же оставили на долю Тауберта лишь статистические таблицы (№№ 14–23). Едва ли это справедливо, тем более что ломоносовским и из всего списка можно считать не более 5–6 текстов.

Не отрицая возможной причастности М.В. Ломоносова к составлению интересующего нас документа, необходимо заметить, что по стилю изложения (насколько позволяет судить перевод на французский язык) текст существенно отличается от писаний Ломоносова с их патетикой и подчеркнутым патриотизмом. Среди сочинений знаменитого поэта и ученого мы не найдем примеров развернутого обращения к теме Петербурга. Отсылка Копаневых к разработанному Ломоносовым содержанию мозаичного панно для Петропавловского собора «Зачатие и строение Санкт-

Петербурга, Кронштадта и Петергофа» не убеждает, ибо тема решается здесь исключительно в аллегорическом религиозном ключе³.

«Описание» изложено в спокойном благожелательном тоне внимательного наблюдателя, но без особого педантизма. Некоторая отстраненность при характеристике «русских церквей», возможно, выдает руку иностранца. К сожалению, мы не располагаем дополнительными аргументами, свидетельствующими в пользу вполне возможного авторства адъюнкта исторического класса Академии Иоганна Каспара (Ивана Ивановича) Тауберта (1717–1771).

Письма И.И. Шувалова проливают свет на историю доставки интересующей нас рукописи адресату и в целом усложняют картину создания и бытования этого документа. «Описание С.-Петербурга и его окрестностей» было отправлено Вольтеру (вместе с экстрактом истории Камчатки, описанием Москвы и географическими картами, а также с денежным вознаграждением за издание первого тома) только летом 1760 г. с С.А. Пушкиным, который либо потерял, либо похитил ценный груз и скрылся [11, № 9612; 14, с. 195–196]. Вновь эти материалы могли быть доставлены в Ферне не ранее начала 1761 г. [12, р. 132]. Столь поздняя отправка текста может свидетельствовать о том, что работа над его составлением и переводом могла происходить позже названной выше даты (начало 1757 г.), вплоть до середины 1760 г. А это значит, что формально круг авторов можно расширить за счет Герарда Фридриха (Федора Ивановича) Миллера (1705–1783), привлеченного Шуваловым к работе ранее осени 1759 г. [12, р. 1258], и других членов академического сообщества. Однако мы не видим оснований считать Миллера причастным к созданию «Описания С.-Петербурга и его окрестностей», так как имеющееся среди его сочинений описание Петербурга [15] существенно отличается по структуре, стилю и историческим подробностям от текста, посланного Вольтеру.

Рискнем предположить, что к составлению «Описания С.-Петербурга и его окрестностей» мог быть причастен и Якоб фон Штелин (1709–1785). Глава Художественного департамента Академии наук, первый российский историк искусства, он был знатоком Петербурга и архитектуры. Под его руководством в 1753 г. был издан альбом «План столичного города Санктпетербурга с изображением важнейших онаго проспектов», состоящий из большого плана и двенадцати видов, гравированных по рисункам М.И. Махаева [см.: 16, с. 78–108], который также можно рассматривать в

³ «Наверху – разговор Петров после преображения со Христом. В разделении: Господи, сотвори здесь три сени – тебе, Моисею и Илии. Внизу – лапидарным стилем тень Христова, то есть помазанникова столица Санкт-Петербург, сень морепроходца Моисея Кронштат; сень отшельника Илии – уединение – Петергов» [13, с. 128].

качестве источника, интересующего нас сочинения. План города, созданный коллективом мастеров во главе с И.Ф. Трускотом, содержал информативную «Роспись сторонам, островам, рекам, каналам, монастырю, соборным, приходским и прочим церквам, домам Ея Императорского Величества, публичным строениям и прочему...» с параллельным текстом на русском и французском языках.

Штелин принадлежал к кругу ученых, которые под руководством И.И. Шувалова готовили материалы для вольтеровской «Истории Российской империи»⁴, был в курсе дискуссии академиков с знаменитым французом [5, Т. 1, с. 329]. В своих «Записках об изящных искусствах в России» он вспоминал: «Несколько лет тому назад... камергер Иван Иванович Шувалов поручил г-ну Вольтеру написать историю Петра Великого и собрал из подлинного материала все, что могло внести хотя бы небольшой вклад в эту книгу» [5, Т. 1, с. 213]. В «Записках» можно найти перечень дворцов, «блиставших» в Петербурге в 1750-х годах [5, Т. 1, с. 167], который почти полностью соответствует аналогичному перечню в «Описании». О своем «вкладе» Штелин здесь не упомянул, хотя известно, что Вольтеру были посланы «десятка два» переведенных на французский язык собранных им «подлинных анекдотов о Петре Великом». Впоследствии российский академик критиковал труд знаменитого француза как «слабую токмо основу истории» и сетовал на то, что автор «не употребил» посланные ему материалы [17, с. 334].

Действительно, в окончательной характеристике Санкт-Петербурга, данной Вольтером в первом томе «Истории Российской империи при Петре Великом» [12, р. 428–432, 641–644], присланные ему из России описание столицы, план города и замечания, сделанные Ломоносовым, Таубертом, а позже и Миллером, учтены в минимальной степени. Автор убрал эпитет «неприступная» («*inexpugnable*») в отношении Петропавловской крепости, но по-прежнему расположил Петербург в том месте, «где Нева примыкает к Ладожскому озеру», и одновременно – «над Кронштадтским заливом», что абсурдно. Вольтер вопреки данным, присланным из России, преуменьшил до 35 общее количество церквей в столице. Ситуация с описанием Вольтером Петербурга оказалась парадоксальной в том плане, что русским критикам приходилось умерять похвалы французского историка в отношении архитектурных красот Петербурга. Вот что по этому поводу писал Е.Ф. Шмурло:

«С описанием Петербурга, однако, вышло нечто неожиданное. Петербургская академия, обыкновенно упрекавшая Вольтера в недостаточном воздаянии чести России и ее “творцу”, нашла описание новой столи-

⁴ См. письмо И.И. Шувалова Я. Штелину от 29 мая 1759 г. [17, с. 332–333].

цы русской приукрашенным выше меры и нарисованную картину не соответствующей истине. Оказывается, набережная реки Невы сложена была не “из красивых камней”, а Летний дворец совсем не “прекрасный образец европейской архитектуры”; что триумфальной арки там более не существует; здание биржи, склады под галеры, дворцовые магазины, полицейский дом – обширны и поместительны, да; но арсенал там не каменный, да и казармы гвардейских полков тоже деревянные. Вольтер, конечно, понял, что он перестарался; однако переделывать свое описание он не стал – “красоты” Петербурга так согласовались со всем характером и задачей книги!» [18, с. 128].

После выхода из печати первого тома «Истории Российской империи при Петре Великом» Ломоносов («Описание Санктпетербурга весьма дурно...» [2, с. 361]) и Миллер («существует только три рукава» в дельте Невы, а не девять [12, р. 1248; 18, с. 268]) продолжали критиковать вольтеровское описание российской столицы.

Возвращаясь к главному предмету нашей статьи, заметим, что «Описание С.-Петербурга и его окрестностей», предположительно составленное И.К. Таубертом или Я. фон Штелиным, конечно, могло уточнить и обогатить историко-топографическую и архитектурную картину города на Неве, представленную в «Истории» Вольтера. Однако, получив его уже после выхода из печати первого тома, маститый автор не счел необходимым кардинально менять первоначальный текст. Для него важны были не детали, а сам факт быстрого, почти чудесного роста и расцвета новой русской столицы, бывшей для него воплощением преодоления природных трудностей и успеха цивилизации России.

Список использованных источников и литературы

1. Мезин С.А. География и города в «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера // Город и городская жизнь в России XVI–XXI веков: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 430-летию Саратова (Саратов, 26 сентября 2020 г.) / под ред. М.В. Зайцева. Саратов, 2020. С. 13–25.
2. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 6. М.; Л., 1952.
3. Российская национальная библиотека. Библиотека Вольтера. 5–242. Т. 2.
4. Малиновский В.К. Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008.
5. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / сост., перевод с нем., вступ. статья и прим. К.В. Малиновского: в 2 т. М., 1990.
6. Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991.
7. Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997.
8. Богданов А.И. Описание Санктпетербурга. СПб., 1997

9. *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.
10. *Копанев Н.А., Копанева Н.П.* Ломоносов и первая отсылка Вольтеру рукописей по русской истории // Чтения отдела русской литературы XVIII века. – Вып. 7. М.В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / отв. ред. А.А. Костин, А.О. Демин. М.; СПб., 2013. С. 83–94.
11. *Voltaire.* Correspondence and related documents. Definitive edition by Theodore Besterman // Oeuvres complètes de Voltaire. Geneve; Oxford, 1968–1977. Т. 85–135.
12. *Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 1999. Vol. 46–47.
13. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 9. М.; Л., 1955.
14. *Старк В.П.* Пушкины в «Истории Петра» и «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 188–197.
15. *Полунин Ф.А., Миллер Г.Ф.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. 301–348.
16. *Алексеева М.А.* Михайло Махаев – мастер видового рисунка XVIII века. СПб., 2003.
17. *Штелин Я.* Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом. СПб., 1786.
18. *Шмурло Е.Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

А.С. Майорова

Г.С. САБЛУКОВ И ЕГО «ОЧЕРК ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ КИПЧАКСКОГО ЦАРСТВА»

Творческий путь востоковеда Г.С. Саблукова начинался в Саратове. Он участвовал в археологических раскопках остатков города, который, по мнению многих специалистов, был столицей Золотой Орды. Саблуков впервые осуществил анализ археологического материала для написания труда о социально-политических и социокультурных особенностях государства Джучидов. Он также положил начало использованию данных археологии для изучения прошлого Саратовского Поволжья.

Ключевые слова: Г.С. Саблуков, Х.Д. Френ, П.С. Паллас, А.Ф. Леопольдов, Царевское городище, Сарай, Ахтуба, Увек.

A.S. Mayorova

G.S. SABLUKOV AND HIS «STUDY OF THE KIPCHAK KHANATE INTERNAL STATE»

The orientalist Sablukov's professional career began in Saratov. He took part in the archaeological excavations of the remains of the city which, according to many experts, was the capital of the Golden Horde. Sablukov was the first to analyze archaeological material and to write about the social, political and cultural characteristics of the Jochid state. He also initiated the use of archaeological data for studying the past of the Saratov Volga region.

Key words: G.S. Sablukov Christian Martin Frähn, P.S. Pallas, A.F. Leopoldov, Tsarevskoe settlement, Saray, Akhtuba, Uvek.

Гордий Семенович Саблуков (1803–1880) известен в истории русской науки как востоковед, тюрколог и арабист, автор первого перевода Корана с арабского языка на русский. Начало его научной деятельности относится к саратовскому периоду его биографии. Именно в Саратове был написан и впервые опубликован в 1844 г. в «Саратовских губернских ведомостях» «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» [1]. Данный очерк занимает особое место и в историографии Саратовского Поволжья, и в ряду исследований, посвященных истории Золотой Орды.

Саблуков был разносторонне одаренным человеком – он известен и как педагог, миссионер и духовный писатель. Он был выпускником Московской духовной академии, после окончания которой в 1830 г. был опре-

делен в Саратовскую семинарию преподавателем гражданской истории и еврейского языка [2, с. 107]. По справедливому замечанию исследователя Р.М. Валеева, саратовский период стал началом творческого пути ученого-востоковеда. В 1830–1836 гг. Саблуков начал самостоятельно осваивать языки – татарский, арабский и персидский. В Саратове он занимался восточной нумизматикой, археологией, этнографией и проблемами истории Улуса Джучи XIII–XV вв. [3, с. 13]. В марте 1837 г. в саратовской семинарии был открыт класс татарского языка с целью подготовки миссионеров среди мусульманского населения в Нижнем Поволжье. Саблуков был назначен преподавателем этого класса [2, с. 109–110]. Им была выработана собственная методика преподавания и к началу 40-х гг. XIX в. составлен первоначальный вариант «Татарской грамматики». Одним из учеников Саблукова в этом классе был Н.Г. Чернышевский. Сохранился текст грамматики, переписанный рукой Чернышевского [3, с. 14].

В 1849 г. Саблуков был переведен в Казанскую духовную академию бакалавром греческого языка с поручением преподавания татарского языка в семинарии. В Казани он преподавал также еврейский, арабский и турецкий языки, а кроме того, был членом комитета по переводу на татарский язык богослужебных книг. Успешная педагогическая деятельность Саблукова была оценена – он стал экстраординарным, а затем и ординарным профессором академии, получил чин статского советника. В 1862 г. Саблуков прекратил преподавательскую деятельность, однако не оставил своих научных занятий [4, с. 74–75].

В 1877 г. был опубликован выполненный им перевод Корана с арабского на русский язык. (Более ранние переводы, вышедшие в России в XVIII – первой половине XIX в. были осуществлены не с оригинала) [5, с. 19–20]. Современные исследователи подчеркивают, что перевод Саблукова в течение долгого времени удовлетворял «нужды науки и разнообразные запросы русского общества» вплоть до 1963 г., когда был опубликован перевод И.Ю. Крачковского. Причем наряду с этим последним перевод Саблукова продолжал издаваться массовым тиражом и во второй половине XX в. По мнению специалистов, он способствовал углублению научных основ корановедения [5, с. 20]. Перевод Корана, выполненный Саблуковым, а также работы, посвященные интерпретации основного источника мусульманского вероучения, стали новым шагом в этой области отечественного востоковедения [3, с. 18].

Деятельность Саблукова и его научные интересы сформировались в тот период, когда востоковедение стало одним из наиболее перспективных направлений в развитии научного знания. Профессор Казанского университета О.М. Ковалевский в 1837 г. говорил о значении ориенталистики в европейской науке: «Никогда Азия не возбуждала столь сильного любо-

пытства в просвещенных европейцах, как в наше время. Никогда частные лица, ученые общества и правительства не принимали столь живого участия в азиатских исследованиях, как в нашем веке» [6, с. 1].

Саблуков сформировался как исследователь под непосредственным воздействием крупнейшего арабиста первой половины XIX в. академика Х.Д. Френа [3, с. 13]. С именем этого ученого связывают становление в России арабистики как науки. Р.М. Валеев полагает, что взаимоотношения Саблукова с признанным арабистом, иранистом и тюркологом Френом можно назвать научным сотрудничеством. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма. Переписка с авторитетным ученым помогла Саблукову углубить его исследовательский подход к нумизматическим источникам и усовершенствовать умение обобщать археологический материал [3, с. 16].

Заслуги Саблукова в изучении Корана и в исламоведении хорошо известны. В то же время его вклад в изучение истории Золотой Орды остается не оцененным в полной мере. Содержание «Очерка внутреннего состояния Кипчакского царства» показывает, что данное сочинение Саблукова является одной из первых попыток осветить социально-политические, социально-экономические и этнокультурные особенности Золотой Орды. Важно то, что автор написал свой труд на основе не только письменных и нумизматических источников, как это делали современные ему исследователи. Саблуков привлек археологический материал, полученный в результате раскопок на городище Ахтубе, известном у местного населения под названием Царевы Пады. (В настоящее время – это археологический памятник Царевское городище, который находится на окраине села Царев Ленинского района Волгоградской области [7, с. 31]).

На основе материалов по истории Золотой Орды Саблуковым был опубликован целый ряд статей. Они появились в печати в 1843–1849 гг. в «Саратовских губернских ведомостях». Помимо названного очерка это были работы «Исследования о месте Сарая, столицы Кипчакской Орды» (1843), «Монеты Золотой Орды», «История Золотой Орды до смерти Бирдибека», «О государственных учреждениях, законах, религии, образованности, устройстве войска, финансов, судопроизводства, о церемониях, придворном штате и чинах монголов Золотой Орды» (1849) [3, с. 14–15]. Необходимо сказать еще об одной работе Саблукова, написанной в Саратове. Л.Ф. Недашковский, подробно рассмотревший все труды исследователей об Увекке, указывает на статью Г.С. Саблукова, посвященную Увекскому городищу, которая была написана в 1846 г. Однако эта статья вышла в свет только в 1884 г. в Казани [8, с. 6], поэтому она не всегда привлекает внимание саратовских историков.

Работы Саблукова в данной области являлись очень актуальными для русской науки в тот период. Вопрос о необходимости изучения исто-

рии Золотой Орды, как писал выдающийся русский ориенталист XIX в. В.Г. Тизенгаузен, был поставлен в 1805 г. А.Л. Шлёцером. Несколько позже эта идея нашла сторонников в Санкт-Петербургской Академии Наук. В 1826 г. в числе задач, предложенных Академией по случаю ее столетнего юбилея, было названо изучение последствий монгольского владычества на Руси. В результате Академия получила «рассуждение на немецком языке», которое не было признано достойным ни награды, ни даже положительного отзыва. Конкурс был возобновлен в 1832 г., причем была составлена программа с изложением требований к конкурсным работам.

Через три года в Академию поступило рукописное сочинение на немецком языке. Отзывы академиков на этот труд содержали серьезные критические замечания. Одним из существенных недостатков представленного сочинения было названо «весьма несовершенное» исполнение требования об использовании в нем русских источников «во всем их объеме» [9, с. V–VII]. В 1840 г. автор этого труда ориенталист Иосиф фон Хаммер-Пургшталь опубликовал его на немецком языке с некоторыми исправлениями. Тизенгаузен констатировал: «академическая задача не удалась», и добавлял при этом, что выполнение всех поставленных в программе требований было не под силу одному человеку [9, с. VIII].

Программа исследования, предложенная Академией в 1832 г., была опубликована Тизенгаузеном в 80-е гг. XIX в. Этот документ интересен в частности тем, что в нем названы источники для изучения истории Золотой Орды, которыми располагала наука ко времени составления программы. Среди названных групп источников, разделенных по принципу их происхождения, преобладают письменные. При этом авторы программы рекомендовали исследователям «даже произведения древней российской поэзии». Среди предложенных источников присутствуют и монеты [9, с. 559–562]. Нумизматический материал относится к вещественным памятникам, его значение для изучения истории Золотой Орды очень велико. О других вещественных источниках, которые могли быть использованы исследователями, в тексте академической программы не упоминается.

Следует заметить, что требование академиков, которое касается максимального использования русских источников в сочинении по истории Золотой Орды, было продиктовано отнюдь не формальными соображениями. Тот факт, что история государства кочевников-завоевателей непосредственно связана с историей России, был очевиден для ученого сообщества. Об этом свидетельствовали материалы русских летописей, которые послужили основой для труда Н.М. Карамзина. Совершенно ясным представлялось и то, что в состав Русского государства за время с середины XVI и до конца XVIII в. были включены народы и земли, некогда бывшие под властью правителей Улуса Джучи. В 1783 г. было ликвидировано Крым-

ское ханство, и территория Крыма присоединена к России. Данное положение было закреплено Яским договором 1791 г. между Россией и Турцией. Таким образом, только в конце XVIII в. прекратило свое существование ханство, которое можно было назвать наследником Золотой Орды, поскольку оно возникло в результате ее распада на самостоятельные государственные образования. Для историков начала XIX в. – как для русских, так и для европейских – Золотая Орда не была феноменом слишком отдаленных эпох. Вероятно, именно события, связанные с присоединением Крыма к России, возбудили интерес исследователей к истории Улуса Джучи.

Для населения Нижнего Поволжья события прошлого, связанные с владычеством завоевателей, были частью местных преданий, поскольку здесь находились остатки золотоордынских городов. Они вошли в контекст исторической памяти местного населения. Об этом можно узнать из «Топографического и исторического описания Саратовской губернии», составленного в 1807 г. Те фрагменты описания, в которых встречаем сведения о «достойных замечания остатках древности», показывают их зависимость от устной традиции, в частности, от преданий, связанных с историей Золотой Орды. Так, в разделе, посвященном Царицынскому уезду, сообщается, что там «есть многие остатки древних городов». Происхождение развалин в урочище между Волгой и Ахтубой, «довольно известное и многими описанное Царевы Пады называемое», поясняется следующим образом: «остатки столицы татар, известных под именем большой или Золотой Орды, называвшейся Сараи (по-русски: Царев город)» [10, с. 82].

Составитель топографического описания упоминает и о предании, которое существовало в Царицыне, – о том, что на месте, где в начале XIX в. стояла церковь Иоанна Крестителя, был «дворец царя Мамаю». Автор топографического описания сообщает, что эти сведения подтверждаются наличием «груды древних камней» [10, с. 82]. Относительно предания о «дворце Мамаю», автор замечает, что нельзя узнать, каким образом оно дошло до русского населения [10, с. 73].

Название урочища Царевы Пады и второе его наименование – Мамайские груды, которые существовали в устной традиции местного населения, зафиксированы в записках художников братьев Григория Григорьевича и Никанора Григорьевича Чернецовых. Записки были составлены в период их «художественного путешествия» по Волге в 1838 г. (Рукопись этого документа была опубликована в 1970 г. под заглавием «Путешествие по Волге» [11]). Наименование Мамайские груды и Царевы Пады (так у Чернецовых), которые сообщают авторы записок, свидетельствуют о том, что в народной традиции это урочище было связано с памятью о татарском владычестве [11, с. 135]. Судя по заметкам и описаниям Чернецовых,

наибольшее количество известных в первой половине XIX в. памятников такого рода находилось именно в Саратовской губернии.

Остатки золотоордынских городов в Нижнем Поволжье вызывали не только любопытство местных жителей и стремление найти в развалинах какие-то сокровища или хотя бы использовать разрушенные здания для добывания стройматериалов. Довольно рано рассказы о них стали объектом внимания русских ученых. О Царевском городище и о Селитренном (ныне находится на территории села Селитренного в Астраханской области) было известно участникам академических экспедиций, которые направлялись в Нижнее Поволжье в начале 70-х гг. XVIII в. И уже в 30-е гг. XIX в. на Царевском городище начались археологические раскопки. Изучение их материалов способствовало тому, что археологические данные открыли новые перспективы исследования истории Золотой Орды. В творческой судьбе Саблукова имело большое значение его участие в раскопках на Царевском городище и возможность изучения находок. Саблуков не составил описания археологического памятника. Однако созданный им труд – «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» – положил начало новому этапу изучения истории Золотой Орды.

Первое описание Царевского городища в научной литературе было опубликовано в «Путешествии» П.С. Палласа, который побывал на городище в апреле 1773 г. [12, с. 303–305]. Он пишет, что продвигался по Ахтубе до речки Царевки, где он и его спутники увидели «великое множество разметанных кирпичей» из «разверзшихся курганов», а также «основание и развалины великолепного здания (может быть, и мечети)». Далее, через одну версту путешественники добрались до остатков «нарочито обширного, с землей сравненного города». Они находились посреди «соленой равнины, которая собственно Царевопод (Царевская низменность) называется», а вокруг было много осыпавшихся колодцев.

Около города наблюдались следы «разрушенной городской стены, а на пустыре местами основания зданий, углубления наподобие улиц». Повсюду – «великое множество наваленных куч и рвов». Паллас неоднократно подчеркивал, что кучи щебня были результатом работы «ищущими сокровищ и берущими на свою потребу кирпич». Автор «Путешествия» отметил и остатки каких-то сооружений: «...почти посреди сего места три превеликие, но безобразно длинными развалинами соединившиеся кирпичные кучи». Вероятно, Паллас и его спутники пытались представить себе изначальный облик разрушенного города. Но это было невозможно: «...Все так разрыто, разбросано и преобращено, что о положении и порядке заключить ничего не можно» [12, с. 304].

Будучи специалистом в области естественноисторических дисциплин, Паллас указывал на особенности почвы, на которой были располо-

жены развалины города, писал о растениях, покрывавших своими листьями все его пространство, о разновидностях змей, которые там водились. Тем не менее, его описание Царевского городища отличается стремлением точно передать впечатления о внешнем виде этого памятника. Следует заметить, что Паллас не высказывал предположения о происхождении развалин, об их идентификации. При описании Селитренного городища, на котором он побывал летом 1773 г., Паллас сообщал некоторые подробности об увиденных им остатках двух зданий, называя их «татарскими развалинами».

В «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии», как уже было сказано, Царевское городище уже имеет название – «остатки столицы татар, известных под именем большой или Золотой Орды, называвшейся Сарай (по-русски: Царев город)». О том, кто впервые идентифицировал данный памятник, нам не известно. Краткая характеристика городища, которую встречаем в «Топографическом и историческом описании», соответствует сведениям Палласа: «многие каменные развалины, обратившиеся в одни груды, каменные погребки или ямы и приметный земляной вал, четверугольником построенный». Здесь указана и примерная площадь памятника – 30 верст [10, с. 82]. Авторы последующих описаний уже называют это городище развалинами столицы ханов Золотой Орды, столицы царства Батыева.

Самые ранние сведения о раскопках на данном памятнике относятся к 1837 г. Сохранился рапорт (сообщение) протоиерея Иосифа Шиловского, который осуществлял раскопки, саратовскому епископу Иакову от 9 февраля 1837 г. В нем содержится характеристика остатков города на реке Ахтубе в Царевском уезде [13, л. 44–49]. Возможно, именно в начале археологических работ там побывал саратовский чиновник А.Ф. Леопольдов, известный автор сочинений по статистике и по истории Саратовского края. Ему принадлежит интересная статья «Актубинские развалины», опубликованная в 1837 г. в столичном журнале [14]. Леопольдов описывал топографическое положение остатков крупнейшего города и природные особенности местности. В своей статье он стремился дать читателю представление о внешнем виде памятника, который он называл «развалинами Сарая». По поводу одного из разрушенных комплексов Леопольдов высказывал предположение, что это был ханский дворец, а о другом писал, что это – «вал с бастионами».

Значительное место он уделял описанию «драгоценностей и редких вещей», найденных в развалинах. При этом Леопольдов более всего использовал рассказы местных жителей. В заключении статьи он поместил своеобразную «реконструкцию» облика «бывшего Сарая, столицы ханов Золотой Орды», где «царствовали роскошь и блеск». Кроме того, Леопольдов

высказался о необходимости изучения «достопримечательных местностей Золотой Орды» с использованием «сильных средств», которые не могут быть предоставлены частными лицами [14, с. 131]. Очевидно, целью написания данной статьи было привлечь внимание правительства и тем самым способствовать организации археологических работ на городище за счет государственных средств.

Статья Леопольдова не прошла бесследно. Прежде всего она вызвала интерес у «читающей публики». Об этом свидетельствуют фрагменты из «Путешествии по Волге» художников братьев Чернецовых, которые предусмотрели при составлении своего маршрута поездку к развалинам столицы «царства Батыева». Городище, по их словам, представляло собой просто «множество курганов, разбросанных на большом пространстве» [11, с. 135], тем не менее, оно поразило Чернецовых своими масштабами: Следы строений, пишут авторы, «многочисленностью своею заставляют верить в существование тут Шерри-Сарая, столицы Золотой Орды» [11, с. 137].

Чернецовы зарисовали панораму степи с «курганами» – следами построек, чтобы дать своим читателям представление об остатках татарской столицы. Путешественникам удалось увидеть и наиболее интересные из здешних «груд», а также следы благоустройства города – водоотводные каналы и ямы, которые могли быть остатками прудов. Все эти подробности Чернецовы могли наблюдать благодаря тому, что познакомились с исправником города Царева, от которого и получили сведения о развалинах Сарая [11, с. 135]. Авторы записок перечисляют также находки, которые были сделаны местными жителями «лет сорок назад», и рассказы о которых продолжали передаваться из уст в уста [11, с. 136].

Как было отмечено выше, раскопки на Царевском городище начались в 1837 г. Саратовский журналист и историк Ф.В. Духовников, который собирал воспоминания о Н.Г. Чернышевском, писал об инициативной роли саратовского епископа Иакова в организации археологических раскопок. По его сведениям, раскопки проводили Г.С. Саблуков и протоиерей И. Шиловский [15, с. 40–41]. Через несколько лет на городище начал работу археолог А.В. Терещенко, командированный сюда правительством. Он осуществлял раскопки в течение 1843–1851 гг. [7, с. 31]. Саблуков принимал в них участие. Как пишет Р.М. Валеев, Терещенко пользовался его познаниями в области золотоордынской нумизматики и восточных языков [3, с. 16].

Следует обратить внимание на то, что Саблуков внес свой вклад в идентификацию Царевского городища. Вопрос о том, какое название носил этот разрушенный город, считался спорным в первой половине XIX в. В настоящее время его нельзя назвать окончательно решенным. В.В. Гри-

горьев указал на предположение Ф.Г. Мюллера (очевидно, он имел в виду Г.Ф. Миллера) о том, что наименование Сарай носили «две местности». Одна из них – городище Царевы Пады, другая – развалины у Селитренного города (ныне – село Селитренное) [16, с. 283]. Саблуков считал, что Селитренное городище носило наименование Сарая только во времена Батыя, а в Царевых Падах был город Сарай-ал-Джедид (Новый Сарай) [17, с. 28]. Эта точка зрения была поддержана в исследованиях некоторых авторов. В начале XX в. Ф.В. Баллод, проводивший раскопки в Нижнем Поволжье, признал мнение Саблукова справедливым [18, с. 5].

Статьи Саблукова, посвященные городам Золотой Орды и различным аспектам истории этого государства, были написаны с использованием материалов, полученных в ходе раскопок. Работы преподавателя саратовской семинарии до некоторой степени отвечали требованиям программы Академии наук, созданной в 1832 г., в которой были сформулированы вопросы для выполнения конкурсной задачи. (Программа была составлена академиком Х.М. Френом [9, с. VI], который вел научную переписку с Саблуковым.) Саблуков в своем очерке не сделал попытки создать историю Золотой Орды – «историю монгольской династии», как было сказано в программе. Однако некоторые положения программы нашли отражение в его «Очерке внутреннего состояния Кипчакского царства» (В конце XIX в. он был опубликован в Казани отдельным изданием [17]).

В вопросах программы встречаем следующее требование: «...ясное описание отличительного характера сего некогда столь достопримечательного народа, его постановлений и образа жизни, первобытных религиозных понятий и влияния, какое принятые им впоследствии верования, а именно ислам и буддизм имели на его образование...» [9, с. 557]. В своем очерке Саблуков освещал эти вопросы. При этом он понимал свою задачу несколько шире, чем сказано в названных положениях программы. Саблуков рассматривал особенности политического устройства государства Джучидов и его территориальной структуры; анализировал сведения о сословном делении общества, правопорядке, военных силах, системе взимания дани, об уровне развития торговли, ремесла и городской жизни, знакомил читателя с «обрядами двора» золотоордынских ханов и бытом кочевого населения, религиями, которые были распространены в этом государстве. Примечательно то, что Саблуков включил в свой очерк раздел под названием «Физические и нравственные качества татар».

Для написания новаторского для своего времени труда Саблуков использовал разнообразные источники. К письменным источникам относятся публикации ханских ярлыков, «История монголов и татар» и «Родословная история о татарах» Абулгази, сочинение Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян», «Книга большому чертежу», материал

русских летописей (как опосредованно – путем привлечения фрагментов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, так и непосредственно их публикаций), записки путешественников XIX в., описание развалин Булгара и надгробного памятника в Чуфут-кале и даже произведение китайской драматургии. Рассмотрены и графические материалы – публикации чертежей развалин Булгара.

Значительную группу вещественных памятников, которые использовал Саблуков, составляют материалы нумизматики. Новация, внесенная Саблуковым, которая расширила круг источников и создала перспективу для развития данного направления исследований – это привлечение вещественных памятников, найденных при раскопках Царевского городища, и находок с Увека (остатки данного памятника сейчас входят в черту Саратова). В этом отношении Саблуков выступает как предшественник современных исследователей, которые изучают материальную и духовную культуру Золотой Орды на основе археологических источников. Изучение таких материалов позволило Саблукову сделать некоторые выводы об особенностях застройки в столице Золотой Орды и благоустройстве города, о ремесленном производстве и торговле, о характере декоративно-прикладного искусства и об использовании завоевателями труда покоренных народов.

В плане использования Саблуковым археологических находок особенно интересны два раздела «Очерка внутреннего состояния Кипчакского царства»: раздел IX «Состояние городов в Кипчаке» и X «Художества, ремесла». На основании наличия на Царевском городище «множества водопроводных труб» автор делал вывод о существовании в городе фонтанов. Отмечая «обширность развалин», Саблуков писал, что их вид «заставляет верить, что Сарай превосходил прочие города Кипчака многочисленностью зданий», среди которых были и очень крупные постройки. При этом он проводил аналогию остатков золотоордынского города и известных ему городов Востока и предполагал, что в столице ханства не было многоэтажных сооружений, а застройка была беспорядочной. «Жилища частных лиц были домами посредственными, остатки их, разрытые в настоящее время, представили собой небольшие землянки».

Среди них «отличались великолепием жилища ханов, его двора и высших сановников царства... В развалинах Сарая видим карнизы, колонны, изсеченные из алебаstra, из серого и белого мрамора, изразцы с цветами, искусно выведенными, мозаику, выработанную с затейливостью, частую позолоту... все это вместе составляло и пышную постройку домов, и роскошную отделку во внутренности их» [17, с. 31–32]. Особенно интересны выводы Саблукова о существовании ремесленного производства в золотоордынском городе. «Остатки столицы кипчакской могут нам сооб-

щить несколько сведений о состоянии художеств в этом царстве», – писал Саблуков. При этом он особо отмечал, что «памятники художества» были произведениями «не столько монголов, сколько из народов, покоренных ими» [17, с. 32–33]. Далее, описывая эти памятники, он старался выделить те, которые могли принадлежать собственно монголам.

Правда, Саблуков не всегда говорил о своих предположениях на этот счет. Не понятным остается определение им происхождения остатков лепных украшений внутренних стен домов – известковых плит с мозаичными изображениями из кусочков глины, окрашенных в яркие цвета. Саблуков высказал свои соображения о технологии изготовления украшенных мозаикой плит и дал оценки этим произведениям декоративного искусства: «Эта работа, бросающаяся в глаза более своею разноцветностью, яркостью красок, нежели нежностью вкуса и легкостью в составлении рисунка...». Обломки карнизов с украшениями из белого и серого мрамора, по его мнению, «показывают небольшое знание в тюретике и кажутся не хитрым камнесечением» [17, с. 33–34].

«Более умения можно видеть у татар в ковальном искусстве, от которого изделий требовало и вооружение военное и убранство в домашней жизни», – писал Саблуков. Он называл перстни золотые, серебряные, медные. Очевидно, такие предметы он мог держать в руках. Саблуков критически оценивал уровень мастерства ремесленников: перстни «при обыкновенных формах для сих вещей... имеют не очень хитрую отделку». Он высказывал интересное предположение о «знаках», которые встречались на медных перстнях и которые он считал тамгами [17, с. 33–34].

«Приготовление военного оружия – кольчуг, шлемов, копий, требовавших прочности в составе и по духу азиатских народов роскоши в уборах, требовало от художника большой тщательности, но сохранилась ли она в каком-либо памятнике такого рода, сказать не могу». Саблуков упоминал «рассказы здешних жителей о найденном некогда богатом всадническом оружии, отягощенном украшениями из серебра и золота» и добавляет, что это только рассказы [17, с. 33–35].

Автор очерка приводил сведения также о ювелирных изделиях, которые «шли в Кипчак от соседних народов», и которые были найдены на Увекке, о фарфоровой посуде и о парчовой ткани, по его мнению, импортного происхождения. Фрагменты такой посуды и ткани были найдены во время раскопок на Царевском городище. Что касается кипчакских ремесленников, то, как писал Саблуков, они изготовляли разнообразные по форме и по качеству сосуды из глины, которые описаны достаточно подробно. Можно думать, что обломки гончарных изделий были многочисленными находками при раскопках [17, с. 35–36].

Благодаря использованию археологических источников и попыткам их анализа, которые содержатся в «Очерке внутреннего состояния Кипчакского царства», это сочинение Саблукова стало заметным явлением в историографии середины и второй половины XIX в. Ученые-востоковеды оценили новации саратовского исследователя, которые были внесены им в подход к изучению истории Золотой Орды. В.В. Григорьев, автор первого университетского курса истории Востока, в своей работе о столице Золотой Орды, которая была опубликована впервые в 1845 г., высоко оценивал очерк Саблукова. Несмотря на то, что Григорьев не соглашался со многими его наблюдениями «о состоянии городов в Кипчаке», он писал по поводу его сочинения: «Удивляемся особенно, как с такими ничтожными пособиями, какие были у него под руками, умел он приняться за дело так ловко и так много сказать нового и основательного о своем предмете...» [16, с. 312]. Высказывание Григорьева касается именно новизны подхода и умелого обоснования Саблуковым своих выводов, то есть научного инструментария саратовского историка. В.Г. Тизенгаузен, крупнейший специалист в области источниковедения Востока, называл Саблукова в ряду авторов, труды которых продвинули вперед изучение «монголо-татарского периода» [9, с. IX].

Саратовский краевед Леопольдов смог вполне оценить значение для местной историографии сочинения преподавателя семинарии. Он использовал содержание труда Саблукова в своем «Историческом очерке Саратовского края». Благодаря сведениям, представленным Саблуковым, Леопольдов увидел, что помимо описания «судьбы и перемен» в Золотой Орде, необходимо «изобразить внутреннее состояние» этого государства. Данный вопрос он рассматривал на основании материалов Саблукова [19, с.13–23]. Несмотря на то, что Леопольдов сделал ссылку на «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства», местные историки в течение длительного времени к нему не обращались.

Показательно, что в начале XX в. А.А. Гераклитов в обзоре работ по изучению прошлого Саратовского края не назвал имени Саблукова и его сочинений по проблематике Золотой Орды [20, с. 27–54]. В то же время Гераклитов писал, что история Золотой Орды является, по существу, историей Нижнего и Среднего Поволжья в XIII–XV вв. [20, с. 13–14]. Признание важности данного периода для региональной историографии, с одной стороны, а с другой – отсутствие упоминания работы Саблукова, дает основание предположить, что Гераклитов не обратил внимания на ссылку, которую сделал А.Ф. Леопольдов на это сочинение в своем «Историческом очерке Саратовского края». Вероятно, газетная публикация данного сочинения могла оказаться недоступной исследователю начала XX в. Отдельного издания «Очерка внутреннего состояния Кипчакского царства», ко-

торое вышло в Казани, нет в библиотеках Саратова. По этой причине Гераклитов не имел возможности ознакомиться с очерком Саблукова.

Однако специалисты, занимавшиеся проблемами Золотой Орды, не могли пройти мимо его работ. В середине XX в. Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский в монографии «Золотая Орда и ее падение» отметили важный факт – вопросы социальной истории Золотой Орды «за редким исключением, мало привлекали исследователей». В связи с этим авторы монографии упоминают очерк Саблукова, который был написан в те годы, когда для освещения этих вопросов было «очень мало фактического материала». Отношение авторов монографии к этому сочинению противоречиво. Как полагают авторы, его «нельзя принимать во внимание» именно ввиду отсутствия у Саблукова солидного комплекса «фактического материала». Тем не менее, Греков и Якубовский считают необходимым подчеркнуть, что «работа Саблукова для своего времени (40-е гг. XIX в.) была интересна, главным образом, своим ответом на вопросы внутренней истории Золотой Орды, которые тогда ставились немногими историками» [21, с. 103–104]. Следовательно, для советских историков середины XX в. ценность очерка Саблукова определялась именно постановкой в нем вопросов, связанных с социальной историей государства Джучидов и попыткой дать ответы на эти вопросы.

Позднее и саратовские исследователи стали обращаться к рассмотрению деятельности Саблукова и к его научным трудам, созданным в Саратове. А.А. Демченко назвал «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» статьей, «до сих пор не потерявшей научной ценности» [2, с. 114]. Правда, он не указал, в чем состоит научная ценность этого сочинения. Иной точки зрения придерживается В.М. Захаров. Он считает возможным критиковать Саблукова за недостатки в содержании «Очерка внутреннего состояния Кипчакского царства», подчеркивая, что автор этого сочинения «не смог проследить эволюцию внутреннего устройства Золотой Орды, вскрыть внутренние механизмы процесса, приведшего к формированию могущественного государства на Волге, а затем к его полному упадку» [22, с. 168–169]. В данном случае Захаров отступает от принципа историзма, не обращая внимания на то, что для современников Саблукова сама по себе постановка проблемы социальной истории Золотой Орды являлась новацией. Захаров справедливо отметил, что Саблуков «не располагал необходимым кругом источников», однако он не увидел в его очерке умелого использования археологических данных. Таким образом, попытка Захарова дать оценку «Очерка внутреннего состояния Кипчакского царства» не может считаться удачной.

Исследователи, которые изучали историю Золотой Орды во второй половине XX в. и изучают ее в настоящее время, не проявляли интереса к

данной работе Саблукова. Это можно объяснить тем, что историография Золотой Орды разработана очень слабо, о чем пишет Л.Ф. Недашковский [7, с. 20]. Вследствие такого положения очерк Саблукова, достаточно высоко оцененный современными ему специалистами, оказался фактически вне поля зрения авторов XX в. Заметный интерес проявляют исследователи–археологи к статьям Саблукова, посвященным городам Золотой Орды. Особо следует отметить, что в настоящее время именно материалы, полученные в результате археологических раскопок, позволяют постоянно пополнять фонд источников по истории этого государства. В связи с этим очерк Саблукова, в котором впервые были проанализированы археологические материалы для рассмотрения социокультурных особенностей Золотой Орды, должен занять свое место в историографии. В регионоведении статьи и очерк Саблукова, написанные с использованием данных археологии, открывают впечатляющий ряд исследований, связанных с изучением археологических памятников Саратовского Поволжья разных эпох.

Список использованных источников и литературы

1. Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства // Саратовские губернские ведомости. 1844. № 26–36.
2. Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1978. Ч. 1.
3. Валеев Р.М. Востоковед Г.С. Саблуков и проблемы исламоведения (40-е–80-е гг. XIX в.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 1986.
4. Липовецкий А.Л., Порфирьева И.В. Призвание Гордия Саблукова // Казань, 2010. № 6. С. 74–75.
5. Кириллина С.А., Мейер М.С. Коран в фокусе российского исламоведения: традиции и современность // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2007. № 4. Октябрь – декабрь. С. 17–34.
6. [Ковалевский О.М.] О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета в 8 день августа 1837 года ординарным профессором Осипом Ковалевским. СПб., 1837.
7. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.
8. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
9. [Тизенгаузен В.Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В. Тизенгаузена. СПб., 1884. Т. 1.
10. Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011.
11. Чернецовы Г.Г и Н.Г. Путешествие по Волге. М., 1970.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1783. Ч. 3. Половина 2.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 506 а.
14. Леопольдвов А.Ф. Актубинские развалины // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. № 4. С. 124–132.

15. Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове. (Рассказы саратовцев в записи Ф.В. Духовникова) // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 27–102.
16. Григорьев В.В. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Россия и Азия: Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым. СПб., 1876. С. 258–321.
17. Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань, 1895.
18. Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань, 1923.
19. Леопольдов А.Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848.
20. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
21. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л, 1950.
22. Захаров В.М. Основатели саратовского краеведения (А.Ф. Леопольдов и Г.С. Саблуков). Саратов, 2011.

В.П. Тотфалушин

САРАТОВСКИЙ КРАЙ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

В статье предпринят обзор публикаций, отражающих связь Саратовского края с событиями Крымской войны. В результате сделан вывод, что наибольшей популярностью у исследователей пользуются сюжеты, связанные с формированием ополчения и настроениями местного крестьянства. Установлено, что обобщающего труда о социальной повседневности Саратовской земли в годы Крымской войны еще не создано.

Ключевые слова: Саратовский край, Крымская война, историография.

V.P. Totfalushin

SARATOV TERRITORY AND THE CRIMEAN WAR (HISTORIOGRAPHIC REVIEW)

The article provides an overview of publications reflecting the connection of the Saratov Territory with the events of the Crimean War. As a result, it was concluded that the most popular among researchers plots are related to the formation of the militia and the moods of the local peasantry. It has been established that generalizing work on the social everyday life of the Saratov land during the Crimean War has not been created yet.

Key words: the Saratov region, Crimean War, historiography.

Крымская война стала важной вехой в истории России, обнажив кризисное состояние страны. Исследователи, обращающиеся к той эпохе, в своих публикациях, как правило, ограничиваются либо районами боевых действий, либо сопредельными территориями. Тыловые губернии значительно уступают им по популярности. В частности публикации, в которых бы подробно рассматривалось влияние Крымской войны на Саратовское Поволжье, практически отсутствуют.

Разумеется, во время Крымской войны военные действия велись на окраинах Российской империи, центральным губерниям практически ничего не угрожало. Поэтому Крымская война, в отличие от Отечественной войны 1812 года, не воспринималась в русском обществе как глобальная катастрофа, требующая максимального напряжения моральных и физических сил. Однако и Саратовское Поволжье внесло свою лепту в отражение неприятеля: этот регион поставлял материальные ресурсы для армии, здесь

проходили рекрутские наборы и формировались дружины Государственного подвижного ополчения.

Кроме того, Саратовская губерния, одна из наиболее типичных «дворянских» губерний крепостной России, была своеобразным «зеркалом» восприятия социальных изменений в стране основной частью населения. Крестьянские волнения в годы Крымской войны отличались здесь большой интенсивностью.

Одно из первых упоминаний о волнениях саратовских крестьян в годы Крымской войны можно встретить в статье И.И. Игнатович [1, с. 119]. Однако фактически историография темы восходит к небольшой статье историка-архивиста, члена Саратовской ученой архивной комиссии (далее – СУАК) П.Л. Юдина о роли приходского духовенства Саратовской губернии в возникновении крестьянских волнений, связанных с созданием Государственного подвижного ополчения [2].

Затем внимание членов СУАК привлекло местное ополчение. Статья В.И. Жеребцова была посвящена судьбе знамен Саратовского ополчения 1855–1856 гг. [3], а опубликованная А.А. Гераклитовым переписка харьковского и саратовского помещиков отразила состояние ополчения на октябрь 1855 г. [4].

Еще один известный деятель СУАК – Н.Ф. Хованский – представил материалы о выпечке сухарей жителями Саратовской губернии для Кавказской армии во время Крымской войны [5].

Затем последовал длительный перерыв, нарушенный вниманием советских историков к крестьянским волнениям в России середины XIX в., которые были вызваны событиями Крымской войны. Так, накануне Великой Отечественной войны вышла книга П.М. Потетенькина о классовой борьбе крестьян Саратовской губернии накануне и в годы Крестьянской реформы. Несмотря на популярность изложения, его труд явился весомым вкладом в изучение крестьянского движения региона, так как вводил в научный оборот новые архивные сведения [6].

Материалы Потетенькина позднее использовал Я.И. Линьков в своей книге, содержащей классификацию форм крестьянских выступлений 1861 г. в сравнении с протестом крестьянства в предшествующий период [7]. В свою очередь Б.Ф. Ливчак в работе о Государственных ополчениях XIX в. заимствовал материал о саратовских волнениях из книги Линькова [8, с. 242, примеч.].

После этого в научный оборот были введены материалы из центральных [9] и местных архивов [10, с. 68–69; 11, с. 73–74], однако новых работ о выступлениях крестьян Саратовской губернии долгое время не появлялось.

В постсоветское время очередная попытка обзора крестьянских волнений середины XIX в. (во многом по материалам предшественников), в

связи с общим анализом общественного движения на рубеже 1850-х – 1860-х гг., была предпринята в коллективной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья» [12]. Позднее эти материалы были использованы в школьных учебных пособиях по истории края [13, с. 122–123; 14, с. 124–126].

Также спустя много лет в сфере интересов исследователей вновь оказалось Саратовское ополчение. Сначала краевед Н.Н. Семенов вернулся к судьбе знамен дружин Государственного подвижного ополчения, сформированного в Саратове в конце войны. Автор ошибочно заявил, что Саратовское ополчение было «участником Крымской войны и обороны Севастополя» [15].

В самом начале XXI в. вышла в свет статья А.И. Мраморнова и В.П. Тотфалушина, в которой тезисно рассматривались вопросы комплектования, обучения, снабжения продовольствием и оружием саратовских ополченцев. В ней также был подробно освещен сюжет о судьбе знамен ополчения [16]. Годом позднее появились очерки В.П. Тотфалушина [17; 18] и А.П. Сидоровичева [19], в сжатой форме повторившие положения этой статьи.

В 2005 г. была опубликована новая совместная работа А.И. Мраморнова и В.П. Тотфалушина, которая расширила и дополнила информацию прежней. В частности, были приведены биографические данные о начальнике Саратовского ополчения П.Х. Граббе, обновлен материал о снабжении ополченцев всем необходимым и т.д. [20].

В популярной форме положения этой статьи были изложены на страницах газеты в конце того же года [21], а в целом эти публикации способствовали появлению специального раздела о Крымской войне в новых учебных пособиях по истории Саратовского края [22, с. 86–87; 23, с. 86–87; 24, с. 134–135].

Следующим шагом в изучении темы стали работы А.С. Надеждиной. В одной из них введен в научный оборот ряд архивных материалов [25], а в другой предпринята попытка рассмотреть настроения жителей губернии в годы Крымской войны [26].

Одновременно в центре внимания И.Н. Плешакова и В.П. Тотфалушина оказалось пребывание в Саратовском крае ряда воинских частей и учреждений, в том числе в 1850-е гг. [27]. Дальнейшую разработку данная тема получила уже в книге И.Н. Плешакова с более широким хронологическим диапазоном [28].

Семь лет спустя аткарские краеведы попытались осветить место Крымской войны в истории их родного города. В итоге было констатировано, что «сведения об участии аткарчан в Крымской войне чрезвычайно скудны», поэтому авторы ограничились в основном информацией об А.Н. Минхе [29,

с. 109–110]. Этот раздел без каких-либо изменений был повторен и в их следующей книге [30, с. 205–206].

В новых статьях В.П. Тотфалушин сообщил дополнительную информацию о формировании дружин в Саратовском Левобережье (тогда в составе Самарской губернии), рассмотрел условия роспуска ополчения [31], а также обобщил сведения о волнениях саратовских крестьян [32] и влиянии войны на послевоенную жизнь Саратовской губернии [33], а в своей новейшей статье рассмотрел вопрос о поселении бывших военнопленных Крымской войны в Саратове и губернии [34].

Как видно из проведенного историографического обзора, Саратовское Левобережье, входившее тогда в состав Самарской губернии, саратовских краеведов и историков практически не интересовало, однако оно не стало «родным» и для самарских исследователей. Первым, кто дал обзор влияния Крымской войны на общественную жизнь Самарской губернии (в том числе ее заволжских уездов), стал государственный и общественный деятель, участник той войны П.В. Алабин. В частности, в его книге упомянуты дружины, сформированные на саратовской земле [35, с. 558–560].

В советское время самарскими историками в научный оборот были введены три документа по этой теме из местных архивов, один из которых прямо относился к Саратовскому Левобережью [36, с. 66–67].

После длительного перерыва события той поры в Самарской губернии были лишь упомянуты в коллективной монографии ученых СамГУ [37, с. 238, 251]. А вот в учебных пособиях заведующего кафедрой Л.В. Храмова уже появились специальные разделы, посвященные Самарской губернии в годы Крымской войны [38; 39], к которым были приложены архивные документы, правда, ранее уже введенные в научный оборот.

Во многом на материалах Храмова была построена обзорная статья о Самарской губернии профессора Самарского государственного института культуры Л.М. Артамоновой [40], которую автор спустя пять лет повторила в расширенном виде [41]. А еще через пять лет очередная версия ее статьи стала одним из параграфов второго издания коллективной монографии самарских ученых [42]. В том же году вышел в свет новый сборник, содержащий большой массив документов о формировании самарских ополченческих дружин [43, с. 345–357].

В дальнейшем Артамонова обратилась к участию педагогов и чиновников от образования, в том числе саратовских, в сборе пожертвований в пользу моряков Севастополя и их семей [44]. Этот материал позднее был продублирован в очередной публикации на эту же тему [45].

Таким образом, наибольшей популярностью у историков, занимающихся Саратовским краем времен Крымской войны, традиционно пользуются

сюжеты, связанные с формированием ополчения и настроением местного населения, в первую очередь крестьянства. Специалисты накопили внушительный фактический материал. Относительно недавно в сфере внимания исследователей оказались различные вопросы пребывания в крае в ту эпоху воинских частей и учреждений. Обобщающего же труда, который бы всесторонне обозрел социальную повседневность Саратовской земли в годы Крымской войны, еще не создано.

Список использованных источников и литературы

1. *Игнатович И.* Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. // Минувшие годы. 1908. № 5/6. С. 93–127.
2. *Юдин П.* Синодальное воззвание // Русский архив. 1913. Кн. 2. С. 104–108.
3. *Жеребцов В.И.* Знамена Саратовского ополчения 1855 года // Тр. СУАК. 1915. Вып. 32. С. 53–56.
4. *Герасимов А.А.* Несколько документов из исторического архива Саратовской Комиссии // Тр. СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 73–110.
5. *Хованский Н.Ф.* Мелочи из истории // Тр. СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. 25–29.
6. *Потетенькин П.М.* Крестьянские волнения в Саратовской губернии в 1861–1863 гг. Саратов, 1940.
7. *Линков Я. И.* Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 годах. М., 1952.
8. *Ливчак Б.Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России 1806–1856 гг. // Учен. тр. Свердл. юрид. ин-та. Серия «История государства и права». Т. 4. Свердловск, 1961. 277 с.
9. Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг.: сб. док. М., 1962.
10. История Саратовского края 1590–1917: хрестоматия в помощь учителю истории. Саратов, 1964.
11. История Саратовского края 1590–1917: хрестоматия. 2-е изд., переработ. и доп. Саратов, 1983.
12. Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894) / под ред. И.В. Пороха. Саратов, 1995. Т. 2, ч. 1.
13. История Саратовского края: с др. времен до 1917 года: учеб. пособие для 7–9 классов школ всех типов / М.В. Булычев, А.В. Воронежцев, Е.К. Максимов, В.П. Тотфалушин. Саратов, 1996.
14. История Саратовского края: с др. времен до 1917 года: учеб. пособие для 7–9 классов школ всех типов / М.В. Булычев, А.В. Воронежцев, Е.К. Максимов, В.П. Тотфалушин. 2-е изд., испр., доп. Саратов, 2000.
15. *Семенов Н.Н.* Судьба знамен – сама судьба времен... // Саратов. 1994. 30 июля.
16. *Мраморнов А.И., Тотфалушин В.П.* Саратовское ополчение 1855–1856 гг. // Цивилизация на пороге тысячелетия: сб. науч. ст. Балашов, 2001. Вып. 2. Т. 1. С. 54–57.
17. *Тотфалушин В. П.* Общественно-политическая жизнь губернии в 1-й половине XIX века // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 251–254.

18. *Тотфалушин В.П.* Общественно-политическая жизнь губернии в 1-й половине XIX века // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). 2-е изд., перераб. Саратов, 2011. С. 216–218.
19. *Сидоровичев А.П.* Военные в истории Саратовского края // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 312–317.
20. *Мраморнов А.И., Тотфалушин В.П.* Формирование саратовского ополчения в годы Крымской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 247–251.
21. *Тотфалушин В.П.* «Отправить водою, а далее – морем» // Саратовские вести. 2005. 10 дек.
22. История Саратовского края с древнейших времен до наших дней: [учеб. пособие] / М.В. Булычев, А.В. Воронежцев, А.А. Гуменюк, В.Н. Данилов, В.П. Тотфалушин, Л.А. Тотфалушина. Саратов, 2008.
23. История Саратовского края с древнейших времен до наших дней: [учеб. пособие] / М.В. Булычев, А.В. Воронежцев, А.А. Гуменюк, В.Н. Данилов, В.П. Тотфалушин, Л.А. Тотфалушина. [2-е изд.] Саратов, 2010.
24. История Саратовского Поволжья : (История России через историю регионов) / отв. ред. В.Г. Петрович. М., 2017.
25. *Надеждина А.С.* Обзор документов по Крымской войне 1853–1856 гг. из фондов Государственного архива Саратовской области // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие: материалы науч. конф. Саратовского обл. отделения РОИА. Саратов, 2006. С. 211–216.
26. *Надеждина А.С.* Отношение жителей Саратовской губернии к Крымской войне 1853–1856 гг. // Платоновские чтения: материалы XII Всерос. конф. молодых историков, г. Самара, 10–11 нояб. 2006 г. Самара, 2006. С. 129–131.
27. *Плешаков И.Н., Тотфалушин В.П.* Воинские части на территории Саратовского края в николаевскую эпоху // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие: материалы науч. конф. Саратовского обл. отделения РОИА. Саратов, 2006. С. 217–224.
28. *Плешаков И.Н.* Рать саратовская. Очерки военной истории Саратовского края. Саратов, 2009. 192 с.
29. *Игнатьев В.Н., Рыжов В.Н., Сальников А.Н.* Аткарск. История и современность. М., 2016.
30. *Рыжов В.Н., Сальников А.Н.* Аткарская округа: краеведческий справочник. Саратов, 2020.
31. *Тотфалушин В.П.* Государственное подвижное ополчение Крымской войны и Саратовское Поволжье // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории: сб. науч. ст. / под общ. ред. С.А. Минюровой, Ю.И. Биктуганова, М.В. Богинского. Екатеринбург, 2020. Ч. 2. С. 279–286.
32. *Тотфалушин В.П.* Волнения саратовских крестьян в 1855 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 3 (55). С. 23–30.
33. *Тотфалушин В.П.* Отголоски Крымской войны в Саратовской губернии // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории: сб. материалов XIII Междунар. науч. конф. 13 февр. 2020 г. / под ред. В.А. Чолахяна и др. Саратов, 2020. С. 22–28.
34. *Тотфалушин В.П.* Военнопленные Крымской войны и Саратовский край // Ежегодник МАИИКРН. 2021. № 1 (9). С. 15–20.

35. *Алабин П.В.* Двадцатипятилетие Самары, как губернского города: (ист.-стат. очерк). Самара, 1877.
36. Наш край: Самарская губерния – Куйбышевская область: хрестоматия для преподавателей истории СССР и учащихся старш. классов сред. школы. [Куйбышев], [1966].
37. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней, XVI – первая половина XIX века. М., 2000.
38. *Храмков Л.В.* Введение в самарское краеведение: [учеб. пособие]. Самара, 2003.
39. *Храмков Л.В.* Самарский край в судьбах России: учеб. пособие по самарскому краеведению для высших и средних общеобразовательных учебных заведений. Самара, 2006.
40. *Артамонова Л.М.* Крымская война и общественная жизнь в Самарском крае // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы Междунар. науч. конф. Самара, 2010. С. 492–507.
41. *Артамонова Л.М.* Активизация самарского общества в годы Крымской войны и начале правления Александра II // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: материалы III Междунар. науч.-практич. конф.: в 2 ч. Самара, 2015. С. 253–261.
42. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века. Самара, 2020.
43. Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сб. документов и материалов / гл. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2000.
44. *Артамонова Л.М.* Отклики на Крымскую войну 1853–1856 гг. в учебных заведениях Поволжья и Урала: оказание помощи морякам и их семьям // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (43). С. 5–16.
45. *Артамонова Л.М.* Общественная поддержка моряков и их семей в период Крымской войны 1853–1856 гг. по материалам Казанского учебного округа // Двадцать третьи Иоанновские чтения: материалы науч. конф., посвящ. памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Самара, 2019. С. 46–61.

**ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ А.Н. МИНХА
«ПОЕЗДКА В ПЯТИГОРСК 1868 ГОДА»**

Статья посвящена рукописи саратовского историка, краеведа конца XIX – начала XX в. Александра Николаевича Минха «Поездка в Пятигорск 1868 года», хранящаяся в государственном архиве Саратовской области. В публикации рассказывается об истории появления рукописи, ее структуре, о местностях, которые посетил Минх по дороге в Пятигорск, научных материалах, использованных им при ее написании.

Ключевые слов: А.Н. Минх, путешествия, Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Кавказские минеральные воды.

A.I. Pireev

**TRAVEL NOTES BY A.N. MINH
«A TRIP TO PYATIGORSK IN 1868»**

The article is devoted to the manuscript of the Saratov historian, ethnographer of the late XIX – early XX century. Alexander Nikolaevich Minkh «Trip to Pyatigorsk in 1868», stored in the state archive of the Saratov region. The publication tells about the history of the appearance of the manuscript, its structure, about the places that Minh visited on the way to Pyatigorsk, the scientific materials he used in writing it.

Key words: A.N. Minkh, journeys, Middle and Lower Volga region, North Caucasus, Caucasian mineral waters

Ко времени поездки Александра Николаевича Минха (1833–1912) в Пятигорск в 1868 г., русские и иностранные путешественники посетили немало уголков России как с научными, так и сугубо ознакомительными целями. Издавались научные и литературно-публицистические описания поездок по различным районам страны [1]. Некоторые рукописи увидели свет только в наши дни [2].

А.Н. Минх, конечно, не был первооткрывателем в традиционном понимании слова. Область, которую он посетил, уже была изучена и описана. Но ведь всякое путешествие – это всегда в определенном смысле открытие. Каждый путешественник привозит рассказы о чем-то новом, ранее неведомом, открывшемся ему во время поездки.

А.Н. Минх – саратовский историк, краевед, один из основателей Саратовской губернской ученой архивной комиссии (СУАК), член много-

численных научных обществ¹. Он оставил немалое творческое наследие. В государственном архиве Саратовской области хранятся сочинения Минха по истории, археологии, этнографии, богословию, философии, метеорологии, статистике [3]. Устойчивый интерес он проявлял к описанию своих путешествий по различным уголкам России. Им составлено несколько путевых заметок, некоторые из них опубликованы, например, о путешествиях из Саратова в Казань в 1853 г. [4] и из Москвы до Колена в 1869 г. [5], об участии в Крымской войне [6], другие хранятся в рукописях – «Описание Петербурга 1851 г.» [7, л. 14–21 об.], «Дорожные полковые записки 1856–1861 гг.» с описанием прибалтийских городов [8].

Особое место среди них (как по объему в 637 стр., так и охвату описанной территории) занимает рукописный труд «Поездка в Пятигорск 1868 года» [9]. Он известен лишь среди саратовских краеведов и историков, а за пределами Саратова и области – разве только краеведам, изучающим историю Кавказских минеральных вод [10, с. 15].

Работа охватывает большой регион Среднего и частично Нижнего Поволжья (Саратовскую губернию и входивший в нее в середине XIX в. Царицынский уезд – ныне Волгоградская область), Екатеринославскую губернию, Кубанскую область, Ставропольскую губернию. Большая часть путешествия прошла по землям Войска Донского и Северного Кавказа.

Трудно определить жанр сочинения Минха. В отличие, например, от «Кавказских записок» И. Дьяконова [2], совершившего путешествие в Пятигорск в 1838 г. (практически по тому же маршруту что и Минх), являющихся классическим дорожным дневником, заметки Минха – не дневник, не научное исследование, не мемуары и не путеводитель. Автор описал посетившие им местности, сопроводив свой рассказ историческими и естественнонаучными экскурсами. Работа Минха, пожалуй, ближе всего к травелогу [11, с. 205–206].

Эта работа Минха никогда не публиковалась. Отдельные небольшие фрагменты появлялись в разное время в периодической печати. В 1884 г. Минх поместил в газете «Саратовский листок» часть своей рукописи о путешествии по Донской области в 1868 г. с описанием собора Воскресения Христова в Старом Черкасске и часовни между Старым Черкасском и Аксаем, построенной, по преданию, на том месте, где казаки, вышедшие из крепости Азов (1643), были перерезаны турками [12, с. 1]. В журнале «Волга» в 1990 г. помещена небольшая часть заметок, подготовленная

¹ Императорского Русского географического, Московского археологического обществ, Нижегородской, Тамбовской, Владимирской, Витебской, Ставропольской ученых архивных комиссий, член Императорской Археологической комиссии, Императорского Вольного экономического общества, Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

С. Лукиным, касающаяся истории судоходства на Волге [13, с. 179–181]. В 2013 г. в статье С.Н. Моникова, посвященной А.Н. Минху, приведен отрывок с небольшим описанием Царицынского уезда [14, с. 1].

Довольно широко известны рисунки Минха из рукописи, всегда вызывающие неподдельный интерес оригинальностью и своеобразием. Отмечая недостаток иллюстративного материала в отечественных изданиях, уступающего по качеству заграничным [15, л. 4 об.], Минх явно стремился восполнить этот пробел. Его рисунки яркие, с тонкой проработкой деталей, что характерно для художественной манеры Минха. Всего их 119. Рисунки специально не издавались, но широко разошлись по интернету, их можно легко найти на многочисленных сайтах².

Поездка Минха в Пятигорск была связана с ухудшением его здоровья, как он писал, «мучительными болями поясицы и ног, отголосками тяжелой Крымской войны» [16, л. 228]. О выборе места лечения Минх сообщает: «Доктора давно советовали мне ехать на воды, но мнения были различные: одни посылали за границу, другие на Столыпинские воды, третьи на Кавказ» [15, л. 5]. После раздумий он выбрал все же Пятигорск, хотя и понимал, что и дорога будет не вполне комфортной, и лечение неевропейским. По этому поводу он говорит: «Большинство уезжает лечиться за границу, и немудрено; на Западе все устроено, помещения и пути сообщения превосходны, доктора заслужили известность, даже издержки на проезд за границу и лечение далеко не так велики, как у нас; в России же не везде большой может найти необходимые удобства, как на водах, так и в дороге, доктора не приобрели еще той известности, которою пользуются заграничные; главный же недостаток в путях сообщений» [15, л. 5].

Верх взяло желание познакомиться с неизвестными ему областями России и рассказать о них широкой публике.

Говоря о широко распространенных описаниях всякого рода путешествий, Минх отмечал, что касаются они, главным образом, стран экзотических, броских, красочных. «Все подобные описания и журналы дают нам понятия об Африке, Азии, Америке» [15, л. 3]. «Последние годы – продолжал он, – доставили нам множество описаний разных путешествий. С любопытством читаем мы Фогеля³, Левингстона⁴, Бэкера⁵, Кэна⁶ и других

² В 2009 г. рисунки Минха были размещены на сайте ГАСО.

³ Фогель Эдуард (1829–1856) – известный немецкий исследователь Центральной Африки XIX в.

⁴ Левингстон Давид (1813–1873) – шотландский миссионер, исследователь Африки.

⁵ Бейкер (Бэкер) Сэмюэл Уайт (1821–1893) – английский исследователь бассейна Нила.

⁶ Кэн Элиш-Кент (Кен Элиша-Кент) (1820–1857) – американский полярный исследователь.

путешественников, проникавших в малоизвестные до того страны, явились красиво иллюстрированные журналы иностранные и русские, как например, «Autour du monde»⁷, который кроме разных путешествий в Японию, Персию и другие страны, знакомит нас со своим отечеством – Францией» [15, л. 3].

Несмотря на появляющиеся работы российских путешественников, он все же сетовал: «к сожалению, мало попадается сочинений, говорящих о России. Между тем мы так плохо знаем наше отечество и нет желающих познакомить нас с ним» [15, л. 3 об.]. Дело, по мнению Минха, не в недостатке материалов, а скорее в том, «что большая половина нашей обширной Руси составляет возвышенно-ровное степное пространство – значит, эффектно красивых пейзажей искать нечего, правда также, что времена грабежей и разбоев по большим дорогам прошли, и рассказы путешественников лишены поэтического и трагического интереса» [15, л. 3 об.]. Россия не столь экзотична и эффектна как заморские страны, но Минх был уверен, что «общество наше, при теперешнем настроении, осталось бы довольным тем, что его знакомят с отечеством в том виде, как оно есть. Объехав большую часть европейской России, я могу утвердительно сказать, что любознательный читатель не потерял бы, ежели бы на столбцах «Всемирного путешественника»⁸ или другого журнала появились бы описания наших русских местностей, которые знакомили бы с Россией нас, а вместе с тем, пожалуй, и Западную Европу, не имеющую никакого понятия о нашем отечестве, как разве только из описаний заграничных туристов, часто рассказывающих небылицы, вроде одного французского путешественника, что он, ехав по России, встречал в деревнях особую породу маленьких людей с одной ногой, которых называют «les maltchiks» [15, л. 4].

В поездку Минх отправился 8 мая 1868 г. из с. Колена Аткарского уезда Саратовской губернии вместе с Павлом Петровичем Подьяпольским, своим зятем, мужем сестры Анны Николаевны. В Пятигорск прибыл в начале 20-х чисел мая. О своем возвращении из Пятигорска он пишет: «30 августа мы подходили к Волге; пробежав несколько сажень берегом, паровоз сбавил ход и стал у Царицынского дебаркадера, где на галерее узнал я своих⁹, выстроившихся встречать меня из Саратова» [17, л. 47 об.]. О возвращении в Саратов и с. Колено Минх повествование не доводит. Поездка заняла почти четыре месяца.

⁷ Французский журнал «Autour du monde» – «Вокруг света».

⁸ «Всемирный путешественник» – российский научно-популярный журнал, выходил с 1867 по 1892 г. Журнал знакомил российскую публику с выдающимися путешествиями.

⁹ Здесь Минх сделал примечание «Жена моя Варя и сестра ее Александра Ивановна Янковская».

Путь до Пятигорска оказался очень непростым. От Колена до Саратова Минх добирался по Воронежско-Саратовской почтовой дороге, далее до Царицына – по Волге на пароходе «Императрица» компании «Самолет». До Калача путь лежал по Царицынско-Калачской железной дороге. Оттуда до Ростова – по Дону на пароходе Волжско-Донской компании. И, наконец, до Пятигорска – в экипажах Кавказской почтовой экспедиции.

Минх во время своих путешествий, как правило, вел записки. В связи с поездкой в Москву в конце 1868 г. для продолжения лечения, «так как лечение мое в Пятигорске не окончилось» [17, л. 52], т.е. не дало нужного результата, Минх приоткрыл свою творческую лабораторию. Он писал: «я никогда не отказываю себе набрасывать путевые впечатления; польза двоякая: есть занятие во время пути и впоследствии удовольствие припомнить прошлое» [17, л. 52]. И далее: «Я старался не пропускать во время пути ничего, что мог видеть и о чем мог узнать, отмечая все тотчас же и на месте» [15, л. 4 об.]. Рисунки делал во время путешествия в альбоме, которые затем переносились в беловой вариант. Часть сведений он излагал, вероятно, и в переписке с родными, которую, конечно, вел, учитывая, что в поездке пробыл почти четыре месяца. Таким образом, дорожные впечатления во время поездки в Пятигорск и письма из Пятигорска составили черновой вариант работы.

Черновой вариант пятигорских записок не сохранился. В письме от 16 февраля 1910 г. председателю Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителеву, живо интересовавшемуся историко-географическими описаниями Ставропольской губернии, он писал: «Сожалее, что не сохранил черновую рукопись «Поездки в Пятигорск в 1868 году», которую мог бы передать Вам» [16, л. 70 об.–71].

Имеющаяся в архиве рукопись – беловая, т.е. окончательный выправленный вариант.

Заметки Минх начал готовить после поездки в Пятигорск в конце 1868 г. и завершил в 1869 г. Они состоят из трех частей. Первая часть была завершена им 4 декабря 1868 г. в Москве, вторая часть также в Москве 25 марта 1869 г., а завершающая, третья, у себя в с. Колене 26 августа 1869 г. Даты указаны самим Минхом в конце каждой из частей.

По поводу времени написания белового варианта все же есть одно сомнение. Дело в том, что во второй части работы, описывая Пятигорск, Минх упоминает персонаж «Незабудку». Имеется в виду персонаж карикатурного альбома рисунков из жизни отдыхающих в Пятигорске, составленного художником, поручиком в отставке Федором Николаевичем Туркестановым (1825–1853), совершившим поездку на Кавказ в 1852 г. для лечения в Тифлисе и Пятигорске. Альбом содержал популярные ныне ко-

миксы – ряд связанных общим сюжетом картинок с сопутствующими им текстами. Однако альбом Ф.Н. Туркестанова, главным героем которого являлся Незабудка, был опубликован после смерти художника в 1875 г. [18]. Записки же Минх писал в конце 60-х гг.

Можно ли предположить, что заметки Минха были написаны после 1875 г., когда альбом Туркестанова был издан? Думается, что нет. На обложке первой части работы (внизу) Минхом приписано «Милому и дорогому другу – жене Варе, на память от мужа А. Минха. 1870 г.» [15, л. 1]. Таким образом в 1870 г. рукопись уже была. Кроме того, в каталоге книг библиотеки Минха (на 1875 г.), где первоначально онахранилась, в графе о времени издания (т.е. написания) указан 1868 г. [19, л. 8 об.]

Пересекались ли пути-дороги Минха и Туркестанова, который мог показывать ему свои рисунки, неизвестно. Но маловероятно. После поездки на Кавказ в 1852 г. Туркестанов постоянно проживал в Петербурге, где обучался в Академии художеств, затем уехал на три месяца для обучения за границу, но в связи с болезнью вернулся в Петербург, где и умер в 1853 г., похоронен на Волковском кладбище. Минх был в Петербурге в 1851 г., жил у дяди Ивана Борисовича Бланка, готовясь поступать юнкером в лейб-гвардейский Финляндский полк. Следующее посещение Петербурга состоялось уже в 1856 г., когда он возил гвардейцев из Крыма на встречу с Александром II.

Возможно, Минх мог познакомиться с неизданными рисунками Туркестанова позднее, во время одного из своих последующих посещений Петербурга.

В беловом варианте нет вставок, дописок, дополнений, которые могли бы свидетельствовать о позднейшем внесении «Незабудки» в текст. Возможно, появление «Незабудки» в записках Минха связано с особенностями его работы над ними. Он мог переписывать отдельные страницы уже готового сочинения, делая в них позднейшие добавления.

В начале XX в. рукопись в трех частях была передана Минхом в Саратовский Радищевский музей, в который Минх передал многие свои неопубликованные работы.

Сведения о времени передачи заметок музею несколько разнятся. На обложке первой части сочинения Минх сделал следующую запись: «Дар Саратовскому Радищевскому музею от Александра Николаевича Минх 1909 года 22-го октября. А.Н. Минх» [15, л. 2]. В архиве сохранилось письмо директора Радищевского музея П.Н. Боева А.Н. Минху от 15 декабря 1909 г., в котором он выражает глубокую благодарность за пожертвование музею трех частей «Поездки в Пятигорск» [20, л. 138]. К письму приложена квитанция от 2 декабря 1909 г. «Пожертвовано Александром

Николаевичем Минх. Поездка в Пятигорск 1868 года. Часть I, II и III. Директор П. Боев» [20, л. 139].

Однако в собственноручной автобиографии, направленной в Нижегородскую ученую архивную комиссию 3 мая 1908 г., он пишет «Поездка в Пятигорск» – рукопись в 3-х книгах, 637 страниц с 25 чертежами и планами и 119 рисунками хранится в Саратовском Радищевском музее» [21, л. 3]. Таким образом работа находилась в музее уже в 1908 г.

В музее заметки находились в библиотеке Боголюбовского рисовального училища, организованном при музее. На это указывают печати на листах работы: «Боголюбовское рисовальное училище. В Саратове». В рукописи есть и печати библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии, что указывает на то, что из Радищевского музея она была передана в СУАК. Трудно сказать, когда это произошло. Возможно, в период пертурбаций, связанных с революционными событиями, когда шла реорганизация деятельности и музея, и СУАК.

Остается не выясненным вопрос о передаче записок из СУАК в госархив. Деятельность губернских ученых архивных комиссий была прекращена в связи с Декретом СНК о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР, последовавшем 1 июня 1918 г. Началась передача архивных материалов и библиотек, собранных учеными комиссиями, в ведение губернских архивных учреждений. Однако фактически саратовская комиссия, как и некоторые другие, продолжала свою деятельность до 1923 г., когда из Централархива в Саратов поступил циркуляр, разъясняющий, что с 1918 г. комиссия считается ликвидированной, а материалы должны быть переданы в губернский архив, если это еще не сделано [22, л. 1–1 об]. Таким образом, в период с 1918 по 1923 г., возможно, позднее, заметки поступили в Саратовский госархив.

Задумав изначально рассказать о своем путешествии широкой публике, Минх, в конечном итоге, отказался от публикации. То, что работа не будет издана, стало понятно ему уже во время поездки, когда он делал черновые наброски. В предисловии к запискам он пишет «Я не предполагал издавать моих путевых заметок, так как в них высказано много истин, недоступных печати, и потому дорожный труд мой останется рукописью и достоянием очень немногих» [15, л. 4 об.]. В письме упоминавшемуся выше председателю Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителеву, от 16 февраля 1910 г. Минх отмечает, что она «не могла быть напечатана, так как цензура не пропустила бы многого в моем описании Кавказа» [16, л. 70 об.].

В сочинении действительно довольно много резких, откровенных суждений Минха о наместниках на Кавказе, о заселении края казаками, о выселении местных жителей с территории Северного Кавказа в начале XIX в. Так, например, весьма критически описывается деятельность на-

значенного в 1826 г. командующим войсками на Кавказской линии и начальником Кавказской области генерал-лейтенанта Г.А. Эммануэля, о разоружении черкесов, о движении по пути от Ростова до Пятигорска, плохо организованном конторой Кавказских экипажей, об организации самого процесса лечения на Кавказских минеральных водах, о взяточничестве среди врачей и, как бы мы сегодня сказали, коррупционной составляющей в самой системе оказания медицинской помощи больным.

Приведем в качестве примера отрывок из рукописи, весьма красноречиво рассказывающий о разоружении Кубанского края русским правительством в 1868 г.

«Начали с Кубани и принялись за дело убийственно скверно: по приказанию начальника области Сумарокова, начальник одного из кубанских округов, призвав переводчика, приказал ему отдать шашку; тот спросил вину, за которую подвергся аресту, и когда начальник не хотел ему объяснить причин, то переводчик повернулся, чтобы уйти, говорят, отрядный убил его в спину из револьвера; началось обезоружение: некоторые аулы добровольно отдавали оружие, прося только возвратить оправу и серебро, им было отказано; тогда многие взялись за оружие, привели батальоны; кубанцы с кинжалами в зубах и шашками в руках бросились на войско, ружейные пули не останавливали ожесточенную толпу, видя свою гибель, они сами резали своих жен и детей и как одурелые бросались на штыки и пули; легло до 180 кубанцев, но говорят, досталось и русским: до 60 человек выбыло из строя. Происшествие это было в мае нынешнего года и, разумеется, остается тайной, известной только на Кавказе» [16, л.11–12 об.]¹⁰.

Такого рода сведения, как он не без оснований полагал, вряд ли бы открыли дорогу для публикации заметок. Вносить же изменения в них Минх не хотел.

Собираясь в Пятигорск, Минх старался заранее познакомиться с районами, по которым ему предстояло ехать: изучал маршрут будущего путешествия, справочники, путеводители. В связи с этим Минх пишет: «Заехать в край, о котором заранее можешь получить некоторые сведения, гораздо занимательнее, чем попасть в местность, о которой не имеешь никакого понятия; поэтому пускаясь в дальний путь, я пробегаю имеющиеся под руками исторические и географические данные или описания тех мест, куда лежит мне дорога» [23, л. 1]. Так, например, готовясь к путешествию по Волге, тщательно изучил справочники и путеводители – Н.П. Боголюбова [24], Я.П. Кучина [25], П.П. Нейгардта [26].

Записки Минха полны живых зарисовок о быте, нравах казачьего, татарского, черкесского, калмыцкого, армянского населения. Минха интере-

¹⁰ Вероятно, Минх описал эпизод восстания кабардинцев в ауле Ходзь в апреле-мае 1868 г.

совали мельчайшие подробности их повседневности. Так, например, описывая быт калмыков, он дает полные сведения о строительстве кибиток: материал, из которого они строились, их размеры, стоимость, кто и какую кибитку мог себе позволить, внутреннее убранство, утварь. Рассказывает о способах приготовления калмыками пищи, напитков. О ценности молока для калмыков он пишет: «Из молока калмыки делают: масло, сырные яства и напитки; они большие охотники до кумыса /чиган/, приготовляемого из кобыльего молока. Из коровьего, кобыльего или овечьего молока выкуривается водка, называемая арке, которая, будучи перегнана вторично, называется арза, в третий же раз получается спирт – харзо. По выгонке арзы остается гуща, вроде творога, называемая бозо, из которой делают сыры – курт хурсун, имеющий свойство утолять жажду» [23, л. 46].

В сочинении содержатся сведения о состоянии дорог, о ценах на продукты на базарах и ярмарках, способах выращивания винограда и производства вина, расселении приехавших лечиться в Пятигорск, с указанием платы за квартиры как лучше нанимать квартиры, чтобы не остаться в накладе, стоимости обедов, гостиниц и др.

Из заметок можно узнать любопытные подробности. Например, погрузкой и разгрузкой дров на волжских пристанях в то время занимались исключительно женщины, так как работа эта считалась легкой и малооплачиваемой [23, л. 83 об.]. Автор рассказывает о необычных традициях, сложившихся на Волге, услышанных им во время плавания по Волге от хозяина корабля: «Хозяин указывал мне на другое судно, которое старалось отвернуть от нас руль, но я успел заметить на воде привязанное к рулю бревно, хозяин объяснил мне, что под этим бревном лежит тело умершего на пути лоцмана, что на Волге такой обычай: лоцман должен довести судно до места назначения, ежели он дорогой умрет, то его тело привязывают в воде к рулю и оно доканчивает путь судна» [15, л. 74].

В рукописи можно увидеть рисунки многочисленных типов судов, ходивших по Волге в середине XIX в. (кабестанные пароходы, беляны, коноводные машины, мокшаны, расшивы и др.), плавучих мельниц, монастырей, храмов, изображение курганов, станиц, некоторых участков Военно-Грузинской дороги, рисунки пятигорских достопримечательностей, виды Эльбруса, Казбека, Машука, Бештау, Большого провала в Пятигорске, лечебных ванн и источников минеральных вод, плетенных из тростника пчелиных улей, распространенных на Северном Кавказе, татарских арб, головных уборов армянок, цветка и листьев плюща и цветочных стеблей дикого льна натуральной величины. Запечатлены различные забавные персонажи, приехавшие на лечение в Пятигорск и многое другое.

В работе 25 чертежей и планов: Саратова, Пятигорска, Кисловодска, Ессентукской станицы, план с описанием расположения горы Машук, Внутреннего хребта, Горячеводской долины. Подробнейшие карты: Аткарского

уезда Саратовской губернии, Саратовской губернии на 1866 г., Саратова, пути из с. Колена в Пятигорск с тщательным указанием встречающихся населенных пунктов, земель Войска Донского, Ростовского уезда Екатеринославской губернии, Ставропольской губернии, Кавказа.

Описывая свою поездку, Минх не ограничивался лишь фиксацией непосредственных впечатлений. Особенность записок в том, что при их написании он широко использовал научную литературу и архивные материалы: «я счел... нужным добавить описание выборками из научных сочинений, чтобы полнее ознакомить тех, кому назначены эти записки с местностями, которые я проезжал и по которым, наверное, многим придется еще проехать» [15, л. 4 об.]. Минх повествует об истории заселения и развития посещаемых им местностей, описывает особенности их этнографических, географических, геологических, почвенно-климатических условий. Рассказывает об истории колонизации Саратовского края, земель Войска Донского, Северного Кавказа. В рукописи содержится информация о развитии сельского хозяйства и промышленности, о торговле и торговых домах, масштабах соледобычи, урожайности зерновых культур, торговле хлебом.

Особое место уделено истории Волжского, Донского и Астраханского казачьих войск. Опираясь на сочинение И.Л. Дебу, Минх обстоятельно описал историю организации и устройства пограничной Кавказской линии и передвижение ее на юг по мере овладения русским государством новыми территориями [27]. Изложена история судоходства по Волге, Дону, Хопре. Подробнейшим образом повествуется об истории Пятигорска и организации лечения на Кавказских минеральных водах.

Минх указывает количество жителей обоего пола, школ, церквей (православных, католических), домов (каменных и деревянных) городов уездных и губернских, которые он проезжал; численность проживающих в губерниях православных, католиков, армяно-григорианцев, магометан, протестантов, раскольников, идолопоклонников, иудеев, буддистов и ламаистов. Дана статистика посещений Кавказских минеральных вод больными за период 1851–1856 гг. Детально описана флора и фауна обширного региона.

Создать столь масштабную и разноплановую картину огромного района Минху помогала информация, которая черпалась из таких научных журналов, как «Всемирный путешественник», «Вестник Императорского Русского Географического Общества»¹¹, «Вестник естественных наук»¹².

¹¹ «Вестник Императорского Русского Географического Общества» – научный журнал, выходил в Санкт-Петербурге с 1851 по 1860 г. С 1861 г. издавался под названием «Записки Императорского Русского Географического Общества».

¹² «Вестник естественных наук» – научный журнал, издававшийся Императорским Московским обществом испытателей природы. Выходил с 1854 г.

Он основательно ознакомился с общими трудами по географии Д.Д. Семенова (1835–1902) [28], А.Н. Муравьева (1806–1874) [29]; этнографии – Фредерика Дюбуа де Монпере (1798–1850)¹³; геологии – Г.В. Аби́ха (1806–1886)¹⁴; геологии земель Войска Донского – Ф. Ле Пле (1806–1882)¹⁵, Р. Мурчисона (1792–1871)¹⁶.

При описании Кавказских минеральных вод использовал сочинения ученых-медиков: Ф.А. Баталина (1823–1895) [30], доктора медицины А.П. Нелюбина (1785–1858) [31], профессора хирургии и окулистики Мндико-хирургической академии, доктора медицины П.Н. Савенко (1795–1843) [32], доктора медицины и акушерства Ф.П. Конради (1775–1848) [33], врача и путешественника Ф.О. Белявского (?–1859) [34], доктора медицины К.Б. Нормана [35], доктора медицины и хирургии К.И. Грум-Гржимайло (1794–1874) [36], штаб-лекаря при Пятигорских минеральных водах И.Е. Дроздова (1798–1868) [37], одного из основоположников научной бальнеологии С.А. Смирнова (1819–1911) [38], основоположника русской бальнеологии, доктора медицины Г. Шобера (1670–1739) [39].

Рассказывая об истории заселения Саратовского края и появлении Е. Пугачева в Саратове (1774), Минх опирается на архивные материалы Саратовской палаты гражданского суда и Саратовского магистрата. А при изложении истории судоходства по Хопру – на архив Хоперского сыскного начальства 1779 г.

Погружаясь в древнюю историю посещаемых им местностей, Минх обращается к работам древних авторов: древнегреческого историка Геродота, древнеримского историка Аммиана Марцеллина, историка и географа Страбона, древнерусского летописца Нестора, византийского философа, богослова, историка, астронома Никифора Григорица, арабского историка и географа Абу-ль-Фида (Имадуддин Абуль-Фида Исмаил ибн Али).

Особое внимание Минх уделял сборникам, издаваемым губернскими статистическими комитетами. Так, при описании Ставропольской губер-

¹³ Швейцарец, французского происхождения, в России известен главным образом благодаря предпринятому им в 1831–1834 гг. путешествию в Крым и на Кавказ, результаты которого он изложил в шеститомном труде «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и в Крыму» с приложением атласа, содержащего множество рисунков, чертежей и схем, сделанных автором во время его исследований.

¹⁴ Немецкий геолог, естествоиспытатель и путешественник, один из основоположников геологического изучения Кавказа.

¹⁵ Французский инженер в 1837 г. по приглашению промышленника Анатолия Демидова возглавил экспедицию по исследованию Донецкого каменноугольного бассейна в качестве геолога и специалиста по разработке копей.

¹⁶ Шотландский геолог и путешественник в 40-е гг. XIX в. занимался исследованием и описанием геологии Подмосковного и Донецкого угольных бассейнов.

нии, он опирается на Сборник по Ставропольской губернии 1868 г. [40]. По поводу ценности статистических работ, он писал: «Лучшим и почти единственным руководством при этом, за совершенным отсутствием у нас в России «Путеводителей» (Guides), я считаю материалы для географии и статистики России, издаваемые Генеральным штабом. Ими-то руководствуюсь большей частью при настоящем описании» [23, л. 1]. Минх имел в виду «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», изданные в 39-ти томах в Петербурге в период с 1859 по 1868 г.

В работе Минха непосредственные путевые впечатления сочетаются с историческими и естественнонаучными данными – этим обеспечивается научная основательность заметок. Многоплановость и разносторонность затронутых в повествовании тем придает им энциклопедический характер и высокую познавательную ценность.

Путевые заметки Минха, живо, непосредственно рассказывающие о повседневной жизни обширного края России более чем 150-летней давности, вызывают безусловный интерес.

Список использованных источников и литературы

1. Полное собрание ученых путешествий по России. В 7 т. СПб., 1818–1825.
2. *Дьяконов И.* Дорожные мои листки: впечатления от поездки на Кавказ и в Петербург. Саратов, 2020.
3. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 698–801.
4. *Минх А.Н.* От Саратова до Казани полвека назад // Деятель (Казань). 1903. № 12. С. 531–542.
5. *Минх А.Н.* Путевые заметки от Москвы до села Колена 1869 г. Тамбов, 1904.
6. *Минх А.Н.* Записки о Крымской войне. Саратов, 2019.
7. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 743.
8. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 742.
9. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 768, 769, 770.
10. *Полякова О.А., Чегутаева Л.Ф.* Летопись города-курорта Пятигорск: музейное справочное научно-методическое иллюстрированное издание. Раздел 3. Ставрополь, 2014.
11. *Булдакова Ю.В.* Повседневность как сюжет травелога // Вопросы лингвистики, методики обучения языкам и литературоведения в свете современной науки: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 18 октября 2017. СПб., 2017. С. 12–20.
12. Из путевых заметок А[лександра] Н[иколаевича] М[инха] 1868 года [по Донской области] // Саратовский листок. 1884. № 163. 28 июля.
13. *Лукин С.* Записки А.Н. Минха // Волга. 1990. № 5. С. 179–181.
14. *Монилов С.Н.* Александр Николаевич Минх // Вестник Волгоградского отделения Русского географического общества. 2013. № 4 (124). С. 1–2.

15. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 768.
16. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 698 а.
17. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 770.
18. *Туркестанов Ф.Н.* Вояж господина Незабудки в Пятигорск. Его лечение, похождения, сенсации и разочарования. Повесть в лицах. СПб., 1875.
19. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 711.
20. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 699 а.
21. Биография Александра Николаевича Минха (Ответ Нижегородской губернской ученой архивной комиссии на письмо ее от 6 апреля 1908 года за № 278-м, отосланный в комиссию 3-го мая 1908 года) // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 698.
22. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 406.
23. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 769.
24. *Боголюбов Н.П.* Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862.
25. *Кучин Я.П.* Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Саратов, 1865.
26. *Нейгардт П.П.* Путеводитель по Волге. СПб., 1862.
27. *Дебу И.Л.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб., 1829.
28. *Семенов Д.Д.* Отечествоведение: Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям: в 5 т. СПб., 1864–1869.
29. *Муравьев А.Н.* Грузия и Армения. Ч. I–III. СПб., 1848.
30. *Баталин Ф.А.* Пятигорский край и Кавказские минеральные воды (с альбомом местных планов и видов). В 2-х ч. СПб., 1861.
31. *Нелюбин А.П.* Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. СПб., 1825.
32. *Савенко Н.П.* Описание кавказских минеральных вод. СПб., 1828.
33. *Конради Ф.П.* Рассуждение о искусственных минеральных водах, с приобщением новейших известий о кавказских минеральных источниках. СПб., 1831.
34. *Белявский Ф.О.* Описание минеральных вод естественных и искусственных, составленное из сочинений лучших новейших писателей Францом Белявским для врачей и врачующихся: Ч. 1–2. М., 1834.
35. *Норман К.Б.* Кавказские минеральные воды, описанные доктором Карлом Норманом, по шестилетнем испытании их целительного действия. СПб., 1848.
36. *Грум-Гржимайло К.И.* Полное, систематическое, практическое описание минеральных вод, лечебных грязей и купаний в Российской империи, с присовокуплением краткого описания известных заграничных минеральных вод и патологии хронических болезней. СПб., 1855.
37. *Дроздов И.Е.* Кавказские минеральные воды. СПб., 1853.
38. *Смирнов С.А.* Путеводитель к Кавказским минеральным водам. Ч. 1: Пятигорск и соседние ему группы минеральных вод. Пятигорск, 1867.
39. *Шобер Г.* Описание теплиц св. Петра, при р. Терки находящиеся, сочиненное доктором Готлибом Шобером // Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1760. Кн. 4. Ноябрь. С. 387–405.
40. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1868. Вып. I.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

УДК94(470+571)|17|+929ПетрI

М.Д. Мисар

ПЕТР I – БЛАГО ИЛИ ЗЛО ДЛЯ РОССИИ?¹

В статье изложены взгляды студента-историка на события начала XVIII в. в целом и личность императора Петра Великого в частности. Автор характеризует деяния великого реформатора как противоречивые и даже во многом губительные для будущего страны, но отмечает неизбежность этого пути в исторических условиях строительства Российской империи.

Ключевые слова: Пётр I, реформы начала XVIII века, Российская империя, самодержавие, национальная идентичность.

M.D. Misar

PETER I – GOOD OR EVIL FOR RUSSIA?

The article presents the views of the student-historian on the events of the beginning of the XVIII century in general and the personality of Emperor Peter the Great in particular. The author characterizes the deeds of the great reformer as contradictory and even in many ways disastrous for the future of the country, but notes the inevitability of this path in the historical conditions of the construction of the Russian Empire.

Key words: Peter I, reforms of the beginning of the XVIII century, the Russian Empire, autocracy, national identity.

Согласно одной не очень правдивой, но восторженно-имперской по тональности и сюжетным подробностям повести об основании Санкт-Пе-

¹ Публикуется статья студента второго курса, победившего на конкурсе эссе на тему «Петр I – благо или зло для России?».

тербурга, Петру Великому, жадно выискивавшему в мае 1703 г. местечко для размещения города, указал место для строительства паривший над устьем Невы орел [1, с. 140]. Совершенный восторг вызывает такая подробность: подобным образом орел являлся и императору Константину при основании Константинополя [1, с. 101], значит и нашему Петру повезло основать великий город.

Первому русскому императору сопутствовала удача в обустройстве на берегу Финского залива полигона для организации грандиозных, в сравнении с детскими потешными баталиями, игрищ с русским народом. Если говорить конкретнее, то это такой особый городок из фильмов про испытания ядерной или скорее, судя по мощности результата, водородной бомбы. Расставляя в своих пустошах домики, заполненные бутафорской мебелью и манекенами, великие державы XX в. убеждались в разрушительном действии новых оружейных разработок. Петр на берегах Невы проверял, насколько велика сила Европы, выстоит ли Русь при столкновении с ней.

Неясно, благодарить ли исключительно Петра, или дело в верности старине большинства жителей тогдашней России, но в стране тогда сохранялись старые порядки там, куда не доходила рука и взор столичных надзирателей (вне городов). По прошествии веков кажется, что, создав Петербург с его париками и евротерпимостью, Петр отделил столицу ширмой «цивилизации» от глухой провинциальной России – части страны, не согласившейся на новые правила игры. Пытался сохранять традицию и Петербург в первые годы после основания, застраиваясь случайно, по-старомосковски: криво в устройстве и тесно в расстановке. Этим не подходила прежняя столица для Петра – отличная среда для организации заговоров. Потребовалось устроить поселение с большей прозрачностью в пространственном и бытовом смысле: регулярная и отчасти типовая застройка, полицейская система, надзор за личной жизнью, одним словом – торжество этицизма.

Новые волнения, вроде тех, что видел в детстве, Петр для себя лично не мог считать безопасными и естественными всплесками общественной жизни: путь перераспределения власти в пользу старой знати был неприемлем для Петра после вспышек насилия против самой царской власти времен Софьи. Или вот сам Алексей Михайлович, обожавший знать все о Европе, чувствовавший, как минимум в политике, себя ее частью, оказался отличным примером жесткой монаршей воли для сына-реформатора. Подумать только, этот человек пытался остановить революцию в Англии, спонсируя (мехом, конечно – откуда у русских деньги) неустойчивого короля [2, с. 104]. О казни Карла он рассказывал боярам, читая им статью из иностранной газеты, одной из тех, что с некоторого времени доставлялись ему регуляр-

но напрямик из Риги [3, с. 13]. Не мог сын его, хотя специально и не подготовленный к правлению, отдаленный от столицы, не чувствовать этого русского интереса к Западу и не замечать постоянной угрозы для себя на родине, от которой можно бежать к европейцам. Петр, бывая еще юношей в Кукуе, формально родины не покидал, но физически и ментально мог почувствовать ее будущее, такое вероятное. Да, именно так, уже при Алексее Россия оказалась пронизана европейскими новшествами, но пользовались ими тогда лишь единицы.

Получив власть, Петр в некотором смысле успокоился. Жизнь его, прежде омраченная дворцовой борьбой, получила четкий и глобальный смысл: правление определялось стремлением выполнить «список великих свершений». Но как ныне некоторые, исполняя свой список покупок, думают об «осознанности потребления», так и весь этот коллективный «Петр» наверняка задумывался о способе осуществления своих желаний. Здесь ему не доставало чувства меры и уверенности. Так бывает с гонимыми охотниками животными или одинокими правителями.

Сам Петр вырос в обстановке русской культуры, но особой, переплетенной с иноземными новшествами. Именно рос, а не воспитывался. Прививки от заграничной «заразы», что распространялась православной церковью, он не получил и все равно чувствовал себя отлично, пожелал того же для всей Руси. Вероятно, это было искреннее желание-цель: из его писем жене (Екатерине Алексеевне) известно, как тяжело переносилась им постоянная, но такая любимая работа, разъединяющая его с семьей [см.: 4, с. 232]. Петровские визионерские дерзновения и отрицание их большей частью населения страны привели к расколу, последствия которого сказались в России 1905 и 1917 гг. Петр, довершив оформление своего абсолютизма, сделал себя лично и наследников на последующие несколько столетий людьми без ясно определенных полномочий и рамок в государстве. Одновременно они оказались безгранично заняты. Любое их начинание хоть в вопросе утреннего туалета в росистый летний день, хоть количества пуговиц на мундирах представлялось и было государственным делом первой важности, а ведь как опасна ненадежная личность в такой роли.

Распространялись Петром Великим указы утопического свойства, желания государя не исполнялись, но это не отменяло все новых и новых попыток утвердить одно и то же решение в народе (как в случае с неоднократно предпринятым запретом бород [5, с. 155–156]). Знать же старая и новая, богатевшая благодаря царю на праве использования рабского (по терминологии указа 1702 г. [6, с. 232]) труда, европеизировалась настолько, что предпочитала наблюдать за родиной издалека. Наследники, вероятно, самого обязанного Петру своим благосостоянием рода Демидовых уже в XIX в. переселились в Италию.

Характеризуя Петра, нельзя забывать, что он «начал служение» в Азовском походе под копией стяга Ивана IV [7, с. 18]. Слишком притягательна возможность сравнить этих царей. Это делали и при Петре, установив, например, триумфальную арку в Москве с надписью о наследовании одного делу другого [7, с. 18]. Параллели видны в расправах над сыновьями, в унижении церкви и попытках выйти к Европе через море. Иван проиграл войну, поэтому мы Грозного строго судим: поделом тирану. А Петр Великий – творец империи и Академии наук, поэтому его безобразия и пьянство не так однозначны. Они разрушительны, но не для такого государственного ума.

Любовь Петра I к флоту (в некотором смысле ее не хватило Ивану IV) представляется мне одним из ключевых обстоятельств нашей истории. Россия – страна европейская по концентрации населения и евразийская по пространственному масштабу (в петровское время Сибирь была крайне слабо заселена русскими). Попытки конкурировать с европейцами в торговле (государство провозгласило ее первоочередную значимость, например, в манифесте о призвании иностранцев в Россию 1702 г. [см.: 8, с. 192–195]) на контролируемых исключительно традиционными недругами сухопутных маршрутах забирали у наших купцов и, конечно, государства возможные доходы. Россия была вынуждена иметь торговый флот. И военный для защиты даже того лимбургского сыра, что так страстно любил Петр, просивший шведов в войну пропускать корабли с царскими «столовыми запасами» [9, с. 152]. Ни на йоту не преуменьшая тех триумфов, о коих справедливо помнит вся Россия, нельзя считать флот исключительно благом. Трагедии Крымской войны и Цусимы, переворачивавшие государство, были во многом спровоцированы дурным состоянием флота. Тот славный соленый ветерок, что ощущает моряк европейский, есть для нас тот степной ледяной ветер, от которого так защуриваешься и кутаешься.

Первые неудачи правления (попытка взятия Азова в 1695 г.) и особо Нарвский провал подтолкнули Петра, создавая «Ведомости», уничтожить возможность утверждения в России публичной свободы и сплотить духовно «своих», продемонстрировать силу «чужим». Он – первый русский медиамагнат, работавший самым простым и верным образом: его газета формулировала и излагала только царские формулы. Максимально подавлялась в стране возможность нелояльного высказывания: петровский указ [см.: 8, с. 139–140] лишил монахов возможности пользоваться письменными принадлежностями в кельях, вековая духовная практика оказалась заменена на пятиминутки чистописания под присмотром светского чиновника. Неверие государства в свою «правду» видно и в абсолютной цензуре лубочных картинок [см.: 10, с. 16–17]. Петровская власть, в отличие от своих предшественников, активно ведших идеологические битвы лишь с

заграничной аудиторией, осознала, что методы внушения полезно использовать и внутри.

Особо важным представляется в оценке деяний Петра I национальный вопрос: монарху удалось административными решениями изменить способы самоидентификации русских. Зарождающуюся империей оказался официально растоптан тот тип традиционного русского костюма, что прежде соединял низы общества с верхами. Петровское государство лишило нас визуально различимого знака единства, нашей «ермолки». Продолжая эту тему, нельзя не отметить, что в жестокой к старине имперской политике были уступки церкви и народу. Оставлен им их великий и старый «главный враг» – «ересь жидовствующих», так вредившая будто догмам православия. Все выкресты в высшем руководстве, в том числе вице-канцлер Шафиров, – показательные образы раскола. Не имевший призрачных страхов Петр, формируя комфортную для себя «кукуйскую команду», не советовался с остальной страной – времени на свершения оставалось мало.

При всей напускной жесткости формальной регламентации жизни в петровской системе перестройка управленческих структур, бывшая предметом творчества увлеченного царя, подданными исполнялась в любом случае. Тайные знания о коллегиальном управлении и камерализме, с изощренным усилием полученные из Швеции и других держав, выборочно применялись и ровно поэтому не сработали правильно. Вот, например, система управления на основе коллегий оказалась на практике странно похожа на систему, сконструированную из сговоров и подковерных интриг: в постоянном единогласном принятии или отклонении решений видится фальшивость процедуры голосования с цветными шариками в особой комнате [11, с. 228–229]. На фоне Северной войны (открыто объясняемая ею) происходила милитаризация системы управления. Практика, находящая распространение в разные времена. Процесс управления упрощается для правителя, все будто бы оказывается в серьезных и опытных руках, но в перспективе снижается инициативность и самостоятельность в принятии решений на местном уровне, поддержка правителя и доверие к нему. Петра это не смущало. Он направлял гвардейцев бороться с волокитой, выдавая предварительно им мандаты с правом сажать в заключение на неопределенный срок в назидание за неторопливость региональных чиновников [11, с. 236]. При этом нельзя не отметить, что во многих случаях можно действительно считать, что имело место противодействие реформам со стороны консервативно настроенных служащих. В том числе именно для замены их на молодые верные царю кадры вводится и табель о рангах. Петр, без сомнения, усиленно строил взамен сложившейся до него вполне сбалансированной и представлявшей широкий круг интересов системы личную диктатуру (с заменой Бога на себя).

И все это ради чего? Ради торжества русских армии и флота над теми, кто не давал Петру (и Ивану IV) наконец сойтись с Европой. Но это же не только шведы, турки и поляки, но и наш народ, ставший живительным источником имперской силы после налоговой реформы. Англичанин Перри, организовавший строительство канала между Волгой и Доном, писал, что однажды адмирал Апраксин посоветовал ему просящих уплатить за работу благодарить ударами палками, благо их природа в таком излишке даровала [см.: 12, с. 168]. В глазах «реформаторов», существовали лишь рабы (снова по терминологии указа 1702 г.). Хотя в этом обстоятельстве на самом деле не все так очевидно и прямолинейно. Можно объяснить появление в отношениях власти с народом этого уничижительного в понимании современного носителя русского языка определения. В сочинениях Феофана Прокоповича встречается формула, по которой Петр, являясь «министром Всевышнего», передает народу милость Божию, и поэтому «противляться властям» значит «противиться Богу самому» [см.: 13, с. 91, 115, 124]. Учитывая известные и в XXI в. определения человека в контексте православной культуры в качестве «раба Божия», становится очевидным наличие в петровской элите идеи о сакрализации первого русского императора. Власть, используя человека как ресурс в построении империи, точно определила необходимость публичного объяснения своего могучего статуса. Но это не было утверждением четких правил для монархии во избежание новых смут, а лишь укреплением силы персонально Петра. Современные исследования ясно объясняют нам, что подобные режимы не позволяют возникать институтам, которые эффективно спланировали бы знать. Она оказывается расколота на фракции по этническому или иному признаку [14, с. 48]. И по исчезновении фигуры объединителя-гаранта-основателя такое государство идет вразнос. Наследие Петра оказалось тяжелым для страны и потому, что образование, обычно именуемое просвещением, которое формирует вольнодумцев, не вводилось, создавалось лишь военизировано-прикладная система обучения.

И все же, пройдя через огромное насилие, Россия в начале XVIII в. вступила в европейское сообщество, пока лишь военно-политически. Не произошло настоящей модернизации страны, а случилась государственная мимикрия под европейскость, но не преобразование в системном смысле. Создан был лишь макет для пропаганды на внешнюю и внутреннюю аудиторию, ради удовольствия элит. Могучей силой оказался лично Петр Великий, так символически выраженный в свое время в фигуре Медного всадника, чернеющей и поныне на Сенатской площади Его города. Города этого зверя, русского Левиафана, давшего так много зла народу и великие блага державе, не знавшей тогда о возможности уважать каждого отдельного своего человека. К сожалению, тогда таких концепций человеко-(не исключи-

тельно монарха)-центричного государства еще не родилось, и Петр пользовался теми, что пока не запятнали себя.

Список использованных источников и литературы

1. *Кротов П.А.* Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006.
2. *Рогинский З.И.* Миссия лорда Колпепера в Москву. (Из истории англо-русских отношений в период Английской буржуазной революции XVII в.) // *Международные связи России в XVII–XVIII вв.* М., 1966. С. 84–116.
3. *Боханов А.Н.* Царь Алексей Михайлович. М., 2012.
4. *Павленко Н.И.* Екатерина I. М., 2004.
5. *Акельев Е.В., Трефилов Е.Н.* Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сборник статей.* СПб., 2013. С. 153–173.
6. *Масрасинова Е.Н.* «Могу быть подданным, даже рабом, – но холопом не буду и у царя небесного»: власть и личность в России XVIII века // *Новое литературное обозрение.* 2016. № 141. С. 228–244.
7. *Скворцова Е.А.* Парные изображения Ивана Грозного и Петра Великого: идея преемственности Московского царства и Российской империи в русском искусстве XVIII века // *Артикульт.* 2018. № 3. С. 16–30.
8. ПСЗРИ. Собрание 1. Т. IV. СПб., 1830.
9. *Анисимов Е.В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.
10. ПСЗРИ. Собрание 1. Т. VII. СПб., 1830.
11. *Анисимов Е.В.* Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009.
12. *Перри Д.* Другое и более подробное повествование о России // *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских.* М., 1871. № 2.
13. *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961.
14. *Франц Э., Эзроу Н.* Диктатура и лидерство // *Неприкосновенный запас.* 2016. № 4. С. 43–55.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
Архив РАН – Архив Российской Академии наук (Москва)
Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
ВГУ – Воронежский государственный университет
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ЛОИИ – Ленинградское отделение института истории Академии наук СССР (ныне – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук)
МАИИКРН – Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев
МГПИ – Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина (с 1990 г. – МПГУ – Московский государственный педагогический университет)
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МИФЛИ – Московский институт философии, литературы, истории (1931–1941)
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
РАН – Российская Академия наук
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
РОИА – Российское общество историков-архивистов
СГУ – Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
СПБИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
ФПК – Факультет повышения квалификации

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне – Российский государственный архив литературы и искусства) (Москва)

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне – Государственный архив Российской Федерации) (Москва)

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Санкт-Петербург

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Саратовского национального государственного исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Груздинская Виктория Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Омск, г. Москва

Ермасов Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории и Архива РАН, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва

Кулаков Артем Егорович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Саратовского национального государственного исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Легкий Дмитрий Максимович, доктор исторических наук, профессор Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова, г. Костанай (Казахстан)

Лурье Лев Яковлевич, кандидат исторических наук, учитель истории школы № 610 (Классическая гимназия), журналист, г. Санкт-Петербург

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального государственного исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального гос-

ударственного исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут

Мисар Максим Дмитриевич, студент института истории и международных отношений Саратовского национального государственного исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Пиреев Артур Иванович, кандидат исторических наук, начальник отдела публикации и использования документов Государственного архива Саратовской области, г. Саратов

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального государственного исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Степанов Юрий Геннадиевич, кандидат исторических наук, главный архивист отдела публикаций и использования документов Государственного архива Саратовской области, г. Саратов

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального государственного исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Шиппан Михаэль, независимый исследователь, г. Берлин (Германия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА: Н.А. ТРОИЦКИЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

<i>Ковалев М.В., Груздинская В.С.</i> (Москва). «Вы делаете бессмертно нужное дело – и в профессиональном смысле, и в гражданском»: письма М.Я. Гефтера к Н.А. Троицкому (1972–1980).....	5
<i>Степанов Ю.Г.</i> (Саратов). Письма профессора В.Ф. Антонова Н.А. Троицкому (1987–1991).....	22
<i>Легкий Д.М.</i> (Костанай, Казахстан). О необходимости проведения «специальных исследований о жизни и деятельности Д.В. Стасова». Выполнение завета Н.А. Троицкого.....	40
<i>Андреева Т.В.</i> (Санкт-Петербург). Историография декабризма в творчестве А.Н. Цамутали.....	55
<i>Галямичев А.Н.</i> (Саратов). С.М. Стам – научный редактор	68
<i>Степанов Ю.Г.</i> (Саратов). Исторический факультет Саратовского университета в 1986–1991 гг. (по моим студенческим воспоминаниям).....	74

ИСТОРИОГРАФИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

<i>Милевский О.А.</i> (Сургут). Народническая ссылка на Тобольский Север в современной отечественной историографии	81
<i>Лурье Л.Я.</i> (Санкт-Петербург). «Воспоминания» Сергея Дегаева как исторический источник	92

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>Рабинович Я.Н.</i> (Саратов). Г.А. Замятин о военных операциях шведского военачальника Ганса Мунка в 1611–1612 гг. и контрмерах вождей Подмосковного и Нижегородского ополчени	108
<i>Шиппан М.</i> (Берлин, Германия). Царь Петр I в немецкой литературе XX века: библиографический обзор (<i>авторизованный перевод с немецкого Е.В. Ермасова</i>)	121
<i>Мезин С.А., Кулаков А.Е.</i> (Саратов). «Описание Санкт-Петербурга и его окрестностей»: рукопись из библиотеки Вольтера	141
<i>Майорова А.С.</i> (Саратов). Г.С. Саблуков и его «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства»	152
<i>Тотфалушин В.П.</i> (Саратов). Саратовский край и Крымская война (историографический обзор)	167
<i>Пиреев А.И.</i> (Саратов). Путевые заметки А.Н. Минха «Поездка в Пятигорск 1868 года»	174

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Мисар М.Д.</i> (Саратов). Петр I – благо или зло России?	187
Список сокращений	194
Сведения об авторах	196

Научное издание

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

В ы п у с к 2 8

Ответственный за выпуск *С.А. Мезин*
Оригинал-макет подготовил *А.С. Владимиров*

Подписано в печать 06.12.2021. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,62 (12,5). Уч.-изд. л. 11,92. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Саратовский источник».
410012, г. Саратов, ул. Кутякова, 138 б, 3 этаж.
Тел. (8452) 52-05-93
E-mail: saristoch@bk.ru
Отпечатано в типографии «Саратовского источника»